

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5	
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕНТАЛИТЕТА И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СТИЛЕЙ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ.....		12
1.1. История изучения этнопсихологических особенностей и менталитета народов	12	
1.2. Современные представления об этническом менталитете.....	20	
1. 3. Понятие и структура познавательных стилей.....	36	
1. 4. Подходы к определению понятий «этнос», «цивилизация», «культура»	55	
ГЛАВА 2. МЕНТАЛИТЕТ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ		72
2. 1. История формирования западного менталитета	72	
2. 2. Менталитет Запада в эпоху модерна и постмодерна	87	
2. 3. Общая характеристика западного менталитета	101	

2.4. Особенности познавательного стиля западной цивилизации.....	120
2.5. Менталитет и познавательные стили западных народов.....	136

ГЛАВА 3. МЕНТАЛИТЕТ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА204

3.1. Общая характеристика цивилизаций Востока	204
3.2. Менталитет дальневосточных цивилизаций.....	206
3.3. Познавательные стили дальневосточных цивилизаций	211
3.4. Китайская цивилизация.....	215
3.5. Японская цивилизация	233
3.6. Индийская цивилизация	258
3.7. История формирования и характеристика менталитета исламской цивилизации	279
3.8. Особенности познавательного стиля исламской цивилизации	287
3.9. Специфика менталитета и познавательных стилей народов ислама.....	292
3.10. Сравнительная характеристика ментальных и познавательных особенностей цивилизаций Запада и Востока.....	315

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	322
-----------------	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	326
--------------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь современного общества протекает в эпоху глобализации, захватившей весь мир. Следствием этого является расширение и интенсификация контактов между различными народами и цивилизациями не только в экономической, но и во всех сферах жизни человека. С одной стороны, такие процессы ведут к унификации мировосприятия и образцов поведения, культурному обезличиванию, стандартизации культур, подравниванию их под единые ценности и нормы, что нередко вызывает значительный дискомфорт, связанный с отрывом от национальной и культурной почвы. С другой стороны, при таком взаимодействии со всей очевидностью выступает различие ментальностей, затрудняющее достижение мира и сотрудничества между народами.

Действительно, существующая поликультурность современного мира создает много сложностей и проблем взаимного понимания между представителями разных групп этносов, имеющих своеобразные взгляды, идеи, верования и в конечном итоге – различные типы мировидения. Несмотря на то, что все мы представляем собой единое человечество, и, как говорит герой фильма А. Тарковского «Солярис», «нас горстка», повсеместно мы сталкиваемся с явлением взаимной непроницаемости, отчужденности, подчас враждебности различных культур.

На эту особенность межкультурных взаимоотношений указывал О. Шпенглер [177].

Несовпадения и даже противоречия в построении субъективной «картины мира», понимании различных феноменов людьми тех или иных культур как носителей специфического менталитета проявляются буквально во всем. Приведем лишь некоторые примеры.

Представители разных цивилизационных общностей склонны различным, подчас противоположным образом оценивать психологические и духовно-нравственные проблемы. Так, чувство безнадежности для людей евроамериканской цивилизации означает наличие депрессии и требует обращения к психотерапевту; для буддиста – это итог размышлений зрелой личности, понимающей необходимость ухода от желаний и привязанностей, чтобы достичь нирваны; для православного человека – это есть проявление греха уныния, избавиться от которого можно с помощью молитвы и поста [147].

Другой пример различия ментальностей приводит К. Меннерт. Он обнаружил факт трудности адекватного перевода на английский и немецкий языки названия повести В.М. Шукшина «Калина красная», т.к. в этих языках оно не включается в тот же ряд ассоциаций, фольклорных представлений, что у русских [92]. Таким образом, для русского менталитета характерен свой определенный архетип, связанный с подобным художественным образом, смысл которого невозможно воспроизвести в полной мере на чисто лексическом уровне.

Еще один образец проявления своеобразия миропонимания дает Д.Б.Гудков. По его наблюдениям, монгольские студенты были удивлены, что «Слово о полку Игореве» относят к числу классических и высокохудожественных произведений. Дело в том, что, по их мнению, поэзия должна рассказывать о великих победах и воспевать подвиги настоящих героев, а позорное поражение не может быть объектом художественного изображения [Там же].

Итак, бесспорно наличие межкультурных различий в отражении мира, способах мировидения. Однако сами эти различия воспринимаются не одинаково. Кто-то придает им глобальное значение и убежден в их непреодолимости. Противоположный вариант может состоять в полном их игнорировании. А. Е. Лузин выделяет следующие типы отношений к этническим различиям менталитета:

1) отрицание различий – все люди в мире разделяют (или обязаны разделять) одни и те же убеждения, установки, нормы поведения, ценности;

2) защита собственного культурного превосходства – мнение о том, что ценности и обычаи чужой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей;

3) минимизация межкультурных ментальных различий (например, в такой общности, как советский народ);

4) принятие существования межкультурных различий – знание другой культуры и благожелательное к ней отношение;

5) адаптация к новой культуре и ее менталитету – позитивное отношение, восприятие ее норм и ценностей при сохранении собственной культурной идентичности;

6) интеграция – когда инокультурные нормы и ценности начинают восприниматься как свои собственные [Там же].

Представляется очевидной необходимость преодоления крайностей, таких, как, с одной стороны, игнорирование специфики мировосприятия других народов и цивилизаций, признание тождественности их менталитета, а с другой – растворение в чуждой ментальности при отрицании своих этнических и культурных традиций.

По словам Д. Чижевского [27], Н.О. Лосского [91], каждая нация именно в своем своеобразном и оригинальном имеет вечное, общее значение, или свое «идеальное назначение». Таким образом, самобытность наций и культур, их непохожесть друг на друга, богатство и разнообразие вносит свой вклад в общечеловеческое достояние. Гюстав Лебон отмечает: «Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт» [84, с. 48 – 49].

Итак, для более глубокого понимания ментальностей иных народов, важно научиться, как призывал Н. О. Лосский, «сочувственно вживаться в другие культуры, постигать их, ... восполнять друг друга своим

творчеством» [91, с. 238]. Таким образом, должно происходить взаимопроникновение, взаимодействие разных культур, понимание и уважение между представителями несхожих между собой цивилизаций.

Необходимость знакомства с особенностями культуры и менталитета других народов имеет еще один важный аспект. Все это нужно и для более полного и глубокого понимания своей собственной культуры, ее основных идеалов и ценностей, мировосприятия, образа мыслей и склада ума. По мысли Н.О. Лосского, чтобы не впасть в опасную подражательность, необходимо национальное образование и воспитание, постижение религии, истории, языка, литературы, искусства и в целом культуры своего народа.

Последнее представляется особенно существенным, поскольку игнорирование своей культурной специфики и усвоение чуждых «этнофункциональных элементов» приводит, как это показал А.В. Сухарев [147], к дезинтеграции и даже психическим расстройствам, поскольку требует значительных энергетических затрат и астенизирует психику. О подобном эффекте писал ранее Н. С. Трубецкой, говоря, что сильные культурные различия при взаимодействии способны привести к катастрофе [Там же]. По мысли А.В. Сухарева, «уменьшение этнофункциональных рассогласований ... высвобождает энергетический потенциал, который может способствовать ... более успешной адаптации». Автор выступает против «поликультурного воспитания» и призывает создать «единство культурного поля» [149]. Действи-

тельно, воспитание англоязычного гражданина мира, не привязанного к традициям и национальным идеям своего народа, чревато негативными последствиями в виде неврозов, депрессий и т.п. [19].

Такова актуальность и практическая значимость проблемы исследования ментальных и познавательных особенностей различных этносов и цивилизаций. При этом необходимо отметить необычайную сложность указанной проблематики. Вопросы национальной специфики менталитета, несмотря на давнюю историю, являются крайне слабо изученными в экспериментальном плане. Работы, имеющие целью понимание сущности национального менталитета, основаны чаще всего на наблюдениях и умозаключениях тех или иных авторов [15, 21 – 24, 95, 111, 121, 121, 125, 178 – 181, и др.]. Экспериментальные исследования появились лишь в самое последнее время, и их нельзя назвать систематичными и разно-сторонними [17, 83, 93, 159, 185, 188, 196, 197]. Что же касается познавательных стилей, то надо отметить, что само это понятие вошло в научный обиход в середине XX века в американской психологии, и в настоящее время имеются лишь редкие попытки изучения этого феномена в кросскультурном аспекте [1, 110, 139]. Таким образом, данная работа представляет собой попытку чисто аналитического, теоретического исследования ментальных и познавательных особенностей ряда этносов восточной и западной цивилизаций на основе имеющихся литературных данных.

В работе анализируется понятие «менталитет», рассматриваются различные подходы к нему, выделяются главные, стержневые его составляющие. Впервые проводится систематизация разрозненных и неполных литературных сведений, описаний, закономерностей, касающихся ментальных и познавательных особенностей многих европейских и восточных народов, выбираются и обосновываются оценочные критерии. Выявляются специфические отличительные черты миропонимания и познавательного стиля отдельных этносов и целостных цивилизаций. Все это определяет новизну проводимого исследования.

Ввиду исключительной сложности научной проблематики работы, крайне широкого охвата объекта исследования, трудности создания обобщенного портрета всей нации (состоящей из множества самых разных личностей) или даже целой цивилизации, невозможности проведения всестороннего экспериментального исследования автор не претендует на то, что полученные результаты и выводы являются абсолютно бесспорными. Данное теоретическое исследование есть лишь некоторое, более или менее удачное, приближение к истине.

Итак, целью работы является теоретический анализ особенностей менталитета и познавательных стилей западной и восточной цивилизаций, а также ряда образующих их этносов.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕНТАЛИТЕТА И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СТИЛЕЙ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

I.1 История изучения этнопсихологических особенностей и менталитета народов

В настоящее время понятие менталитета, или ментальности, широко используется в культурологической, социологической и психологической литературе. Однако, по мнению Т.Г. Стефаненко, несмотря на его важность, оно не является вполне научным, т.е. обладает «аморфностью и недостаточной сциентичностью» [145, с.138].

Термин «*mentalité*» зародился во Франции. Впервые его можно встретить в отдельных работах Р. Эмерсона в 1856 г. Однако попытки понять и описать отдельные стороны менталитета, особенности и причины психологического облика разных народов предпринимались с давних времен. Так, еще древнегреческий врач Гиппократ связывал психологическое своеобразие разных народов со спецификой их географического положения и климатических условий. Демокрит полагал, что южный и северный климат неодинаково влияют на организм, а следовательно, и на психику человека.

В XVIII веке французский просветитель Ш. Монтескье также разделял подобную точку зрения: он констатировал определенную зависимость духовного склада и образа мышления народов от их образа жизни, хотя последний, по его мнению, целиком определяется условиями географической среды.

На протяжении Нового времени в ряде философских разработок (например, работы Ж. Б. Вико, И. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля и др.) получила развитие идея о «народном духе» какого-либо народа. Ко второй половине XIX в. эта идея настолько утвердилась в науке, что в 1859 г. немецкие ученые М. Лацарус и Х. Штейнталь объявили о формировании нового научного направления – этнической психологии – и издании по данной проблематике соответствующего журнала.

Х. Штейнталь и М. Лацарус интерпретировали термин «дух народа» как некую таинственную субстанцию, которая остается неизменной и обеспечивает единство национального характера при всех индивидуальных различиях [180, с. 6]. Х. Штейнталь полагал, что все индивиды одного народа имеют «сходные чувства, склонности, желания», все они обладают одним и тем же народным духом, который немецкие мыслители понимали как психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенному народу, и одновременно как их самосознание, т.е. то, что сейчас называют этнической идентичностью. Народный дух «проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях» [179, с.108 – 116].

Идею о выделении психологии народов как особой отрасли знаний стремился развить и другой немецкий психолог – Вильгельм Вундт. Хотя В. Вундт понимал сущность психологии народов в несколько ином свете, чем Х. Штейнталь и М. Лацарус, он всегда подчеркивал, что психология народов – это наука о душе народа, которая проявляется в языке, мифах, обычаях, нравах [21]. Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собою возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли [22].

В конце XIX века сначала Г. Тард и С. Сигеле, а затем и Г. Лебон пришли к выводу о том, что поведение представителей тех или иных исторических общностей во многом определяется подражанием. Известный английский ученый В. Макдугалл разработал концепцию инстинктов, являющихся, по его мнению, внутренними неосознанными мотивами действий людей той или иной нации.

В начале XX века французский психолог и этнограф Л. Леви-Брюль занялся исследованиями человеческого мышления в разных культурах. Мышление рассматривалось не только как аналитическая способность человека, но как совокупность способов и приемов познания и объяснения окружающего мира. Это было исследование межкультурных различий, специфики интеллекта в индустриальной культуре. Л. Леви-Брюль одним из первых ввел в научный обиход категорию «менталитет».

Однако в это же время (в 1912 г.) выходит работа Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни», в которой он использует понятие «коллективные представления», близкое к указанному термину [49, с.226]. После Л. Леви-Брюля о проблемах ментальности первобытной эпохи размышляли П. Раден, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс. Термин «менталитет» использовался также психологами Ш. Блонделем и А. Валлоном.

Близкое к современному понимание сущности менталитета было разработано в 30-е годы XX века исторической школой «Анналов», в частности, такими учеными, как М. Блок, понимавший под ментальностью «групповое, коллективное сознание» [12, с. 115], и Л. Февр, определявший данную категорию как «преломление коллективного в индивидуальном» [161, с. 204].

По мнению французских историков, ментальность (или менталитет) – это «система образов, ...которые ...лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [48, с.52]. Такое определение близко к русскому слову «миропонимание». Историки школы «Анналов» не разграничивали понятия «менталитет» и «ментальность», которые считались синонимичными. Однако значения этих слов в разных языках, хотя и близки по смыслу, но совпадают не полностью. Так, во французском языке *mentalite* – это направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума. В английском – *mentality* – это умственное развитие, склад ума, умонастроение. В немецком – *die*

Mentalitat – это склад ума, образ мыслей и т.д. Итак, общим значением является склад ума, образ мыслей, умонастроение.

Дальнейшие размышления о менталитете не внесли ясность в его понимание. Так Р. Шпрандель считал, что к ментальности относят коллективные представления. Ф. Граус полагал, что менталитет проявляется в предрасположенности индивидуума к определенным типам реакций и является их механизмом. Ю. Митке определял менталитет как «самопонимание групп», проявляющееся в повседневном, полуавтоматическом поведении и мышлении [15].

В западной (в основном, американской) науке идеи этнопсихологов о связях культуры с внутренним миром человека были подхвачены новой наукой – психологической антропологией (представляющей собой часть этнологии, или культурной антропологии), направленной на изучение того, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в условиях разных культур. Другими направлениями этнопсихологии стали психология межэтнических отношений и кросскультурная (сравнительно-культурная) психология. В отличие от других, последнее направление является разделом психологии и обращено к изучению признаков сходства и различия в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам, связей психологических различий с социокультурными, экологическими и биологическими особенностями, а также – современных изменений этих различий [188]. В рамках

этого направления проводится изучение этнического менталитета.

В отечественной науке также изучались некоторые аспекты понятия «менталитет». Так, для раскрытия духовной структуры общества часто использовались как синонимы такие категории, как «национальный характер», «национальная душа», «национальное сознание». Структура национальной души раскрывается исследователями, в частности, на примере анализа духовного мира русского народа. Надо отметить, что традиция изучения русского национального характера была заложена историками России XIX в. Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским. Выработать философское и психологическое обоснование для исследований указанной проблематики в рамках «психологической этнографии» попытались К. М. Бэр, Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Кульминацией в развитии этого направления явились работы таких отечественных религиозных философов конца XIX – начала XX вв., как Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов, Л. П. Карсавин, В. В. Зеньковский и др.

Основы учения о менталитете также разрабатывал видный представитель направления этнической психологии в России профессор Московского университета Г. Г. Шпет, вслед за В. Вундтом использующий термин «народный дух», под которым он понимал совокупность конкретных субъективных переживаний людей, психологию «исторически образующегося коллектива», т.е. народа [178, с. 20]. Г. Г. Шпет полагал, что принадлежность

человека к народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к тем культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание истории народа.

Значительный вклад в развитие данного научного направления внес отечественный ученый А. А. Потебня. Он стремился раскрыть и объяснить механизмы формирования этнопсихологической специфики мышления. По мнению Потебни, главным не только этнодифференцирующим, но и этноформирующим признаком любого этноса, обуславливающим существование народа, является язык. Все существующие в мире языки роднят два свойства – звуковая «членораздельность» и то, что все они есть системы символов, служащих выражению мысли. Все остальные их характеристики этноспецифичны, и главная среди них – система приемов мышления, воплощенная в языке.

А. А. Потебня пришел к целому ряду важных выводов: а) утрата народом своего языка равносильна его денационализации; б) представители разных национальностей не всегда могут наладить адекватное взаимопонимание, т.к. существуют специфичные особенности и механизмы межэтнического общения; в) культура и образование развивают и закрепляют этноспецифические характеристики представителей тех или иных народов, а не нивелируют их.

Ученик и последователь А.А. Потебни – Д. Н. Овсяннико-Куликовский – стремился выявить и обосновать механизмы и средства формирования психологического

своеобразия наций. Согласно его концепции, основными факторами формирования национальной психики являются элементы интеллекта и воли, а элементы эмоций и чувств в их число не входят. Д. Н. Овсяннико-Куликовский полагал, что все нации можно разделить условно на два основных типа: активные и пассивные, в зависимости от того, какая из двух видов воли – «действующая» или «задерживающая» – преобладает у данного этноса. К пассивному типу он относил русский и немецкий национальные характеры, различающиеся присутствием у русских волевой лени. К активному – английский и французский национальные характеры, различающиеся присутствием у французов излишней импульсивности.

В XX веке в отечественной науке развивались два направления, в рамках которых происходило исследование этнического менталитета: 1) этнографическое и этносоциологическое (Ю. В. Бромлей, М. Н. Губогло, В. И. Козлов, И. С. Кон, Б. Ф. Поршнев и др.) и 2) психологическое (Г. А. Андреева, В. С. Агеев, А. Г. Асмолов, А. А. Леонтьев, Т. Г. Стефаненко, В. Ф. Петренко и др.). В начале 90-х гг. XX столетия вклад в разработку теории ментальности внесли такие отечественные ученые, как А. Я. Гуревич, А. П. Ястребитская, В. П. Даркевич, Ю. Л. Бессмертный, а также – Л. М. Баткин, А. В. Арциховский, Н. В. Воронин, Б. Л. Романов, И. Г. Дубов, В. К. Кантор, А. С. Ахиезер.

I.2. Современные представления об этническом менталитете

Обычно под менталитетом ментальностью (лат. mens, mentis – ум и alis – другие), подразумевают мироощущение, мировоззрение и мировосприятие, определяющиеся национальными обычаями, этическими, эстетическими и религиозными принципами, образом жизни [50]; образ мышления, общую духовную настроенность [162]; совокупность установок сознания, привычек мышления, предрасположенностей восприятия, поведения и повседневных верований [140].

Попытки определить сущность менталитета предпринимались как в западной, так и в российской науке. Л. Н. Пушкарев указывает, что общепринятыми в Европе являются следующие определения менталитета – это своеобразные неясные, невербализованные установки сознания. С одной стороны, менталитет включает в себя основные представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога, т.е. совокупность идей; с другой – это манера мышления, его склад, его своеобразие, интеллектуальные установки. В целом, согласно Л. Н. Пушкареву, менталитет в понимании западных ученых имеет целый спектр значений: это и иррациональное подсознание человека, и его вера, духовный мир, мировидение, и даже логическое мышление [126].

С точки зрения отечественных ученых, понятие менталитета, или ментальности, также неоднозначно. Так, А. Я. Гуревич, который одним из первых советских психологов разрабатывал данное понятие, особо подчеркивал его психологическое содержание и указывал, что ментальность есть обобщенный способ восприятия мира, манера чувствовать и думать, характерная для людей определенной эпохи [37].

Ф.Т. Аутлева, размышляя об этом понятии, сводит его к категории установки, [6, с. 23] определяя ментальность как внутреннюю сумму готовностей, установок и предрасположенностей социального субъекта мыслить, чувствовать, действовать и воспринимать мир определенным образом. Автор полагает, что ментальность отражает глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включая и бессознательное. Подобный взгляд высказывает и Н. А. Нуждин. С его точки зрения, менталитет – это «особый духовный универсум, который включает в себя латентные умственные и психические установки, характеризующие склад (манеру) мышления, и отражающий устойчивые эмоциональные и рациональные стандарты и стереотипы восприятия действительности» [108]. Менталитет рассматривается также как регулятор поведения (бытия-в-мире) какой-либо группы людей или отдельного индивида в определённое время.

В последнее время в культурологии включают в термин «ментальность» (или менталитет) содержательные аспекты, при этом он понимается как относительно

целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества [8].

Еще один важный момент в определении менталитета усматривает И. Г. Дубов. С его точки зрения, к менталитету относится не вся совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей, а только их специфика, отличающая одну этническую группу от другой. «Менталитет есть некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего общества и объяснить специфику реагирования на него» [43, с. 20 – 29].

В каком-то смысле обобщенное определение, объединяющее вышеизложенные точки зрения, предлагает С. В. Вальцев [15]. С одной стороны, автор присоединяется к мнению о том, что менталитет – это общая духовная целостная совокупность образов, идей, верований, навыков духа, в которой находят свое выражение представления о личности и ее отношении к обществу, идеалы добра и зла, представления о ходе истории и т. д.; с другой стороны, он утверждает, что менталитет является корневым основанием, через призму которого происходит восприятие основных аспектов реальности. По его определению, национальный менталитет – это система взаимосвязанных образов, включая бессознательные, которые лежат в основе коллективных представлений нации о мире и о своем месте в мире. Другими словами, менталитет – это некая интегральная

характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Обобщая приведенные формулировки, можно выделить три основных аспекта понимания менталитета:

- 1) фундаментальная духовная структура – система верований, представлений, мыслей, идей о человеке, природе, обществе (или основа их); мировидение;
- 2) специфика представлений, своеобразие видения;
- 3) установки сознания и бессознательного, склад ума, образ мыслей, способ восприятия, мышления, чувствования, действия. Таким образом, эта структура включает в себя как чисто содержательные моменты типа идей или верований, так и формально-динамические особенности, относящиеся к специфике или способу мышления и т.д.

Особую проблему составляет соотношение понятий «менталитет» и «ментальность». Хотя большинство представителей отечественной гуманитарной науки склонны употреблять их как синонимичные [39, 148], социолингвисты представляют эти два термина как несовпадающие. С их точки зрения, понятие «ментальность» фиксирует функционально-динамические аспекты, тогда как слово «менталитет» обозначает содержательные стороны опыта в сознании людей исторически определенной лингвокультурной общности. Так, Л. Н. Пушкарев считает, что последний имеет более общее значение (напр., «менталитет средневековья»), а термин «ментальность» соотносим с понятиями «мышление» или

«чувство» (напр., французская или русская ментальность и т.д.). В определенном смысле сходную точку зрения высказали Е. А. Ануфриев и Л. В. Лесная, которые отметили, что «в отличие от менталитета под ментальностью следует понимать частичное, аспектное проявление менталитета ...» [4]. М.М. Громько рассматривает разные ментальности (религиозную, этическую и т.д.) как части менталитета.

Таким образом, можно отметить диалектическую взаимосвязь указанных понятий. С точки зрения ряда исследователей, они соотносятся между собой как общее, содержательное (менталитет) и частное, динамическое (ментальность). В то же время в литературе эти термины обычно используются как синонимы. Поскольку такая точка зрения является довольно распространенной и упрощает исследование данного феномена, будет логичным в настоящей работе присоединиться к данной трактовке. Таким образом, будем понимать эти термины как идентичные по смыслу.

Во многих работах, посвященных менталитету, называются формы его проявления, или каналы трансляции, такие, как, специфика мышления и восприятия; язык; иерархия ценностей, убеждения, идеалы; типичные способы, стереотипы поведения (в том числе национальный характер).

Поскольку менталитет относится к когнитивной сфере личности [44], вполне обоснованным представляется изучение его с помощью познавательных процессов. Действительно, многие исследователи

связывают понятие менталитета с мышлением, познанием, восприятием. Так, П. Динцельбахер определяет исторический менталитет как совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерную для определенного коллектива в определенное время [108]. И хотя такой подход критикуется как односторонний, невозможно отрицать значимость этих компонентов. Н. П. Рогальская [127] также отмечает, что национальное мышление формирует культуру, отражается в культурных памятниках. В то же время мышление зачастую и определяется культурными особенностями, традициями. Человек мыслит, исходя из понятий, сформированных в культуре нации. Однако менталитет не сводится к мышлению, к тому же он более связан со способом мышления, складом ума. Еще Д. Н. Овсяннико-Куликовский утверждал, что национальная специфика заключается в особенностях мышления, и искать ее нужно не в содержательной стороне этого психического процесса и не в его результативности, а в бессознательной сфере психики человека. Н. А. Нуждин также отмечает, что менталитет представляет собой матрицу процесса мышления, или образ мыслей [108].

Следующим атрибутом менталитета можно считать язык. В свое время О. Шпенглер [177] отмечал, что национальный менталитет, самосознание народа проявляется в национальном языке. В словаре И. Г. Дубова, А. В. Петровского [44] также указывается, что осознание и оценка явлений действительности, представляющие существенный компонент менталитета, достаточно полно

зафиксированы в языке. Это делает язык объектом анализа при изучении менталитета. И. Г. Дубов [41] подчеркивает, что в языке отражается отношение людей к окружающему миру, и что существуют различия в значениях одного и того же понятия в языках разных культур. В связи с этим автор говорит о «языковой ментальности», понимая под ней способ деления мира с помощью языка, достаточно адекватный существующим у людей представлениям о мире.

Многие исследователи обращали внимание на взаимоотношения национального языка и мышления как компонентов менталитета. Еще русский лингвист А. А. Потебня полагал, что язык обуславливает приемы умственной работы. Функция языка – не обозначать мысль, а творить ее, преобразовывая первоначальные доязычные элементы. При этом представители разных народов посредством национальных языков формируют мысль своим, отличным от других способом. Именно в языке видел А. А. Потебня главный фактор, объединяющий людей в народность. Связывая народность с языком, автор считал ее очень древним явлением. Таким образом, и древнейшие традиции народа следует искать главным образом в языке. Как только ребенок овладевает языком, он приобретает эти традиции.

Вслед за ним Д. Н. Овсяннико-Куликовский также утверждал, что язык выступает стержнем народной мысли и психики и является особой формой накопления и сбережения психической энергии народов.

Еще раньше выдающийся немецкий ученый В. фон Гумбольдт рассматривал языки как выражение различных мировидений: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и воображение.... Языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [33, с.349].

Для понимания природы межэтнических различий в менталитете особое значение имела гипотеза о влиянии языка на способ видения окружающего мира. Она получила название лингвистической относительности. Иногда ее называют гипотезой Сэпира – Уорфа (по фамилиям создателей). Американский лингвист Б. Уорф утверждал, что язык не просто средство выражения мыслей, а форма, от которой зависит образ наших мыслей. Язык, усваиваемый в детстве, определяет особый способ видения и структурирования мира. Согласно Б. Уорфу, языковая система – это не инструмент для воспроизведения мыслей. Дело в том, что сама грамматика формирует мысль и является для нее программой и руководством. Как считал Э. Сэпир [203], в каждом языке устанавливается и закрепляется какой-то один образ мышления: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом, благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [137, с.261]. По словам Б. Уорфа, «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [158, с.174]. Поток

впечатлений от внешнего мира организуется нашим сознанием, т.е. языковой системой. Таким образом, «сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или соотносительности языковых систем» [Там же]. Это положение социолингвистики предполагает, что группы людей, образующих культуры и говорящих на различных языках, отличаются в своем восприятии и познании мира.

Подобную же точку зрения высказывает современная исследовательница А. Вежбицкая: «Власть родного языка человека над характером его мышления так сильна, что он думает об условных соглашениях, в которых принимает участие, не в большей степени, чем о воздухе, которым дышит» [17, с. 24].

Итак, идея о том, что именно национальный язык, в котором запечатлен опыт мирозидения многих поколений людей, формирует мысль и накладывает на нее значительный отпечаток, что язык представляет собой подобие русла реки, по которому понесет она свои воды – мысли, значения, смыслы, т.е. элементы менталитета, представляется очень продуктивной для объяснения ментальных различий между этносами.

Действительно, разные группы языков значительно отличаются друг от друга по своей морфологии, сложности, дифференцированности. Так, В. фон Гумбольдт в своих работах [32] приводит выделенную Ф. фон Шлегелем типологию языков:

1) флективные (индоевропейские, иранский, арабский языки) характеризуются тем, что при изменении по

падежам частично изменяется корень с суффиксом, а один суффикс может объединять несколько значений;

2) агглютинативные (тюркские, финно-угорские, монгольский, японский языки), в которых суффиксы «приставляются» к корню без изменений;

3) изолирующие (китайский, вьетнамский языки), в которых нет изменения корней, отдельные слова не изменяются в зависимости от ситуации (нет падежей) при грамматической значимости порядка слов. Такие языки называют еще односложными.

Признак изменяемости корня говорит о более развитом состоянии конкретного языка: чем более развита и закономерна способность корня слова к изменению, тем более высокого эволюционного уровня достиг рассматриваемый язык. Флективные языки являются более развитыми в эволюционном смысле. Среди флективирующих различают синтетические и аналитические языки. В первых – грамматические отношения выражаются путем изменения формы слов, а во вторых – прибегают для этой цели к местоименным формам и вспомогательным глаголам. К синтетическим языкам относят немецкий и русский, к аналитическим – английский и французский [156].

Итак, язык несет в себе особенности менталитета народа, способ его миропонимания. Специфика менталитета проявляется в таких категориях, как цели развития общества, основные ценностные ориентации, убеждения, идеалы. Так, в указанном словаре И. Г. Дубова, А. В. Петровского отмечается, что «менталитет раскры-

вается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, ... задающую ... иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы, социальные установки и т.п., отличающие указанную общность от других». С. В. Вальцев [15] определяет менталитет как «глубинный классификационно-оценочный эталон», «устойчивое ценностно-смысловое ядро психического склада нации».

Итак, менталитет той или иной цивилизации непосредственно связан с ведущими ценностями. Способ видения мира, миропонимание – это во многом преломление информации через ценностные ориентации, выработанные в данной культуре. Н. М. Лебедева также обращает внимание на ценностную сторону культуры и полагает, что ключом к ее пониманию могут стать базовые ценности [82]. Такого же мнения придерживаются Ф. Клакхон и Ф. Стродбек, определяющие ценностные ориентации как сложные, сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем [83]. Используя аксиологический подход для характеристики разных этносов и цивилизаций, С. Шварц выделяет десять наиболее универсальных ценностей:

- 1) самостоятельность (свобода, творчество, смелость, независимость, выбор собственных целей);
- 2) стимуляция (разнообразие жизни, отвага, яркость впечатлений);

- 3) гедонизм (наслаждение, удовольствие);
- 4) достижение (амбиции, успех, способности, влияние, власть);
- 5) власть (авторитет, социальная значимость, влияние, благосостояние);
- 6) безопасность (социальный порядок, семейная безопасность, национальная безопасность, чувство принадлежности, здоровье);
- 7) конформизм (долг, самодисциплина, вежливость, гордость родителями и старшими);
- 8) традиции (уважение традиций, скромность, принятие своего места в жизни);
- 9) щедрость (помощь, лояльность, прощение, честность, ответственность, истинная дружба, зрелая любовь);
- 10) универсализм (широта мышления, равенство, поклонение природе и прекрасному, мудрость, защита окружающей среды) [82].

Ценности этноса отражаются даже в способе построения слов и самом алфавите национального языка [14].

Ценности того или иного этноса в значительной степени определяются также верой, спецификой преобладающей религии. Например, по мнению С. Хантингтона [195], ядром всякой цивилизации (культуры) является религия, и религиозные убеждения наиболее укоренены и устойчивы в сознании народов. Действительно, христианский, мусульманский, а также конфуцианский и буддийский миры кардинально отличаются друг от друга по своему менталитету, ценностям, мировидению.

Менталитет различных этносов тесно связан со спецификой национального характера. Так, например, Г. Лебон замечает, что народы, принявшие Реформацию, имели в своем характере такие черты, как независимость, энергия, привычка рассуждать и не подчиняться [84].

И.Г. Дубов и А.В. Петровский подчеркивают, что менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь прежде всего в стереотипах поведения. Типовое поведение, характерное для представителей определенного народа, представляет собой черты национального характера, являющиеся частью менталитета.

По определению М.В. Воронцовой [19], менталитет того или иного народа – это совокупность определенных образцов поведения, привычек и установок в осмыслении событий.

Н.П. Рогальская также указывает на типичные образцы поведения как способы проявления и трансляции менталитета. По ее словам, менталитет формируется в ходе длительного исторического развития данного этноса и определяет национальный характер, национальную модель экономического и социального поведения [127].

Итак, исследователи сходятся на том, что менталитет, или ментальность, можно изучать по таким проявлениям, как особенности познавательных процессов, язык, ценности и верования, а также национальный характер, обнаруживаемый в типичных способах поведения. Следует отметить, что ментальность, таким

образом, отражается в когнитивных, аффективных и поведенческих проявлениях [39].

Во многих работах, посвященных данной проблематике, называются характеристики менталитета: 1) сочетание сознательного и бессознательного пластов; 2) активное, деятельное начало; 3) длительность, устойчивость; 4) стереотипность; 5) принадлежность этносу.

Первая характеристика состоит в том, что это понятие затрагивает глубинный уровень психики, включает в себя сознательное и бессознательное, логическое и эмоциональное. Такие авторы, как О. А. Петренко [119], Ю. А. Сорокин, Ф. Т. Аутлева [6], указывают на иррациональную, интуитивную форму ментальности, ее связь не только с сознанием, но и с бессознательным. Т. Г. Стефаненко также пишет, что «ментальность тесно связана с областью коллективного бессознательного» [145, с.137]. В своей сущности менталитет представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии [134]. По словам А. Я. Гуревича, ментальность «остаётся непрорефлектированной и логически не выявленной» [37].

Второй характеристикой, как отмечает П. Динцельбахер, является наличие активного, деятельностного начала в менталитете, который опосредует поведение, деятельность, поступки людей.

А.П. Огурцов [109] говорит о большой исторической длительности структур менталитета и устойчивости

относительно изменений общественно-политической жизни. Н. А. Нуждин подчеркивает, что ментальные установки остаются неизменными в течение долгого времени, поскольку являются неосознанными и неподверженными рефлексии, однако при этом динамичны, проходят ряд стадий в своем развитии. С. В. Вальцев также указывает на постоянство и стабильность менталитета и одновременно на его относительную историческую изменчивость. Автор полагает, что национальный менталитет меняется, хотя и очень медленно, причем изменение происходит не путем «перестройки», а «посредством наслаивания поверх древних архетипов все новых и новых смысловых пластов». Причем каждый новый пласт – это «изменение всего контекста смысловой репрезентации социальной реальности».

Важной характеристикой всех составляющих менталитета является стереотипность [43], значительное сходство, повторяемость для всех представителей данного этноса или цивилизации.

Многие авторы замечают, что менталитет – это этническая, групповая характеристика. М.В. Воронцова пишет, что менталитет становится видимым и осязаемым только при соприкосновении с носителями других ментальностей, при взгляде извне.

Менталитет, рассматриваемый как один из элементов цивилизационной системы, выполняет следующие функции в обществе:

- регулятивная – регуляция поведения, выработка стереотипа поведения;

- стабилизирующая – для системы социальных отношений – это передача от одного поколения к другому обычаев, нравов, идеалов, обеспечение преемственности поколений [76];

- адаптивная – приспособление этноса к окружающей среде [17].

- Среди факторов, способствующих формированию менталитета, можно отметить следующие:

- своеобразии экологических, ландшафтно-пространственных условий;

- биолого-органические факторы;

- особенности культурных систем;

- разнообразии ценностных установок и традиционных верований [76];

- социальные факторы, особенности социализации;

- политические и экономические обстоятельства.

Формирование менталитета не зависит от индивидуальных особенностей личности. И. К. Пантин, Э. Шулин называют менталитет этнопсихологической ДНК, родовой памятью, «этническим кодом» хранящим информацию об истории, условиях жизни и деятельности этноса [15]. По мнению Н. П. Рогальской, это нечто, близкое к юнговскому «архетипу» [127].

Ментальность отличается от картины мира степенью осознанности: картина мира – осознанное представление, а ментальность сознанием не рефлексивируется [119]. Однако о менталитете судят по специфике картины мира. М. В. Воронцова отмечает, что национальный образ мира является основой для формирования менталитета. Она

полагает также, что, картина мира лучше видна изнутри, чем извне, тогда как менталитет обычно лучше виден со стороны, чем при взгляде изнутри – из собственной культурной традиции [19]. В то же время Г. Д. Гачев в содержание ментальности включает «национальные образы мира» как единство природы, быта, языка, истории, национального характера [23].

Итак, ментальность является той призмой, которая позволяет отражать определенную этническую картину мира. Однако есть основания полагать, что психологические различия между этносами и цивилизациями проявляются также в особенностях, называемых стилями познания мира [63 – 67].

I. 3. Понятие и структура познавательных стилей

Психология познавательных стилей как характеристик, механизмов своеобразия склада ума остается мало изученной областью знания. Индивидуальные различия в способах переработки информации стали предметом специального исследования американских психологов лишь в 50-60-х годах XX века.

М.А. Холодная [168] выделяет три этапа стилевого подхода в психологии. На первом этапе (20 – 30-е гг. XX в.) стиль рассматривался как индивидуально-своеобразные способы взаимодействия человека с социальным окружением (А. Адлер, Г. Олпорт). Далее представители направления New Look сделали индивидуальные различия в познавательной сфере предметом специального

изучения. При этом стиль рассматривался как проявление высших уровней развития индивидуальности.

На втором этапе (50– 70-е гг. XX в.) понятие стиля использовалось для изучения механизмов индивидуальных различий в способах познания своего окружения. В американской психологии появляется термин «когнитивный стиль» для обозначения индивидуальных особенностей восприятия, анализа, категоризации и воспроизведения информации. Когнитивные стили – это формально-динамическая характеристика интеллектуальной деятельности, это устойчивые познавательные предпочтения, проявляющиеся в преимущественном использовании определенных способов переработки информации. При этом они измерялись с помощью конкретных методик.

Третий современный этап развития стилевого подхода, начавшийся с 80-х годов XX века, характеризуется расширением понятия «стиль» за счет таких категорий, как «стиль учения», «стиль мышления», «эпистемологические стили», «оценочный стиль», «эмоциональный стиль» и, наконец, «стиль человека». В результате этого стилевые особенности стали отождествляться с индивидуальными различиями в деятельности, вместе с тем важно выделять это понятие из общей структуры индивидуальности.

По словам М.А. Холодной, стилевая система является интегратором когнитивной и аффективной сфер и влияет на такие важные характеристики, как образ мира, образ Я,

стиль жизни (т.е., по сути дела, на составляющие менталитета).

Понятие стиля как способа познавательного взаимодействия человека с миром [88] представляется очень важным не только для характеристики индивидуальности, но и для описания особенностей мировидения различных этносов. Стиль – это интегральная формально-динамическая характеристика человека или целого народа. По определению Г. Олпорта, это характеристика системы операций, к которым личность предрасположена в силу своих индивидуальных свойств. Познавательный стиль связан с предпочитаемым способом получения и обработки информации в процессе познания окружающей действительности. Как указывает М.А. Холодная [168], термин *познавательный* относится к процессу отражения действительности и связан с тем, что отображено в образе, тогда как *когнитивный* – к механизмам обработки информации, к тому, как строится образ.

Итак, познавательный стиль отражает индивидуальные различия в способах изучения реальности. Таким образом, понятие стиля очень близко соотносится с термином «менталитет», различаясь лишь в том, что первое представляет собой только формально-динамические характеристики процесса отражения мира, тогда как второе включает и содержательные моменты мировидения. Вероятно, что устойчивые особенности познавательного стиля приводят к формированию того склада ума, способа видения мира, которые характеризуют менталитет. Таким образом, эти стили

могут включаться в структуру менталитета как процессуально-динамические его компоненты, или психологические механизмы.

М. А. Холодная называет основные критерии, отличающие познавательный стиль от способностей:

1) стиль выступает как способ выполнения интеллектуальной деятельности (является процессуальной характеристикой); таким образом, разные стили могут обеспечивать одинаковую успешность решения определенной задачи;

2) стиль – биполярное измерение (индивидуальные показатели стиля располагаются на двух полюсах горизонтальной шкалы);

3) к стилевым феноменам не применимы оценочные суждения, поскольку любой полюс стиля равноценен с точки зрения эффективной интеллектуальной адаптации;

4) стиль – устойчивая характеристика человека, стабильно присущая ему на разных этапах онтогенеза и в различных условиях социализации;

5) стиль проявляется генерализованно в различных видах психической деятельности.

Правда, дальнейшие исследования приводят автора к мнению о том, что стили как способы переработки информации контролируют базовые познавательные процессы и поэтому являются метакогнитивными способностями. Таким образом, они прямо или косвенно влияют на продуктивность интеллектуального поведения. Также само наличие стилей свидетельствует о высоком уровне интеллектуального развития.

Познавательные стили представляют собой сложные, многоуровневые, многосоставные образования. Так, Л.Карри была предложена «трехслойная модель» познавательного стиля. В рамках этой модели внутренний слой образуют интегральные структуры – личностные типы (например, по К. Юнгу), влияющие на своеобразие познавательной деятельности в целом. Средний слой – более мелкие, частные механизмы – когнитивные стили (способы переработки информации). Поверхностный слой представлен стилями учения (учебными предпочтениями). [192].

М.А. Холодная выделяет четыре уровня стилевых свойств в структуре общих познавательных стилей. Последовательность их, начиная от самых частных, тонких механизмов и заканчивая более крупными макростильями, выглядит следующим образом: стили кодирования информации, интеллектуальные, когнитивные, эпистемологические.

Самой элементарной разновидностью познавательных стилей являются *стили кодирования информации* – индивидуально-своеобразные способы представления информации в зависимости от доминирования определенной модальности ощущений (слуховой, зрительной, кинестетической и т.д.). К этому уровню стилевых особенностей можно отнести выделенные И. П. Павловым типы кодирования информации: чувственно-наглядный (образный) и словесно-речевой.

Л.М. Веккер [18] говорит о трех «языках» переработки информации – знаково-словесном, образно-

пространственном и тактильно-кинестетическом; при этом преобладание того или иного способа кодирования информации у разных людей определяет выраженность познавательных стилей и склад индивидуального ума («практики», «романтики», «художники», «логики» и т.д.).

М.А. Холодная полагает, что возможно выделение четырех способов кодирования информации: словесно-речевого, визуального, предметно-практического, сенсорно-эмоционального.

Следующей градацией являются *когнитивные стили* – индивидуально-своеобразные способы переработки информации об актуальной ситуации. Существует большое количество разновидностей когнитивных стилей.

Один из них – дифференцированность поля с параметрами «полезависимость – полenezависимость». Полезависимость – это трудность преодоления превалирующего влияния зрительного поля. Полезависимые лица используют конфигуративный (глобально-целостный) подход к ситуации с более активным вовлечением правого полушария (образное отражение), с опорой на внешние факторы, они не склонны к переструктурированию и реорганизации материала, анализу и выделению существенных частей и деталей и характеризуются жесткостью когнитивных схем. Вместе с тем полезависимые люди более чувствительны к социальным воздействиям, внимательны к социальным источникам информации, деликатны, нуждаются в поддержке, помощи, одобрении. Представители полenezависимого стиля, напротив, полагаются на внутренний опыт и легко преодолевают

влияние зрительного поля, быстро и точно выделяют нужную порцию информации, важную деталь из пространственной ситуации.

Узкий – широкий диапазон когнитивной эквивалентности (аналитичность – синтетичность) проявляется в том, что, например, представители полюса узкого диапазона (аналитического стиля) склонны ориентироваться на различия объектов, обращая внимание на детали и отличительные признаки. Аналитичность связана с опорой на явные физические свойства объектов, конкретностью, точностью, то есть с использованием жестких субъективных критериев, или оценочных шкал с малой ценой деления. Представители полюса широкого диапазона эквивалентности (синтетического стиля) склонны ориентироваться на сходство объектов, выделяя обобщенные дополнительные их значения.

Импульсивность – рефлексивность характеризует тип реакции. Импульсивный тип отличается быстрым выдвижением гипотез и большим количеством ошибочных решений. Таким образом, в проблемной ситуации гипотезы выдвигаются без достаточного принятия во внимание степени их правдоподобия, решения принимаются без тщательного обдумывания. Рефлексивный стиль проявляется в замедленном темпе принятия решений, малом количестве допускаемых при идентификации перцептивных объектов ошибок, тщательном предварительном анализе.

Когнитивная простота – сложность – это склонность создавать многомерную модель реальности, выделяя в ней

множество взаимосвязанных сторон, или отражение мира в упрощенной форме на основе фиксации ограниченного набора сведений.

Ригидный – гибкий познавательный контроль представляет собой степень субъективной трудности в смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль свидетельствует о трудностях в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу низкой степени их автоматизации, тогда как гибкий – об относительной легкости такого перехода.

Конкретная / абстрактная концептуализация – в основе ее лежат дифференциация и интеграция понятий. Конкретная концептуализация связана с низкой дифференциацией и интеграцией понятий (склонность к черно-белому мышлению, стереотипность и ситуативность мышления). Абстрактная концептуализация включает высокую дифференциацию и интеграцию понятий.

Вербализация / визуализация – это предпочтение вербальных или образных стратегий переработки информации.

Быстрое / медленное течение психического времени – различия в длительности субъективной оценки хода физического времени (полюс быстрого времени коррелирует с мотивацией достижения, эмоциональной возбудимостью; полюс медленного времени – с интроверсией и мотивацией избегания неудач).

Внешний / внутренний локус контроля – тенденция полагаться на внешние или внутренние факторы в объяснении причин происходящего.

Усилители / усреднители: первый полюс проявляется в концентрации на различиях, деталях, контрасте, склонности решать задачи, второй – на сравнении, поиске общих черт, склонности порождать идеи [168].

Следующий уровень – *интеллектуальные стили* – это индивидуально-своеобразные способы постановки и решения проблем [205]. Р. Стернберг выделяет в этой категории законодательный, исполнительный и оценочный стили.

Законодательный стиль проявляется в игнорировании привычных норм и правил, а также деталей, в возможности работать внутри собственной системы идей, разрабатывать новый подход к проблеме.

Исполнительный стиль присущ тем, кто руководствуется общепринятыми нормами и правилами, склонен решать четко поставленные проблемы с использованием уже известных средств.

Оценочный стиль – это склонность анализировать, критиковать, оценивать, усовершенствовать проблемы. Такие люди имеют минимум собственных правил и стараются приводить в порядок уже готовые системы.

Также, по данным Р. Стернберга, существуют и другие разновидности интеллектуальных стилей:

- монархический – предпочтение решения одной задачи наиболее эффективным способом, игнорируя все остальное;

- иерархический – одновременная работа с множеством задач при наличии четких приоритетов;
- олигархический – одновременная работа с несколькими равноценными задачами;
- анархический – отсутствие систематичности в интеллектуальной работе;
- глобальный – предпочтение абстрактных задач, интерес к общему контексту, методологии;
- локальный – решение конкретных задач с множеством деталей;
- внешний – преобладание интереса к проблемам внешнего мира;
- внутренний – преобладание интереса к проблемам своей душевной жизни;
- консервативный – стабильность и традиционность при выборе проблем и способов их решения;
- либеральный – предпочтение новых способов решения проблем, изобретательство, инновации.

Р. Брэмсон и А. Харрисон [167] выделили пять типов интеллектуальных стилей.

1. Синтетический стиль – склонность строить целостный взгляд на проблему, соединение несовместимых, противоречивых идей, парадоксов при максимально широких обобщениях, любовь к теориям и неприязнь к фактам, провоцирование интеллектуальных конфликтов.

2. Идеалистический стиль – широкий взгляд на вещи, основанный на интуитивных оценках; игнорирование фактов, цифр, формальной логики; интерес к целям и ценностям, категориям добра и зла; толерантность к

другим мнениям, стремление к достижению согласия; трудности при решении четко структурированных задач.

3. Прагматический стиль – в основе его непосредственный личный опыт, практическое экспериментирование, последовательный тип мышления, предварительное планирование, отсутствие интеллектуальных убеждений («мир непредсказуем и непознаваем»), готовность к сотрудничеству и энтузиазм при решении прикладных проблем.

4. Аналитический стиль – тщательный, систематический анализ проблем, изучение всех вариантов решения, нетерпимость к неопределенности (мир видится закономерным и предсказуемым), ориентация на ясную, упорядоченную картину мира, интерес к технологиям, методам, инструментам, уважение к авторитетам.

5. Реалистический стиль – ценность фактов, того, что можно непосредственно увидеть и «попробовать», ориентация на практически значимый результат, четкие вопросы и ответы, стремление исправить «неправильное», антипатия к иррациональному и субъективному, потребность контролировать ситуацию.

М.А. Холодная добавляет к этой классификации еще один стиль – иррациональный, основанный на опыте личных переживаний и интуиции, с использованием языка метафор, символов, эмоционально насыщенных категорий.

В целом интеллектуальные стили – это достаточно обобщенные особенности интеллектуальной деятельности.

Наиболее сложной, интегральной характеристикой познавательной деятельности являются *эпистемологические стили*. Дж. Ройсом [202] были описаны три таких стиля – индивидуально-своеобразных способа познавательного отношения человека к происходящему, проявляющихся в особенностях индивидуальной «картины мира». Это, во-первых, эмпирический стиль, основанный на непосредственном восприятии и предметно-практическом опыте. При использовании его делается акцент на фактах. Во-вторых, рационалистический стиль – с использованием широких понятийных схем, категорий, теорий, логических выводов, развитых мыслительных операций.

В-третьих, метафорический стиль, основанный на интуиции, характеризующийся комбинированием разнообразных впечатлений, отдаленных областей знаний, позволяющий получить целостный и персонифицированный взгляд на мир. В указанных стилях проявляется интеграция когнитивного и аффективного опыта [168].

По мнению А. Грегорка [205], существуют четыре стиля, основанные на таких измерениях, как пространство усвоения и воспроизведения информации (конкретное, физическое или абстрактное, метафорическое) и время (последовательный или случайный способы упорядочивания фактов и событий). Это конкретно-последовательный стиль, связанный с сосредоточением внимания на конкретной действительности и проверкой идей с помощью ощущений; абстрактно-последовательный стиль – предпочтение отдается логическому мышлению, проверке информации с помощью заранее установленных формул;

абстрактно-случайный стиль – внимание сосредоточено на чувствах, идеи проверяются по внутреннему критерию; конкретно-случайный стиль – предпочтение отдается интуитивным идеям, в основе – личная уверенность.

Последняя типология в значительной мере переключается с выделенными К. Г. Юнгом типами [183, 185]. Согласно его теории, на способ отражения влияет тип установки – экстравертированной (направленной на объект, на внешний мир) или интровертированной (абстрагирующей от объекта и ориентированной на субъективные факторы). У экстраверта самые важные решения и действия обусловлены объективными обстоятельствами, у интроверта – субъективными воззрениями. Как пишет Т. А. Флоренская, экстраверт больше ориентирован на моральные требования общества, на нормы, законы, правила. Такой человек очень увлекается делом, своим социальным положением, карьерой. Интроверт обычно переосмысливает внешние объекты с точки зрения их внутреннего смысла, преломляя их через внутренний мир, опыт. Во внешнем явлении он видит некий символический образ, знак. Автор отмечает также, что экстравертированный тип развивается по линии рассудка, при этом «рассудок становится господствующим и самодовлеющим ..., все, что несоизмеримо с рассудком, вытесняется как нерациональное, нетрезвое, неразумное» [163, с. 371]. Интроверт же символически воспринимает жизнь, мир природу.

Познавательный стиль может также определяться соотношением четырех функций – ощущения, интуиции,

мышления, чувства – одна из которых становится ведущей.

Ощущение в качестве ведущей функции приводит к детализированному, точному отражению мира в виде конкретных фактов. Ощущающие люди наблюдательны, склонны собирать обширные и точные сведения о различных сторонах действительности, обладают хорошим вкусом. Такой тип личности склонен увязать в конкретной реальности, слишком приближаясь к ней. Для него истинно лишь то, что реально (никто не может сравниться с ним в реализме), он очень разумен и не любит фантазий. В целом это люди «осязаемой действительности», практичные и деятельные. Они живут в настоящем, не видя будущего с его возможностями. Экстравертный вариант такой функции располагает к ощущению объектов внешнего мира и взаимодействию с ними конкретным, практический образом. Такие люди выглядят как очень разумные. У них нет «идейных» идеалов, важны лишь конкретность и действительность, к которым они хорошо приспособлены. Для них ощущение – это полнота действительной жизни, направленность на конкретное наслаждение. Ощущающие экстраверты стремятся к новым или острым, сильным ощущениям, склонны быть экстремалами или эстетам. Для интровертного ощущающего типа характерна сильно выраженная субъективная часть ощущения, такие люди видят вещи не так, как другие, присоединяя к объекту свой субъективный опыт и предчувствия, так что его ощущения отличаются от

объективной действительности. По идее Юнга, ощущения говорят о том, что нечто есть, но не говорят о том, что это.

Интуиция позволяет увидеть ситуацию в целом, без подробностей, как бы издалека. Она формирует неточную, туманную картину действительности, описываемую с помощью метафор и иносказаний, однако дает возможность понять ее смысл и предугадывать будущие события. Интуиция открывает человеку общий ход движения событий, возможности и перспективы их развития. Это «особый вид восприятия, которое не ограничивается органами чувств, а проходит через сферу бессознательного.... Это похоже на откровение», – пишет Юнг [183, с. 21]. Он характеризует интуицию как «предчувствие», «мистическое свойство», «некий чудный дар» [Там же, с.19]. Интуиция позволяет одновременно оперировать с огромными объемами смысловой информации. Если экстраверт направляет свою интуицию на постижение возможностей и перспектив внешнего мира, то интроверт разбирается в процессах, происходящих в коллективном бессознательном, в архетипических изменениях. Экстравертный интуитив склонен к авантюризму, мало уважения проявляет к убеждениям других.

Мыслительная функция обеспечивает объективность, ясность и упорядоченность в оценке ситуации или объекта – у экстравертов – и идей, теорий – у интровертов. Если же идеи появляются у экстраверта, то они более обусловлены традицией, воспитанием, образованием. Идеи интроверта имеют источником самого субъекта. Суждение экстраверта расширяющееся, его мышление

синтетическое, рождающее новые факты или идеи, концепции. Интроверт же стремится к углублению. Юнг так определяет эту функцию: «Мышление говорит, что есть присутствующая вещь. Оно дает имя вещи и вводит понятие, ибо мышление есть восприятие и суждение» [Там же, с.18].

Наконец, чувствующая функция рассматривается как «разум чувства», определенная расчетливость, здравый смысл, как способность дать точную, адекватную эмоциональную оценку ситуации, как богатое фантазиями эмоциональное мышление. Эта функция информирует нас о ценности вещей. Экстравертное чувство состоит в согласии с объективными ценностями, приравниванию к ним. Оно обуславливает прекрасное и гармоничное общение. Интровертное чувство интенсивно и глубоко, оно трудно вербализуется. При этом истинные мотивы скрыты, и внешне проявляется лишь приятное спокойствие или холодность и сдержанность.

Наряду с ведущей может быть хорошо развита одна или даже две вспомогательные функции. Что же касается четвертой – подчиненной (подавленной) функции, то она характеризуется как медлительная, заряженная отрицательными эмоциями, неадаптированная, неуправляемая, дающая искаженную картину действительности. Это слабое место человека, связанное с областью бессознательного, заряженное отрицательными эмоциями.

Итак, люди мыслящие предпочитают пользоваться мыслительной функцией, при этом их чувства оказываются неуправляемыми. Чувствующие люди

искусны в общении, живут в мире чувств, умеют контролировать эту функцию и управлять ею, обладают системой четких моральных критериев, однако процесс мышления им неподвластен и состоит из стандартных, примитивных суждений. Ощущающий тип имеет хорошо дифференцированные ощущения, наблюдателен, легко решает практические проблемы, но затрудняется в понимании общих смыслов, возможностей, перспектив, склонен некритически относиться к различным мистическим учениям. Интуитивы хорошо схватывают суть проблемы или явления, улавливают ход ее развития, однако склонны упускать детали, подробности, «витают в облаках», т.е. живут в мире фантазий.

В качестве дополнения к схеме К. Юнга можно привести следующие данные.

Так, И.В. Тихомирова выделяет два познавательных типа в зависимости от особенностей ориентировки. Для первого наиболее важной представляется информационная сторона стимуляции. Второй связан с эмоциональным оцениванием ситуаций и межличностных отношений. Этот тип ставит акцент на значимости стимула. Автор определяет первый вариант как когнитивный – с высоким уровнем развития интеллекта и направленностью на познание мира, себя, людей (по всей вероятности, это мыслительный тип по Юнгу). Второй тип получил название коммуникативного: для него свойственны наличие коммуникативных способностей и направленность на общение, установление контактов (некая аналогия преобладания чувствующей функции по Юнгу) [151].

В рамках той же концепции можно рассматривать и идею о двух типах мышления. В. С. Ротенберг характеризует их следующим образом: «Левополушарное мышление» организует материал в виде однозначного контекста, одинаково понимаемого разными людьми, т.к. устанавливается линейная связь между смысловыми элементами. Такое мышление создает жестко логические, отвлеченные, умозрительные модели мира, без амбивалентных отношений, полутонов. Будучи незаменимым и эффективным при решении конкретных научно-технических производственных задач, этот тип мышления оказывается недостаточным при разрешении проблем межличностных отношений. «Правополушарное мышление» добивается одномоментного установления многочисленных связей между предметами и явлениями сразу в нескольких смысловых ипостасях, чем достигается многозначность образа в многомерном контексте [128].

По характеристике Т.А. Доброхотовой и Н.Н. Брагиной, «правополушарное мышление» образно, целостно, интуитивно, «левополушарное мышление» – вербально, последовательно – логично, аналитично [41]. Можно предположить, что «левополушарное мышление» как наиболее расчлененное, дифференцированное развивается в случае преобладания мыслительной и ощущающей функций, тогда как «правополушарное» как менее четкое и детализированное – связано с чувством и интуицией. Впрочем, интуитивное отражение предполагает взаимодополняющие отношения между двумя типами мышления. Возможно большее тяготение интуиции к

работе либо правого (у экстравертов), либо левого (у интровертов) полушария [64].

Интуиция – это одновременное оперирование огромными объемами смысловой информации, «прямое усмотрение истины», т.е. объективных связей вещей, не опирающихся на доказательства [5]. По словам Декарта, под интуицией он понимает «понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим» [97, с. 28].

Все определения и описания интуиции имеют общие моменты. Это, во-первых, подчеркивание непосредственности интуитивного познания, достижимого без предшествующего рассуждения. Во-вторых, уверенность в правильности результата, в-третьих, значимость предварительно накопленных знаний [28].

Таким образом, если работа левого полушария дает линейно-логическое, вербальное, аналитическое описание ситуации, а правого полушария – конкретный, целостный образ, понятный без слов, то продуктом интуиции является образ, но не конкретный, а символический, метафорический, т.е. несколько более обобщенный и абстрактный, или «образ без образа» [29].

В последнее время появилось много данных о ведущей роли «левополушарного мышления» у человека западной цивилизации, для которого знание – это всегда вербализованная информация, и не существует «знания-видения». В противоположность этому нередко пишут об

иррациональности восточного ума, как известно, «Восток – дело тонкое».

Бетти Лу Ливер выделяет «западный» и «незападный» подходы к обучению, способствующие развитию определенных когнитивных особенностей людей [89].

Все эти идеи и соображения не только не противоречат типологии К. Юнга, но и могут рассматриваться как конкретизация и дополнение к его теории. Таким образом, типологический подход К. Юнга как достаточно глобальный (это макростили, эпистемологические стили) и хорошо разработанный представляется наиболее удобным и перспективным для характеристики познавательного стиля различных цивилизаций и этносов, к тому же существуют попытки проведения эмпирических исследований в рамках этого подхода [1, 110]. В следующих главах через призму этой теории будут рассмотрены особенности познавательных стилей отдельных народов и цивилизаций.

I. 4. Подходы к определению понятий «этнос», «цивилизация», «культура»

Термин *этнос* определяется неоднозначно. Как отмечает А. П. Садохин [135], в современной этнологии выделяют три теории этноса.

Согласно *информационной* концепции этноса (Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов), этничность выступает в роли информационного фильтра, сужая спектр

допустимых и желаемых реакций человека на ту или иную жизненную ситуацию.

Дуалистическая концепция предложена академиком Ю. В. Бромлеем, который понимал этнос как социокультурное явление. Автор утверждает, что любой этнос имеет двойственную природу и раскрывается в двух смыслах – узком и широком. Этнос в широком смысле включает в себя условия его возникновения и функционирования. Это общность, которая складывается и развивается естественно-историческим путем; не зависит непосредственно от воли входящих в нее людей, способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства [13, с. 11]. Примером такого понимания может служить нация, обладающая экономической и политической общностью.

Этнос в узком смысле, названный автором этни-косом, включает в себя собственно этнические характеристики и определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладавших не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в само-названии» [Там же, с.14].

Согласно *пассионарной* теории (Л.Н. Гумилев), этнос представляет собой биофизическую реальность, облаченную в социальную оболочку. Рассматривая его как явление географическое, природное, а не социальное, он

считал, что этнос представляет собой «тот или иной коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения» [35, с. 285]. Основными признаками этноса он считает психологические характеристики – самосознание (или идентичность) и стереотип поведения, который формируется у ребенка в первые годы жизни. Таким образом, принадлежность к этносу не является врожденной, а приобретается в процессе социализации, под которой автор имеет в виду не воспитание в узком смысле слова, а формирование в определенной культурной среде. Л. Н. Гумилев полагал, что, когда стереотипы поведения у ребенка уже сформированы, изменить их полностью уже нельзя.

Современный исследователь Садохин А.П. [135] формулирует обобщающее, наиболее подходящее для дальнейшего анализа определение этноса как исторически сложившейся на определенной территории устойчивой биосоциальной общности людей, обладающей общими чертами и особенностями культуры, психологии, языка, а также сознанием своей общности и самоназванием.

Для психологии в определении этноса важны такие признаки, как устойчивость группы во времени, осознание себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие [145].

Наряду с рассмотренным термином исследователи выделяют понятие *этничности* как особого чувства

человека, выражающегося в переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей, формирующегося на основе генеалогического и социального единства этой группы и проявляющегося в форме сравнения «нас» с «не-нами» в процессе взаимодействия с другими этносами.

Существует по крайней мере три основных подхода к этничности:

1. *Примордиализм* (К. Гирц, Э. Стюарт, П. Ван ден Берге, Ю. В. Бромлей). Сущность его заключается в том, что «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» [152, с. 92]. Так, Ван ден Берге рассматривал этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору.

2. *Инструментализм* (теория ситуативной этничности) (Дж. Ротшильд, К. Янг, К. Энлое).

Для инструментализма характерна опора на функционализм и прагматизм. Если примордиальный подход ориентирован на поиски объективных оснований этничности, то инструменталистский – на выявление тех функций, которые выполняются общностью и этносами в окружающем их мире (этнос рассматривается как факт, данность). Поскольку этносы существуют, значит, они служат определенным целям.

3. *Конструктивизм* (структурная теория этничности). Этнос в конструктивизме – это общность людей,

формирующаяся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Признаком этнической общности является не общее происхождение, а представление или миф об общей исторической судьбе общности. Другой признак этноса – вера в то, что это «наша» культура, а не сам по себе очерченный культурный облик группы.

Итак, генетический код, наличие целей и культурная идентификация характеризуют этничность. Следующее близкое понятие обозначается термином *нация*. По определению А. П. Садохина [135], нация – это исторический тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, которая складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры, психологического склада и этнического самосознания. Что же касается понятия *национальность*, то этот термин используется для обозначения принадлежности человека или группы людей к определенной этнической общности.

Под *народом* понимают определённую группу людей, отличающуюся общностью ряда признаков – языка, культуры, территории, религии, исторического прошлого и т. д. В этом смысле слово «народ» может быть заменено термином *этнос*. Понятие «народ» также употребляется для обозначения всего населения какой-либо страны вне зависимости от его этнической принадлежности.

Более крупной структурой, объединяющей разные народы, является *цивилизация* (от лат. *civilis* – гражданский, государственный, общественный). Термин «цивилизация» введен французским просветителем Мирабо в 1756 г., использовавшим его для характеристики общества, основанного на началах разума и справедливости. По мнению О. Шпенглера [177], цивилизация – это конечный момент в развитии культуры, означающий ее «закат» или упадок. Противоположный подход состоит в отождествлении культуры и цивилизации. В концепции К. Ясперса цивилизация интерпретируется как ценность всех культур.

Современное понятие «цивилизация» – это качественная специфика (своеобразие материальной, духовной и социальной жизни) той или иной группы стран, народов на определенном этапе развития. Цивилизация включает в себя три аспекта – такие, как государственность, экономика и культура.

Другое определение состоит в том, что цивилизации – это крупные целостные социокультурные системы со своими закономерностями, которые не сводятся к закономерностям функционирования государств, наций, социальных групп. Каждая цивилизация самобытна, живет своей жизнью, имеет собственную историческую судьбу, институты и менталитет. Культура (важную часть которой составляет религия) представляет национальное лицо, стержень цивилизации. Так, А. Тойнби именуется цивилизации по господствующим в них религиям. Взаимодействуя друг с другом, цивилизации не теряют

собственной уникальности, хотя возможны заимствования друг у друга каких-либо элементов. [140].

Таким образом, под цивилизациями будем понимать крупные социокультурные системы, обладающие своеобразием, качественной спецификой.

Итак, неотъемлемым признаком, как отдельных этносов, так и целых цивилизаций является своеобразная *культура*. Существует много подходов к интерпретации этого понятия. В словаре С. И. Ожегова [113] культура определяется как совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении. В «Советском энциклопедическом словаре» [141] говорится, что культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Культура включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т.д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей и т.д.).

В современной культурологии [122, с.12] понятие «культура» рассматривается следующим образом:

- как совокупность видов деятельности человека, обычаев, верований;
- традиции или социальное наследие общества;
- правила, организующие поведение человека;
- некое средство приспособления общества к природной среде с целью выживания;
- совокупность форм приобретенного поведения, характерных для некоторых групп или обществ, которые передаются из поколения в поколение;
- материальные артефакты, влияющие на личность;
- система идеальных представлений (идей, символов, ценностей), которая выступает как образ жизни каждого человека.

Существуют и другие точки зрения на сущность культуры. Так, Э. Е. Платонова понимает культуру как отношения человека и Бога [122]. Американский психолог Д. Матсумото [83] определил культуру как совокупность установок, ценностей, верований и поведения, передаваемых от поколения к поколению.

Итак, из всего множества приведенных определений, наиболее короткой, емкой и удобной представляется формулировка С. И. Ожегова, позволяющая выделить в культуре три области человеческих достижений: производственную, социальную и умственную. Последняя является связующим звеном между понятиями менталитета и культуры.

Межкультурные различия в менталитете можно описать, как это делает Н. М. Лебедева, используя термин *культурный синдром* – определенный набор ценностей,

установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой. Зарубежные исследователи выделяют три культурных синдрома [82, 207].

1. Простота-сложность. Чем более сложной является культура, тем более внимательно люди в ней относятся ко времени. Наиболее ценится время в индустриальных культурах (США, Япония), наименее – в простых (некоторые культуры Африки, Латинской Америки).

2. Индивидуализм – коллективизм. Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более важны, чем групповые. В коллективистской культуре групповые цели превалируют над индивидуальными. Относительно больший крен в сторону индивидуализма типичен для Запада, коллективизм характерен для Востока и Юга (Африка).

3. Открытость-закрытость. В «закрытых» культурах люди должны вести себя в соответствии с групповыми нормами, и нарушение норм строго карается. Таким обществам свойственны предсказуемость, определенность, безопасность; поведение людей характеризуется как «негибкое», «бескомпромиссное». В «открытых» культурах наблюдается большая терпимость к отклонению поведения индивидов от общепринятых норм, большая свобода, а поведение рассматривается как «недисциплинированное» и «своевольное». В качестве «закрытой» культуры исследователи склонны рассматривать советскую

действительность. Источником «закрытости» может стать гомогенность культуры, тогда как в основе «открытости», возможно, лежит культурная неоднородность. Согласно этому критерию Грецию и Японию относят к «закрытым», тогда как Гонконг и Таиланд – к «открытым» культурам.

Для характеристики культур и цивилизаций Г. Хофстед предложил так называемое «психологическое измерение», включающее следующие показатели [83]:

1. Избегание неопределенности.

Культуры с преобладанием нетерпимости к неопределенности характеризуются высоким уровнем тревожности и агрессивности, низкой толерантностью (Латинская Америка, Африка, Ближний Восток, Греция, Бельгия, Франция, Испания, Израиль, Япония, Корея, Португалия, Югославия). Культуры с низким уровнем избегания неопределенности (Дания, Великобритания, Гонконг, Ямайка, Сингапур, Малайзия, Ирландия) имеют пониженный уровень стрессов, спокойно принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску.

2. Дистанция власти.

Индивиды из культур с большой дистанцией власти считают, что власть – это наиболее важная часть общественной жизни, причем акцент делается на принудительный, жесткий стиль управления. В культурах с низкой дистанцией власти ценится легитимная и компетентная власть, уважение к личности и равенство. Большая дистанция власти отмечается в африканских, латино-

американских странах, Индии, Индонезии, Бельгии, Франции. Малая дистанция - в Австрии, Дании, Израиле, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Германии, Великобритании, Канаде, США.

3. Маскулинность-феминность.

Преобладание маскулинности связано с высокой ценностью материальных вещей и власти, тенденцией к амбициозности и независимости. Культуры же, в которых в качестве главных ценностей превалирует сам человек, его воспитание, смысл жизни, и упор делается на взаимную зависимость и служение друг другу, считают феминными. К маскулинным культурам относятся Австралия, Австрия, Колумбия, Германия, Великобритания, Ирландия, Италия, Япония, Мексика, Филиппины, Южная Африка, Швейцария, Венесуэла, США, Канада; к феминным культурам - Чили, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Югославия.

Другой подход к характеристике культур и цивилизаций состоит в выделении различных их типов. Примером классификации, основанной на психологическом описании, может служить типология Р. Бенедикт, которая построена на идеях Ницше [107]. Бенедикт выделяет аполлоническую, дионисическую и параноидальную культуры. В основе разделения лежат такие характеристики, как созерцательность - действенность, умеренность - безудержность, кооперация - соперничество.

Аполлонический тип - созерцательный, логичный, односторонне-интеллектуальный, основная установка -

избегание крайностей, умеренность и сбалансированность. Идеалом является приверженность «среднему пути» и отказ от сильных эмоций типа гнева или ревности. Такие люди стремятся избежать насилия и проявлений индивидуальной напористости, разрушающих межличностные отношения, воспитывают в детях ответственность перед обществом и стремление к кооперации.

В дионисической культуре проявляется буйство, безудержность и экстаз, бесстрашие и жестокость, в установках преобладают крайности, выход из границ здравого смысла, стремление разрушить рутину повседневности (например, с помощью употребления наркотиков).

В параноидальной культуре члены ее живут в атмосфере постоянного конфликта и подозрительности. Дети с раннего возраста приучаются к тому, что выигрыш одного человека всегда оказывается проигрышем для другого.

Иным основанием для типологии является наличие «связи времен», взаимосвязей между поколениями, сохранение традиций. В этом плане наиболее интересной представляется идея американского этнолога М. Мид [145, с.24], которая выделяет три культурных разновидности, формирующие соответствующий тип менталитета. *Постфигуративная* культура ориентирована на предков и традиции. Автор отмечает, что в такой культуре «каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно,

что деда, держа на руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого». Таким образом, прошлое взрослых – это схема будущего для их детей.

В отличие от такой традиционной культуры, *кофигуративный* ее тип приводит к появлению современного западного менталитета. В этой культуре преобладающей моделью оказывается поведение современников, обнаруживается оторванность от традиций. Но полного разрыва поколений не происходит, поскольку «остаются слои культуры, позволяющие осознавать свою принадлежность к этнической общности».

Однако в современном мире обнаруживается предсказанное М. Мид, появление еще одной культурной нормы – *префигуративной* культуры, где «сам ребенок определяет ответы на существенные вопросы бытия Жизнь родителей не является моделью для детей, происходит разрыв поколений: «Сегодня молодые могут ответить: “Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь”». Вероятно, именно такой тип культуры породил своеобразный менталитет эпохи модерна и постмодерна.

Интересный подход к характеристике культур и цивилизаций по критерию успешности в разных культурных областях был предложен Н. Я. Данилевским [38]. Так, он выделял «одноосновные» цивилизации, которые проявили себя либо в религиозной сфере (еврейский народ), либо в собственно культурной, такой, как

искусство и наука (греки), либо в политике (римляне). Европейцы, по его словам, создали «двухосновную» цивилизацию, успешную как в культурной, так и в политической сфере. Несомненно, что сфера успешного проявления каждой цивилизации (религия, политика и т.д.) напрямую связана с особенностями ее менталитета. Очень важной представляется идея Н. Я. Данилевского о «законе непередаваемости», дискретности культурно-исторических типов, которые не могут эволюционным путем переходить друг в друга, поскольку такая промежуточная цивилизация окажется нежизнеспособной.

Противопоставление же восточной и западной цивилизаций с выделением отличий в менталитете во многом связано с работами П. Я. Чаадаева, который писал: «Это не только географическое деление.... Это – два принципа.... Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе.... На Востоке мысль, углубившись в самое себя, ... предоставила общественной власти распоряжение всеми благами земли; на Западе идея, ... алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права» [171, с.222].

В последнее время в трудах философов, историков, политологов появилось иное деление культур и цивилизаций, основанное на выделении ведущих ценностей. Кроме традиционного разделения на Запад и Восток, говорят еще о Севере и Юге. Так, С. Переслегин [118] в

послесловии к книге С. Хаттингтона отмечает, что базисными принципами Запада являются развитие, личность, рациональное и материальное. Восток как цивилизация «дао» противоположен Западу по своим ценностям, которыми стали ориентация на коллектив, трансцендентное и духовное. По мнению автора, такие кардинальные различия приводят к тому, что этим цивилизациям нечего делить между собой. Юг – это Афразия, т.е., в основном, исламские цивилизации с ориентирами, как и на Западе, на время, рациональность, материальность, но вместо личности – масса. Таким образом, Юг оказывается более похожим на Запад, чем на Восток.

В данной работе, рассматривая особенности менталитета и познавательного стиля народов, мы будем придерживаться традиционного деления цивилизаций на западную и восточную, выделяя в последней Дальний (Китай, Япония, Индия), Средний и Ближний (исламские страны) Восток.

Резюме

Итак, понятие менталитета включает много разных оттенков и смыслов. Это миропонимание, склад ума, образ мыслей, способ видения мира, а также совокупность идей, национальная душа или сознание, устойчивые интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие особенности индивида или социальной группы.

Обобщая различные подходы, можно выделить три составные части менталитета: 1) фундаментальная духовная структура – система верований, представлений, мыслей, идей о человеке, природе, обществе; 2) специфика представлений, своеобразии видения мира; 3) установки сознания и бессознательного, склад ума, образ мыслей, способ восприятия, мышления, чувствования, действия. Таким образом, в данное понятие включены содержательные и формально-динамические особенности.

К каналам трансляции менталитета относятся такие формы его проявления, как специфика мышления и восприятия; язык; иерархия ценностей, убеждения, идеалы; типичные способы, стереотипы поведения (в том числе национальный характер).

Менталитет имеет следующие характеристики: 1) сочетание сознательного и бессознательного пластов; 2) активное, деятельное начало; 3) длительность, устойчивость; 4) стереотипность; 5) принадлежность этносу.

В цивилизации менталитет выполняет ряд функций: регулятивную, стабилизирующую, адаптивную. На его формирование влияют географические, биолого-органические, культурные, аксиологические, социальные, политические, экономические факторы. Менталитет, или ментальность, отражает этническую картину мира.

Второй категорией, рассматриваемой в данной работе, является понятие стиля как способа познавательного взаимодействия человека с миром. Познавательный стиль – это интегральная формально-динамиче-

ческая характеристика человека или целого народа, связанная с предпочитаемым способом получения и обработки информации в процессе познания окружающей действительности. Таким образом, в понятии стиля выделяются формально-динамические характеристики процесса отражения мира, а «менталитет» включает также и содержательные моменты мировидения. Познавательные стили могут включаться в структуру менталитета как процессуально-динамические его компоненты, или психологические механизмы.

Из всех известных стилевых свойств (стили кодирования информации, интеллектуальные, когнитивные, эпистемологические) последние представляют собой наиболее обобщенные образования, макростили, выражающие индивидуально-своеобразные способы познавательного отношения человека к миру. Познавательные (эпистемологические) стили, представленные в типологии К. Г. Юнга, позволяют дать интегральную характеристику способу отражения мира, сформировавшемуся у народов и цивилизаций Запада и Востока.

ГЛАВА II

МЕНТАЛИТЕТ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

II.1. История формирования западного менталитета

Специфика западного менталитета во многом связана с особенностями исторического пути этой цивилизации. Поскольку мировидение Запада претерпело кардинальные изменения на протяжении времени, рассмотрим основные этапы его развития – наиболее важные исторические вехи и, далее, эволюцию менталитета.

Как известно, в 395 году Римская империя была разделена на Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе. Каждая из образовавшихся частей пошла своим путем. В 476 году произошло падение Западной Римской империи под натиском германских племен, а в 800 году империя была восстановлена Карлом Великим.

И.В. Можайскова [101] пишет, что сначала к западной цивилизации относили только часть Западной Европы, а к XX в. она охватила своим влиянием не только всю Европу, но также Северную и Южную Америку, Австралию, юг Африки, т.е. эта цивилизация приобрела почти планетарный характер. Все этапы в ее становлении

связаны с территориальной экспансией. По словам Л. Н. Гумилева, западноевропейская культура с момента своего возникновения стремилась к расширению. Потомки баронов Карла Великого покорили западных славян, англосаксов, кельтов, вытеснили с Пиренейского полуострова арабов, захватили Америку, Австралию, Южную Африку, завоевали Индию, тропическую Африку, Южную Америку. «Это было расширение в пространстве», – указывает автор [35, с. 163]. «История Запада ... это история узурпированной Империи», – высказывает ту же мысль Ф.И. Тютчев [157, с.156].

И.В. Можайскова [101] выделяет следующие исторические периоды в развитии западной цивилизации.

Первый этап (V – VIII вв.) – это зарождающиеся очаги формирования христианской культуры в Западной Европе, в центре эллинского мира. Центральная точка ее развития находится на границе между Францией и Германией, в столице империи Карла Великого. Итак, это эпоха распространения христианского мировоззрения.

Второй этап (VIII – XIII вв.) – время, когда Римско-католическая церковь отделилась от церкви православной (IX – XI вв.), т.е. произошел церковный раскол. Католическая церковь с помощью реформ папы Григория VII стала самой влиятельной силой Запада, взяв в свои руки не только духовную, но и политическую власть. Это также период реконкисты (т.е. отвоевания народами Пиренейского полуострова территорий, захваченных арабами, что сопровождалось колонизацией этих земель, ростом влияния и католической церкви, и духовно-рыцарских

орденов в Испании и Португалии), и крестовых походов, проходивших под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман. Как говорит в своем фильме «Гибель империи» архимандрит Тихон (Шевкунов), в 1204 г. войска европейцев, которые называли себя крестоносцами, вероломно ворвались в Константинополь и, захватив этот богатейший город, нескончаемым потоком 50 лет вывозили сокровища Византии [40]. Таким образом, Запад обогащается, движется к капитализму.

Третий этап (XIV – XVII вв.) ознаменован протестантской революцией, связанной с движением Реформации. Это был бунт против вмешательства католической церкви во все сферы жизни. Был провозглашен принцип индивидуализма, породивший капиталистическое хозяйство, и рационализма, давший толчок науке. Этап характеризуется также широкой заокеанской военно-политической экспансией ряда западноевропейских стран (Испании, Португалии, Англии и др.) и колонизацией ими многих земель в Америке, Африке, Азии. Начало торгово-экономической экспансии положила Венеция. А в 1620 г. в Северной Америке высадилась группа пуританских пилигримов, затем представители других протестантских верований. Протестанты принесли с собой идеологию «здорового эгоизма», конкурентной борьбы, деловой активности и культ супермена-одиночки, преодолевающего все препятствия на пути к «успеху». В результате развития производства и накопления в стране

огромных богатств Соединенные Штаты становятся лидером Запада.

Четвертый этап (XVIII – XX вв.) характеризуется активным воздействием западного общества на материальную и духовную культуру других цивилизаций. На этом этапе большинство стран Африки, Азии, Латинской Америки оказались в колониальной и полуколониальной зависимости от нескольких промышленно развитых стран западного мира; происходили империалистические войны за передел мира и сфер влияния. В 1920 г. в Америке отмечена Великая депрессия, свидетельствующая о неких изъянах в либеральной экономике. Происходит сексуальная революция, опрокинувшая пуританскую мораль, на которой держалась Америка. Итак, в это время за счет активности еще больше укрепляется власть западных народов над другими странами.

В наше время все отмеченные тенденции достигли своего максимального выражения: все более усиливается влияние западной цивилизации на жизнь всего остального мира. В результате ее развития появился термин «золотой миллиард» (25% населения Земли, проживающего в 26 промышленно развитых «цивилизованных» государствах мира), который потребляет 75 % всей производимой в мире энергии, 79% добываемого топлива, 85% древесины, 72% – выплавляемой стали. На его долю приходится 80% торговли высокими технологиями, он контролирует 90% вывоза капитала. Каждый человек, родившийся в «цивилизованной» стране, потребляет в среднем в 20 раз

больше ресурсов планеты, чем житель «третьего мира». [94].

Влияние западной цивилизации состоит также в пропаганде западного образа жизни и распространении западных ценностей.

Итак, отметим наиболее важные моменты, проявившиеся при образовании и развитии западной цивилизации: территориальная экспансия, колониализм, войны, значительное изменение и в конечном итоге утрата религиозных ценностей, активность, стремление к власти над миром. Далее обратимся к рассмотрению этапов формирования западной ментальности.

В этом плане существенно отметить, что в своем духовном и культурном развитии цивилизация Запада многое взяла от античной греческой культуры. Э. Платонова [122] определяет *античность* (III тыс. до н.э. – IV в. н.э.) как некое единое время, когда люди пытались найти в окружающем мире гармонию и красоту. Появилось искусство, которое адекватно и материально правдоподобно изображало то, что окружает человека. Немецкий ученый XVIII века И.И. Винкельман [Там же] отмечал, что общим признаком греческих произведений искусства служит благородная простота, мудрость и спокойное величие. Большое значение придавалось красоте, которая считалась достоинством.

В центре античного мира стоял человек, способный безбоязненно мыслить о мире, не униженный неизвестными космическими силами, способный с ними спорить и укрощать их. Это был идеал гармоничного человека,

способного взглянуть на бытие как на нечто познаваемое. В рассуждениях об устройстве мира человек впервые начал абстрактно мыслить. По словам Т. П. Григорьевой [29, с.424], особенность греческого ума привела к расцвету науки, появились арифметика, определяющая все в мире символом-числом, геометрия, позволяющая выявлять закономерности. Греческие философы обнаружили склонность к порядку, устанавливаемому человеком по законам формальной логики, силлогистики; веру в первотолчок как начало движения, разворачивающегося в виде последовательного, причинно-следственного ряда («целое есть то, что имеет начало, середину и конец»). Все это не могло не привести со временем к концепции прогресса, ставшей одной из центральных идей западного мировосприятия.

Античные люди привыкли к победам и решили, что все дозволено, что они ничем не хуже самих богов. Они бросили вызов судьбе, поставив себя вровень с богами.

Существовавшее у греков представление об изначальном хаосе привело к идее о необходимости переделывать мир. Для этого потребовалось отойти от него, чтобы увидеть со стороны, вступить с ним в субъектно-объектные отношения.

Представление об изначальном хаосе обусловило такие свойства ума, как склонность к властвованию (поскольку мир нуждается в упорядочении), аксиоматика (способность выдвигать априорную, безусловную идею, не вызывающую сомнений), аналитика (способность и склонность к расчленению и перестройке мира). Все это в значительной мере обусловило парадигму европейской

цивилизации, определило ее несоответствие естественному миропорядку. Понимание творения мира как преобразования хаоса в космос оказалось особенно живучим, базисным, предопределившим характер мировоззрения, реализованного в культуре.

Таким образом, античный человек объявил себя «мерой всех вещей». Такому человеку назначено было установить порядок на неупорядоченной земле.

В *средние века* под влиянием христианства человеческий дух устремился ввысь, к небесному. В это время человек рассматривается как божье творение, он призван исполнять высшую волю. Ж. Ле Гофф писал о христианской Западной Европе этой поры: «Не осознавая того, сколь одержимы были люди средневековья жаждой спасения и страхом перед адом, совершенно нельзя понять их ментальности, а без этого неразрешимой загадкой останется поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству. Ибо даже наиболее алчные до земных благ, в конце концов, хотя бы и на смертном одре, выражали презрение к миру...» [85, с. 176]. Однако уже в этот период западная духовность начинает развиваться по иному пути, чем церковь восточная. Западные богословы все более отходят от учения святых отцов, на Западе появляются собственные святые, которые идут своим путем, не опираясь на богатое святоотеческое наследие. В их аскетике преобладают внешние моменты, при этом большая роль отводится воображению.

После периода средневековья в Европе отмечен *Ренессанс* – с одной стороны, время духовной напряженности, удивительных прозрений, аскетических подвигов, логики, а с другой стороны – черной магии и разнузданных оргий. Возрождение – чисто западное явление с его гуманистической парадигмой, рассматривающей человека как изначально доброе, разумное прекрасное существо. Отсюда самодостаточность человека, его гордыня, признание себя равным Богу. В эпоху Возрождения человеку стал интересен человек и его значение в мироздании. Человеческая личность выходит на передний план. Э. Е. Платонова [122] отмечает, что основная тенденция эпохи Возрождения – это своего рода история человека, вознесшегося на небеса, пытающегося воплотить рай на земле. Человек предположил, что способен на все, что он может возвыситься до Божественного, стать воплощением красоты и гармонии мира.

В эпоху Возрождения повышается ценность одаренности и инициативы, превозносятся незаурядность, гениальность. «Возвышая гениальную личность, гуманизм игнорирует нравственность, становится лишенным нравственного основания и нравственной ценности», – отмечает в своей диссертации В. А. Рыбин [134, с. 18]. Как пишет игумен Иоанн Экономцев, «установка на независимую творческую личность сыграла свою негативную роль, поставив перед творчеством нереализуемые задачи, что привело истинных художников к трагической раздвоенности...» [182, с.187]. В своей работе

«Смысл творчества» Н. А. Бердяев также говорит о роковой неудаче западного Ренессанса [10].

Итак, появляется самовластный, отважный человек – творец, для которого этические нормы оказываются незначительными, относительными. Человек теряет объективную точку опоры, а вслед за этим и смысл жизни. Природа, естественное становится предметом религиозного поклонения. Происходит освобождение от Откровения.

Многие авторы [35, 36, 122, 182] рассматривают Возрождение как продолжение античной культуры. Так, Э. Е. Платонова отмечает, что Ренессанс – это есть «возвращение к античным истокам, ... попытка обновить античное наследие, ценности гуманизма» [122, с. 140-141]. По сути дела, Ренессанс есть возрождение язычества, языческой философии с ее антропоцентризмом, ставящим человека в центр мироздания. Опять становится востребованной философия античности. У Платона была заимствована идея о человеке благом, духовном, возвышенном; у Аристотеля – идея о познаваемости и логичности мира. Это позволяло человеку думать, что он может с помощью разума познать мир и управлять им. Хотя человек Возрождения еще обращен к Богу, он уже обременен идеей собственного величия. А. Ф. Лосев характеризует этот период как стихию «безграничного человеческого самоутверждения» [90, с. 136-137]. Как утверждает Н. А. Нарочницкая, человеческая гордыня на Западе в эту эпоху привела к идее *filioque* (и от Сына) и к смещению акцента в восприятии Христа от Сына Божия к Его земной ипостаси. Она пишет: «Излюбленный образ

Возрождения – человек-титан, Прометей, требующий у Бога отдать ему его (человека) землю Теперь человек – властелин земли и провозглашает свое право вершить ее делами и обустраивать ее уже «по собственному образу и подобию» [103, с. 27].

И. Экономцев замечает, что духовным отцом западного Ренессанса стал Калабрийский монах-рационалист Варлаам, признававший «одинаково возможными и законными и догматы веры, и противоречащие им доводы рассудка» [182, с.175]. Исихастские споры между Варлаамом и Солунским архиепископом св. Григорием Паламой касались возможности познания человеком непознаваемого Бога, реальной встречи с Ним лицом к лицу. Григорий Палама, признавая, что сущность Бога непознаваема, говорил о том, что Бог не тождественен Своей сущности, поскольку существует не только в Себе, но и вне Себя. И это существование Бога, обращенное вовне, есть божественная воля или божественная энергия. Таким образом, в отличие от Варлаама, Солунский архиепископ теоретически обосновывает принципиальную возможность встречи человека с Богом и познания им непознаваемого Бога. Возникает учение исихастов о преображении человека, обожении. Для достижения этого необходимо изменение образа жизни, нравственный катарсис, изгнание из ума греховных мыслей и дурных воспоминаний, достижение исихии, безмолвия, успокоения. Исихия есть собирание сил, концентрация усилий, духовных и физических, с целью осуществления прорыва из своей самости к Богу и людям. Возможность такого

выхода из своей самости дает творчество. С исихазмом связано появление великих русских святых. Варлаам же, находясь под сильным влиянием античной формальной логики, отрицал способность человека приблизиться к тайне Троицкого Бога.

Исихастские споры «способствовали разобщению Востока и Запада. В XIV – XV веках... между Западом и Востоком медленно, но верно разверзается брешь, вызванная расхождениями по проблемам общемировоззренческого характера Образовались два полюса – на одном находится творческая личность, созидаящая в синергии с Богом, на другом – личность, дерзающая творить самостоятельно» [Там же, с. 187]. Западу оказался ближе второй вариант.

Оценивая уровень развития западной цивилизации в этот период, И. В. Киреевский подчеркивает, что вплоть до XIV века (в котором была основана первая ученая академия в Италии) Запад знал только латинских писателей и лишь немногих греческих [70]. Интересно отметить, что греческая наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников – арабов. Иначе говоря, духовное наследие эллинов было воспринято Европой лишь после того, как его серьезнейшим образом изучили и усвоили на Ближнем Востоке.

Новое время принесло с собой расцвет науки, культуры, техники. «XVII век стал эпохой концепций, вдохновенных великим триумфом механики. Царица наук, казалось, давала всему ... четкий и ясный ответ,

простое и доказуемое объяснение ... Ее достижения ... создали геометро-механическую (Галилей), а затем механическую (Ньютон) картину природы. Настал момент, когда в эту картину “прометеевская” научная мысль дерзнула вписать и человека», – пишет Н. А. Нарочницкая [103, с. 27 – 28]. Природа стала рассматриваться как грандиозный механизм, понятие души преобразовалось в понятие сознания. Наука, политика, экономика, искусство, педагогика все сознательнее отделяются от веры, а также и от этики и строят себя автономно. Культура – это самостоятельность человеческого созидания, противостоящая Богу и Его Откровению. Она не нуждается в точке опоры и не подчиняется никакому закону.

В Новое время человек отходит от Бога. По словам С. Н. Булгакова, «новое время, в своей односторонней реакции против средневековья, склонно и совсем позабыть о Божественном начале; всецело поглощенное развитием чистой человечности, оно стоит на границе безбожия, практически неудержимо переходящего в языческое многобожие, натурализм и идолопоклонство...» [Цит. по 117, с. 148]. Заявляют о себе религиозные движения – Реформация и Контрреформация. Появившийся протестантизм выступил с отрицанием Церковного Предания, нормы веры. Вместо этого рождается плюрализм, либеральное отношение к вере, признание множества мнений, толкований Священного Писания. Человек теперь автономен, волен делать, что хочет. В XVII веке в Европе под влиянием кальвинистских

идей был сделан акцент на индивидуализме. Так, Т. Гоббс прямо писал, что «человек человеку волк». Таким образом, демократия способствовала развитию либерализма и индивидуализма [103, с. 81].

Эпоха Просвещения ставит во главу угла человеческий разум, воспитание, образование. Происходит обожествление разума. Ценность человеческой личности определяется теперь не ее божественным происхождением, а силой ее разума. «Человеческий, на деле весьма ограниченный, разум представляется высшим элементом всего существующего, а человек как носитель разума – наивысшим существом мира, господином взамен развенчанного Бога», – отмечает Н. А. Нарочницкая [Там же, с. 30].

Появляется представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности, о том, что наука способна решить все проблемы человечества. Выдвигается идея творческого саморазвития самостоятельной и свободной личности. Эпоха Просвещения впервые принесла с собой сознательный отказ от Бога. Человек считал, что вполне может без Него обойтись. По словам Н. А. Нарочницкой, главный смысл Просвещения – утвердить автономность человека от Бога. Духовный мир стал пониматься не как Божественный, а как наполненный духами природы. Отмечается всплеск мистицизма, возврат к мифологическому, языческому восприятию мироздания. Бурным цветом расцвели различные общества и религиозные секты, в которых занимались и вызыванием духов (спиритизм), и предсказанием будущего, и всевозможными гаданиями. Мистика и разнообразные магические

культы стали фактически новой религией. С поразительной быстротой распространилось масонство.

Многие из столпов Просвещения состояли в антихристианских обществах, они стали идеологами французской революции, выдвинув лозунг «Свобода, равенство, братство», в котором, как полагает С. А. Левицкий, ударение падает на «свободу», меньше на равенство (кроме равенства перед законом), а братство выступает в качестве лозунгового придатка [Там же].

Рождаются либеральная философия и либеральная политическая мысль, в основе которых лежит идея прав и свобод вне нравственных, религиозных ориентиров. Мысль ученого эпохи Просвещения была направлена на то, чтобы покорить окружающий мир, который в отсутствии Бога стал лишь окружающей средой, природой. Акцент в сознании человека сместился с Бога на самого себя. Процветал рационализм – идея о всесильности человека, о его господстве над миром.

Результатом таких трансформаций сознания стало чувство одиночества. Мир открылся в своей чудовищной механичности и холодности. Стремление к практичности убивало внутренние духовные потребности человека [122].

Однако невозможно не признать, что великая европейская культура, которая во многом была создана в периоды Возрождения и Просвещения, обязана своим взлетом все же старым религиозным корням, а не «свободам и Просвещению», не рассудку, «не прометеевской гордыне» [103, с. 60-61].

Подытоживая весь исторический путь западной цивилизации, отметим основные, сформированные этим процессом черты западного мировосприятия. Итак, это идеи изначального мирового хаоса и дальнейшего прогресса, из которых следует возможность и необходимость активного изменения, упорядочивания окружающего мира. Человек не находится в гармонии с природой, не является ее частью, он противостоит ей, стремится властвовать над ней. Аналитический подход к познанию мира приводит к утрате целого, потере сущности, смыслов. Поскольку человек считается «мерой всех вещей», для него становится естественным стремление к власти над миром, другими народами. Появляются самодостаточность, гордыня, самоутверждение, индивидуализм. Плюрализм в отношении религии, свободное истолкование религиозных истин, реформирование религии, – все это свидетельствует о самопревозношении человека (признании его богоравным), отвержении Бога, автономности от Него, принятии относительности нравственных норм. Возомнивший себя совершенным, человек начинает строить рай на земле, основываясь на вере во всеислие науки и человеческого разума. Место Бога занимают религиозная мистика, язычество, идолопоклонство. Главными ценностями становятся либерализм, права, свободы вне нравственных ограничений.

Итак, характеристиками менталитета западной цивилизации становятся такие черты, как обращенность сознания, интересов на внешний мир, преобладание

активности и действенности над пассивностью и созерцательностью, аналитичности и рациональности с опорой на чувственный опыт и факты над иррациональностью, прагматизма и практицизма над духовностью.

Современный этап развития этой цивилизации представляет собой двойственную картину: с одной стороны, отмечается усиление этих ведущих тенденций в менталитете, с другой – происходит их своеобразная трансформация, обозначаемая термином «деконструкция».

II. 2. Менталитет Запада в эпоху модерна и постмодерна

Итак, в XX веке происходит серьезный пересмотр культурных приоритетов, продолжается развитие менталитета западной цивилизации в сторону удаления от Бога и нравственных заповедей. Как отмечает М. В. Захарченко [53], в это время создается привлекательный образ человека, свободного от традиции – человека сильного и независимого, не связанного предрассудками, опирающегося на собственный разум. С другой стороны, формируется ложный образ человека традиции – забитого, легко покоряющегося насилию, подверженного страхам перед мощными проявлениями жизни, связанного стереотипами, боящегося мыслить. Интенсивный процесс такой деконструкции начался в XX веке в эпоху *модерна*.

О. Л. Янушкявичене пишет, что в духовном состоянии общества в конце XIX – начале XX вв. произошли

глубокие изменения. Это было время расцвета спиритизма. Автор приводит данные А. Данилина о том, что в 1910 г. на всемирном конгрессе спиритов их насчитывалось 14 млн., а сочувствующих – еще 10 млн. Все это еще более отвратило общество от религии. По словам О. Л. Янушкявичене, это время характеризовалось «потерей многими людьми ощущения христианства как внутреннего стержня духовной жизни». Место Бога заняли нормативные требования морали. Кардинальные изменения произошли и в искусстве. Избавившись от «фильтра разума», художники «пытались перестать быть собой», теперь рукой художника «должна была водить какая-то иная сила...» [186, с. 35 – 37].

По определению Э. Платоновой [122], модернизм – это тип культуры начала XX века, который применяется для обозначения нереалистических течений в искусстве, таких, как экспрессионизм, кубизм, футуризм, акмеизм, имажинизм, сюрреализм, «театр абсурда», школа «нового романа», «поп-арт», «оп-арт», кинетическое искусство и т.д. Таким образом, это общее название всех авангардистских направлений в XX в., противопоставляющих себя традиционализму в качестве единственно истинного «искусства современности» или «искусства будущего».

Как пишет испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, традиционное «искусство было исповедью», художник старался отразить «реальность изображаемого лица». Новое же искусство перешло к «изображению идей». Современный художник не следует «нежным линиям

живой плоти и искажает их геометрической схемой». Новый стиль характеризуется «вытеснением человеческих... элементов». Происходит «дегуманизация искусства» [116, с. 238, 247 – 248, 253].

И.В. Можайскова [102] отмечает, что модернизм возник в эпоху стремительного вторжения в жизнь технического прогресса, подчинившего себе искусство. Изменившееся искусство отражает и сдвиги в мировидении, ментальности людей. Автор характеризует модернизм как распад сознания, разрушение духовной целостности, мозаичность психологии современной личности, потерю веры в идеалы добра и красоты. Сфера художественного творчества становится спонтанной, иррациональной, не контролируемой разумом. Отсюда и особенности творчества модернистов: хаос линий и красок в живописи, обрывочность мыслей и бессмысленность словосочетаний в поэзии и прозе, диссонирующий поток звуков в музыке, нагромождение бессмысленных форм в скульптуре. Отсутствие определенности и художественной целостности (разорванность и лоскутность форм произведения, хаотичность его элементов, иррациональность, алогизм) – вот характерные черты искусства модернизма. Ярким выражением этой тенденции выступает абстракционизм. Его отличительный признак – разрыв связей искусства с действительностью, абсолютный отказ от всякого сходства с реальными формами и предметами.

Авангардизм в искусстве связан с пространством бесконечных отражений и зеркал, в котором дробятся

окружающие человека вещи. В работах художников-кубистов, например, отражения одного предмета множатся, превращаются в обратные себе. В этих отражениях – и движение, и части предмета, и сам человек. Тут есть разные ракурсы одного предмета, но нет какой-то отправной точки. Кубизм – это ощущение абсурда, отражающего новый, создаваемый человеком мир, выходящий за пределы привычных представлений о нем. Итак, в характеристике западного менталитета закономерно появляются новые стороны – утрата традиций, ценностей добра, красоты. Вместо рационализма и практицизма – иррациональность, снижение значения разума, ощущение бессмысленности, абсурда.

Вообще, как отмечает Э. Платонова [122], абсурд (лат – неблагозвучный, несообразный, нелепый, глухой) является характерной чертой культуры XX века. Культурологи обращают особое внимание на последнее значение – «глухой», так как оно связано с особенностями новой культуры постмодерна – культурой языка. Абсурд в культуре воспринимается не как отсутствие смысла, а как смысл, который неясен, неслышим. Человек оказывается в состоянии абсурда, то есть глухоты, поскольку смысл не сформулирован в виде понятия.

Х. Ортега-и-Гассет пишет: «В искусстве, обремененном “человечностью”, отразилось специфически “серьезное” отношение к жизни. Искусство было штукой серьезной, почти священной. Иногда оно... претендовало на спасение рода человеческого, никак не меньше!» Действительно, традиционное искусство отражало

наиболее важные проблемы человеческой жизни, придавало достоинство всему человеческому роду, принимало на себя ответственность за судьбы мира. Целью его было – дать более глубокое видение вещей. В противовес этому «новое вдохновение – всегда непременно комическое по своему характеру ... Оно насыщено комизмом, который простирается от откровенной клоунады до едва заметного иронического подмигивания ...». И далее: «...само искусство становится игрой ..., оно рассматривает себя как фарс. ... Новые живопись и музыка – чистый “фарс” в худшем смысле слова» [116, с. 254]. В итоге искусство высмеивает само искусство. Происходит отрицание реальности, «как в системе зеркал... ни один образ не бывает окончательным – все перемигиваются, создавая чистую мнимость» [Там же, с. 255].

В новой культуре произведения искусства почти лишаются какого-либо трансцендентного смысла. Новое искусство спасает человека от серьезной жизни, «Европа вступает в эпоху ребячества», – таков вывод философа [Там же, с. 257].

Модернизм – это отражение чувств современной цивилизации: страха, бессмысленности и ущербности существования, «растерзанности» человечества. Это время, когда человек переводит взгляд с окружающего мира на самого себя. Однако в рамках модернизма еще сохраняется цель и замысел произведения искусства, ценностная иерархия, трансцендентность. Разрыв с традицией здесь еще не так резок и принципиален, как в постмодернизме.

Постмодернизм возник в конце 60-х годов вместе с американской контркультурой. О. Л. Янушкявичене [186] считает, что этот переход наступил, когда пришло осознание несостоятельности рациональности и индивидуализма в решении проблем человечества. Поиск ценностей, которые могли бы заменить христианские, привел к идее о том, что объективных, постоянных ценностей не существует, что все относительно. Таким образом, исчезает иерархия ценностей, а вместе с ней и моральные запреты.

Термин «постмодерн» впервые появляется в работе Р. Панквица «Кризис европейской культуры» (1917), затем у А. Тойнби и У. Дженкса. По словам Э. Платоновой, постмодернизм – это особое состояние человека, пережившего хаос мироздания и разрушения тысячелетиями создававшейся культуры, ощущение трагедии мертвого человека. Но это и попытка реставрации культуры, и открывающиеся возможности человека создавать иной мир при помощи языка.

О.Л. Янушкявичене пишет, что постмодернизм связан с мистикой преимущественно восточно-азиатского происхождения, различными духовными практиками, вызывающими ощущение духовного просветления. Под воздействием психоделиков или других средств достижения транса человек ощущает, что все символично, нереально: убийство и самоубийство, совесть, долг, смысл жизни и т.д.; все понятия равнозначны (предмет и человек, жизнь и смерть).

Для характеристики самой главной тенденции культуры эпохи постмодерна французский философ Жак Деррида вводит термин «деструкция», означающий одновременно и собирание мироздания в структуру, и разложение его, или, по словам Р. Барта, «членение и монтаж» [7].

Постмодернизм виден прежде всего в языке, в тексте. Внешний мир превращается во внутритекстовое поле. Это игра с текстом, игра языка и смысла друг против друга, это культура игры с языком и в целом с бытием. Одним из средств этой игры стал гипертекст – состояние проникновения одного текста в другой с помощью ключевых слов.

В культуре постмодерна человек в состоянии оказаться там, где хочет, где ему хорошо. Время и пространство в ней отсутствуют как сдерживающие составляющие и присутствуют как особенность конструкции. Человек «перемещается» по новому пространству в культуре с помощью механизма гипертекста и подбирает для себя нужное. Ему интересно конструировать, двигаться по множеству гипертекстовых коридоров. В этом языковом пространстве обостряется чувство свободы, возникает огромная возможность выбора.

Постмодернизм расцвел в эпоху персональных компьютеров, массового видео, интернета. Он разрушил различие между текстом и реальностью, сделав ненужным поиск этой самой реальности и чрезвычайно затруднив понимание границ между ними. Создается впечатление,

что единой реальности просто нет: есть различные виртуальные реальности.

Итак, появляется новая виртуальная реальность – особое состояние психики, когда изменяется восприятие пространства и времени. Это можно сравнить с наркотическим или алкогольным опьянением, гипнотическим состоянием. Виртуальный мир – это мир, где воплощаются все желания, мир взаимности.

Слово виртуальный (лат. *virtus* – «истина») означает истинный. Таким образом, то, что происходит с сознанием человека, умеющего играть с миром и позволяющего, соответственно, миру играть с собой, на самом деле является состоянием не иллюзии, а подлинной реальности.

И. Хасан [166], характеризуя это направление в современной культуре, употребляет следующие термины: игра, отсутствие цели и замысла, случайность, анархия, исчерпанность, ирония, неопределенность, имманентность. В постмодернизме авторский стиль уступает место нарочито стертому, банальному языку; единое «я» героя – разорванному сознанию; связное повествование – фрагментарности. Безличный текст допускает множество интерпретаций. «Постмодернизм выглядит как глумливый лубок», он оставляет «впечатление полного отсутствия какой-либо глубины, ... используя ... эстетизацию грубого насилия, пакостей и шокинга» [191, с. 7].

Постмодернизм отказался от иерархии, от оценок, сравнений с прошлым. Он принес с собой легализацию

тем секса, безумия, тюрьмы, сексменьшинств, однополых браков. Это этика, свободная от религиозных начал, этика человека, ориентированного на сиюминутные потребности, на бесконечное отстаивание своих прав и свобод.

Как пишет Г.В. Драч [81], постмодернизм – это грандиозный проект освобождения человечества не только от власти Бога, разума, рефлексии, но и от власти времени и объективности. Ничто великое, могущее довлеть над человечеством, не впускается в культ, от всего надо освободиться.

Среди тех уз, которые стесняют свободу человека, находится и сам язык, поэтому выдвигается задача преодоления «власти языка». Язык упорядочивает мир, а акт называния вещи словом «насилует» ее. Р. Барт [81] предлагает добиться языковой анархии – за счет использования бесконечного количества языков. основополагающим тезисом Р. Барта становится культурно-языковой плюрализм, признание множества равноправных ценностно-смысловых инстанций. Все множество культурных языков образует своего рода «сокровищницу», из которой индивид «свободен черпать в зависимости от истины своего желания ... Языков должно быть столько, сколько существует различных желаний» [7, с. 569]. «Во-вторых, рекомендуется “плутовать с языком, дурачить его”». Последнее означает: освободиться от взаимного подчинения слов друг другу; отказаться от твердого значения знака; направить внимание не на смысл, а на наслаждение от игры со словами; обращаться со знаком как с вымыслом; относиться к словам как к драгоценным

камням, пересыпая их, строя калейдоскопические картины. Р. Барт предлагает «размягчить» смыслы, вернуть их в первозданную стихию «многозначности», «подвижности», «текучести», «трепетности», добиться «энергии неуловимого смысла» и тем самым ускользнуть от тиранической власти моносемии [75, с. 277-302]. Предпочтительным является многозвучный «гул» всех возможных смыслов, слившихся в единый хор, где «ничей голос не возвышается, не становится ведущим и не выделяется особо», – гул, «раз и навсегда освобожденный от всех видов насилия» [7, с. 542 – 543].

Подобной тактики рекомендуется придерживаться и в преподавании, где четкость, последовательность, логичность изложения рассматривается как выражение власти языка. Вместо этого должна быть фрагментарность, надо разобщать знания, лишать их порядка, связи, вводить отступления, примечания, смещающие смыслы, нарушающие логику.

Итак, речевой поток должен быть лишен грамматических, логических, семантических и других оснований и ограничений. Тогда языки потеряют национальный характер, исчезнет национальная литература, гуманитарные науки станут игрой «ничьих» знаков. Термин «великий писатель» потеряет смысл, такой человек не будет носителем высших ценностей. Произойдет отказ от истории прошлого. Главной ценностью станет новизна («эротичность новизны»), прогрессивность. Исчезнет опора на нормы – церкви, государства, национального быта [80].

Г.В. Драч [81] отмечает, что культура модерна была связана с авторитетом разума, которому предписываются законодательные функции. Законодательный разум есть некое устойчивое всеобщее содержание, не выводимое из эмпирического, конечного бытия мира вещей, т.е. это научный метод, диалектический метод. В эпоху постмодерна законодательная парадигма разума была заменена интерпретативной. Интерпретативный разум обратился от трансцендентности к повседневности, обыденности, от метафизики к коммуникации, от поиска научной истины к катарсису непринужденного общения – с его неопределенностью и отсутствием критерия истины. «Нет концепта, нет глубины, сущности. Потеря смыслового центра в пространстве диалога автора с читателем. Текст допускает бесконечное множество интерпретаций, он становится многосмысленным. Философы – участники бесконечной коммуникации, сообщения бродят по ее каналам, искажаясь, меняя адресата. Источник первоначального сообщения теряется в неопределенном прошлом. Бесконечный компьютер, бесконечное число коммуницирующих, невозможность выделения «начального сигнала» (Бога) и указания точного адреса», – пишет автор.

Итак, для постмодерна характерно следующее: отказ от истины, сущности, «деконструкция» вместо созидания, смешивание и уравнивание святого и греховного, высокого и низкого, деструкция смысла, оязычивание культуры. Г. В. Драч подчеркивает неоязыческий, нехристианский характер культуры XX века. Иерархия «тело

- душа - дух» разрушена, человек ни во что не верит, ему «ничем» верить [80]. Н. А. Бердяев [9] утверждал, что позитивно-гуманитарное отвержение Божественных ценностей ведет в конце концов к отвержению человека, ценности его души. Начавшись с Ренессанса, процесс отвержения «ценности человеческой души» наиболее раскрылся в эпоху постмодерна. По сути дела, после заявления Ницше, что «Бог умер», т.е. перестал быть высшим ориентиром в жизни человека, теперь идеолог постмодерна XX века М. Фуко говорит о смерти человека, исчезновении человека, имеющего какие-либо ценности. Постмодерн - это акт человека, создающий новое слово вместо Слова Бога [122]. Это отвержение уже и человеческого разума. И. В. Киреевский писал: «Так западный человек, исключительным развитием своего отвлеченного разума, утратив веру во все убеждения, не из одного отвлеченного разума исходящие, вследствие развития этого разума потерял и последнюю веру свою в его всемогущество» [70, с. 157].

Культура постмодерна - это отражение глубочайших сдвигов, происшедших в мировоззрении европейцев. По словам Гейдара Джемала, Запад расправляется с помощью кувалды и шутовского колпака с ценностями собственной интеллектуальной традиции. Отказ от Бога приводит к обесцениванию человеческой личности, которая становится равнозначной вещи. Таков итог развития западной цивилизации по пути обезбоживания.

В конце XX века, как объясняет Н.А. Нарочницкая, для Запада уже неактуально идейное учительство. Более

важным становится обеспечение благоустроенной жизни, а не участие в мировой борьбе добра и зла. Вместо христианского понятия о бесценности и неповторимости человеческой личности выдвигается тезис о земной жизни как высшей ценности.

Н. А. Нарочницкая указывает, на то, что «воспевание человека и его созидательных возможностей» вело к трансформации понятия «богоподобия» в идею «богоравности» [Там же, с. 27].

Итак, западная цивилизация идет по пути превозношения личности человека, далее – человеческого разума, сознательного отхода от Бога, и все это завершается в конечном итоге отказом, «освобождением» от культурных традиций и обожествленного некогда человеческого разума. Главными ценностями становятся «свобода», «права», «законы». Отвергаются моральные запреты, ценностная иерархия, истина, критерии оценок, объективность, время и даже язык с определенностью его значений. Остаются лишь хаос мироздания, мистика, виртуальная реальность с ее условностью, относительностью и символичностью, – и все это вместо рационализма, практицизма и реализма. Такой итог создает впечатление глубокого кризиса цивилизации, столь ценившей разум и человеческое сознание. Неизменными остаются только извечные западные ценности благоустроенной земной жизни.

О кризисе западной цивилизации, избравшей путь развития без Бога, говорили многие мыслители и деятели

культуры. Так, уже М. Ю. Лермонтову этот путь казался тупиковым и гибельным:

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою...

[Цит. по 106, с. 37].

Такую же мысль высказывал Ф.М. Достоевский: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник давно уже созидавшийся в ней без Церкви и без Христа (ибо Церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все, все общее и все абсолютное, – этот созидавшийся муравейник ... весь подкопан» [42, с. 345].

Протопресвитер Василий Зеньковский также считал, что Европа переживает небывалый духовный кризис [55].

В 20-е годы XX века выходит книга О. Шпенглера «Закат Европы». Период новейшей европейской истории характеризуется им как закат европейской цивилизации. Само понятие цивилизации рассматривается как завершение и исход культуры, как духовная старость, как неотвратимый конец. Подводя итог развитию европейской цивилизации, Н. А. Нарочницкая указывает, что Запад обеспечивает свое «псевдобытие – историю без нравственного целеполагания... Это окончательный... закат Европы» [103, с. 531].

Итак, магистральный путь европейской цивилизации состоял в постепенном самоутверждении человека,

удалении его от Бога и высших нравственных ценностей, которые стали восприниматься не как абсолютные, а как относительные. Нарушение ценностной иерархии, преступание моральных запретов, разрыв традиций (нарушение связи времен) – все это не остается безрезультатным и приводит к коренной ломке менталитета. Наблюдается все больший уход в виртуальную реальность, происходит стирание грани между реальным и виртуальным мирами. Обожевленный некогда человеческий разум сбрасывается со своего пьедестала, он теперь не справляется с наплывом восточно-азиатской мистики, оккультных практик, различных духовных воздействий на подсознание. Отвержение ценности человеческой души, ее божественной сущности аукнулось ощущением страха и бессмысленности жизни человека.

Таким образом, потеря веры, утрата религиозных нравственных ценностей – все это привело западную цивилизацию к ситуации духовного кризиса.

II. 3. Общая характеристика западного менталитета

Культурологи выделяют два типа культуры – *сотериологический* (от греческого «сотерио», спасение) и *эвдемонический* (от греческого «эвдемония», счастье). Христос сказал: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф., 6, 21), «сокровище на небесах» или «сокровище на земле». Переходом от первого ко второму типу ценностей в европейской истории стала, как извест-

но, эпоха Возрождения, породившая пристальное внимание к земным сокровищам – и предпочтение их.

М.М. Дунаев пишет: «Столь прославляемая ныне западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения *сокровищами* на земле. И так называемый прогресс – отыскание все более совершенных средств к овладению такими *сокровищами*» [47, с.5].

Прежде всего такая «земная» ориентация проявляется в западной церкви. Вот как говорит об этом русский поэт Ф. И. Тютчев: «Спаситель сказал: “Царство Мое не от мира сего”. И вот ... Рим, отделившись от единства, счел, что он имеет право ... устроить это Царство Христово как царство мира сего» [157, с. 43]. Таким образом, и в самой западной церковности прослеживаются признаки «обмирщенности».

Подобная идея прослеживается у многих философов-славянофилов. Д. А. Хомяков говорит об этом так: «На Западе люди озабочены тем, чтобы довести до минимума то, что для них только тяжелая повинность – заботу о расчете с другим миром» [Там же, с. 265]. Таким образом, для души западного человека практическая, земная реальность почти всегда казалась ближе и роднее, чем невидимый «град Китеж».

Вот как поясняет эту мысль А.И. Осипов, говоря о Реформации в сотериологии. В католичестве человек для спасения должен был за свои грехи принести Богу соответствующее удовлетворение добрыми делами, подвигами, молитвами и т.д. В протестантизме условия спасения были

сведены к минимуму: только вера спасает человека. Сам он в деле своего спасения сделать ничего не может, т.к. вера зависит только от Бога. Таким образом, от человека ничего не требуется для спасения. «Так, наконец, был найден способ освободить себя от какой-либо работы над самим собой, – пишет автор и заключает, – большего “торжества разума” еще не было, вероятно, в истории религии» [117, с. 148 – 149].

Отсюда принципиально меняется оценка и всей мирской деятельности христианина. В католичестве труд понимается как наказание за прародительский грех: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт., 3, 19). Протестантизм рассматривает труд как свободную деятельность, направленную на удовлетворение земных потребностей. Таким образом, «весь религиозный пафос был перенесен с неба на землю, с целей духовных на жизненно-практические ...». А.И. Осипов подчеркивает характерный для Запада культ всего земного [Там же, с.150].

Подобная же идея звучит в работе Ф.И. Тютчева «Россия и Запад: книга пророчеств»: «Западная церковь... сделалась политическим учреждением, политической силою, государством в государстве» [157, с. 44 – 45]. Поэт и философ также подчеркивает направленность западной церкви к земным интересам. Далее Тютчев отмечает, что движение реформы пришло к отрицанию авторитета церкви. И вот – страшные последствия: «Через этот пролом, который протестантство пробило ...

само того не ведая, ворвалось впоследствии в западное общество противохристианское начало» [Там же, с. 45].

Идея о том, что человек «запада» отвернулся от Бога, стал мыслить себя автономным, «самозаконным», звучит и в работе М. В Захарченко. Автор пишет, что человек этот захотел построить мир по своей собственной мерке. Рациональная цивилизация Запада началась с того, что человек объявил законы разума совпадающими с законом Откровения, а потом с помощью разума стал судить и об Откровении [53].

Итак, приоритет земного счастья и удовольствия, эвдемоническая ориентация – одна из наиболее устойчивых ценностей западного менталитета на протяжении истории. Характеризуя т.н. западный прогресс, Д. А. Хомяков говорит, что его целью является достижение наибольшего земного благополучия. Поскольку для западного общества это – главный интерес, он достигает в решении этой узкой задачи необыкновенных результатов. На Западе может быть много бескорыстных людей, но, по словам Д. А. Хомякова, «весь строй Запада – материалистичный». Развивая эту мысль, автор пишет: «Крайняя забота о земном строе, о материальном развитии, об умножении сил и средств для улучшения именно этого строя приносят, благодаря именно своей узкой конкретности, такие блестящие результаты» [170, с. 254]. Однако эта вечная погоня за внешним прогрессом приводит к порабощению им. Автор противопоставляет западному человеку восточного, всегда понимавшего, что настоящая цель жизни – это проявление внутренней свободы и

независимости от политических интересов, т.е. от того, что на Западе выражается словом «цивилизация». «Восточный человек искал просвещения, а западный – цивилизации» [Там же, с. 249]. Д. А. Хомяков пишет далее, что даже безбожный китаец гораздо более интересуется тем, где он будет погребен, чем тем, где и как будет жить.

М.М. Дунаев замечает, что ориентация ряда русских философов на европейский стиль жизни и ценности, т.е. западнический тип мышления, внешне выглядит практичнее, поскольку это движение к прогрессу и цивилизации. Однако западническое историческое движение – это «историческая суета, которую Пушкин пророчески противопоставил как неистинную историю подлинной» [47, с. 181].

Н.А. Бердяев также негативно отзывался об идее прогресса, энергия которого направлена вовне, а не внутрь, не в глубь вечности: «Земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загипнотизировал человека заманчивой идеей прогресса и грядущего в конце прогресса земного рая. И так обольщен был человек, что не заметил безумия своего служения прогрессу ...» [Цит по 29, с. 258].

Таким образом, как западная церковность, так и развитие светской культуры несут на себе отпечаток «мира сего». По словам В. С. Соловьева [143], Европа произвела великое множество культурных форм (наука, искусство, философия и т.д.). При этом она не ответила на вопрос о содержании жизни, о цели деятельности. Европейская наука изучает явления и их законы. Но в ней

нет высшего рода знаний, имеющих своим предметом абсолютные начала и причины. Философ говорит о потере западной культурой всякого универсального содержания, всех безусловных начал бытия. Он делает вывод о том, что западная цивилизация стремится к исключительному утверждению безбожного человека как единственного божества.

И.А. Аксаков оценивал духовное состояние европейской культуры еще более жестко: «Запад – овеществление духа, безграничное господство материи везде и всюду, торжество грубой силы, возвращение к временам варварства...» [2, с. 12].

Еще одна особенность, пронизывающая всю Западную ментальность – это юрицизм, признание прав личности как высшей ценности. Юрицизм отмечен и в понимании религиозных истин, во взаимоотношениях с Богом, и в представлениях о нравственных ценностях, и в восприятии общественных и межличностных отношений. Так, в работе В. В. Знакова [57] проводится кросскультурный анализ понятия лжи, которая в западной культуре рассматривается как нарушение прав личности. Автор цитирует западных ученых, например, Хьюго Гротюса, по словам которого, «ложь предосудительна, потому что несовместима с правами того, к кому она обращена». Интересно, что в русском языке при интерпретации этого понятия акцент делается на искажении истины, за которое расплачиваются муками совести, тогда как коммуникативный аспект не принимается во внимание.

Итак, для западного человека характерна тяга к самоутверждению. Он ставит себя на место Бога. «Будете как боги...», т.е. тот же соблазн, который привел прародителей к грехопадению. По словам святителя Тихона Задонского, тщеславие есть следствие первородного греха и непрменный атрибут гуманизма, то есть той формы, которую греховность принимает в Новое время [47, с.51]. Гуманизм, отвергает связь человека с Творцом и порождает стремление утвердить себя. К. Леонтьев [87], характеризуя Запад, упоминает о присущем ему высокому, преувеличенному понятию о достоинстве личности человеческой. По определению Ф. И. Тютчева, продукт цивилизации Запада – человек, зависящий только от себя, «апофеоз человеческого “я”» [157, с.43]. Такую же мысль высказывает С. Франк, говоря, что из «Ренессанса рождается представление об особенном достоинстве человека, как существа, самовластно и самочинно устрояющего свою жизнь и призванного быть верховным властителем над природой, над всей сферой земного бытия...» [Цит. по 47, с. 660].

В. Шубарт [181] называет западный тип прометеевским, героическим человеком, склонным к индивидуализму и свободе, насилию и подавлению, полным жажды власти, удаляющимся от Бога, уходящим в мир вещей. Вл. Соловьев также отмечал, что такому человеку присуща безусловная индивидуальная свобода, воля к власти. При этом происходит вырождение духа и высших ценностей. «Бог умер!», все становится доступным уму человека, считающего себя всемогущим, способным все

познать любыми средствами. И далее вполне логично появляется идея Ф. Ницше о сверхчеловеке и переоценке всех ценностей, освобождении от всех моральных, особенно христианских, норм и превращении их в ценности с противоположным содержанием.

Ф. Ницше связывал появление сверхчеловека с отвержением Бога, христианства и той морали, которую оно с собой несло. М. Хайдеггер в своей книге о Ницше заметил: «Слова “Бог мертв” – это не атеистический тезис, а глубинный событийный опыт западной истории» [194, с. 183].

Высшая цель безбожного человека – упразднение морали, так как она обуздывает произвол. По идее Ницше, «мораль господ» призывает разбить «старые скрижали Закона». Освободившиеся от норм морали избранники получают одобрение и награждаются привилегией знания, обладают «истиной», становятся властелинами мира.

Таким образом, аморальность становится атрибутом превосходства. Вот слова Ф. Ницше: «Эта книга для немногих – для тех, кто стал свободным, для кого нет запретов: шаг за шагом мы отвоевали право на все запретное» [201, с. 810]. Итак, свобода в понимании западного человека отделена от нравственности и морали, все позволено человеку особому (когда-то – гениальному, теперь – свободному).

В.П. Зинченко [56] в своей статье упоминает отечественного философа В. Н. Топорова, назвавшего европейского человека *Номо новiusом*, а также именем героя

мифологии Энеем за его склонность играть с судьбой, стремлением быть умнее, чем боги. Действительно, идеалом европейского человека является свободная личность [153].

Освальд Шпенглер в известной книге «Закат Европы» [177] называет западную цивилизацию «фаустовской культурой».

Говоря об истоках содержания фаустовского начала, следует обратиться к германской мифологии. Фауст – герой немецкой легенды, возникшей в период Реформации, ученый, заключивший союз с Мефистофелем (греч. – ненавидящий свет) ради знаний, богатства и мирских наслаждений. И. В. Гете было дано создать образ-символ, который стал обобщенным выражением метаисторических особенностей западной культуры. О. Шпенглер утверждает, что фаустовский дух и есть подлинный символ этой цивилизации, и прямо говорит о языческих корнях этого духовного мира, связывая его с мифологией древних германцев.

Символом фаустовской души является безграничное пространство. Главным признаком ее автору представляется воля. Фаустовская культура является культурой воли. Другая ее особенность – выделение человеческого индивидуального «я». По выражению О. Шпенглера, «я» проявляется в готической архитектуре, в шпилях и контрфорсах. Фаустовская этика – это стремление «ввысь»: совершенствование «я», оправдание «я» благими делами, уважение к ближнему ради собственного «я» и, наконец, бессмертие «я». Шпенглер противопоставляет

фаустовскую душу русской – безвольной и считающей все перечисленное суетным и тщеславным [177, с. 140].

Воля западного человека проявляется в искусстве. Оскудение религиозного чувства сопровождается распадом монументальных форм искусства в импрессионизме и эстетизме, утратой органического чувства бытия. Картина современной западной живописи захватывает зрителя в свою сферу. «Мы “погружаемся” в картину, т.е. нас втягивает в нее той мощью, с которой было трактовано пространство», – пишет О. Шпенглер [177, с. 387]. Все эти тенденции проявляются и в науке. Так, устремленность в бесконечность привела и к преодолению наглядной геометрии Эвклида, к идее о конечности мира Коперника. Появились дифференциальное исчисление и метагеометрия, отвлеченная математическая механика. И все это проникнуто одним и тем же фаустовским духом.

В фаустовской культуре ценится действенность, а не созерцательность. Для западной души характерно преодоление сопротивления, спрос на деятельность, решимость, самоутверждение, борьба против того, что соединяет прошлое и будущее. Однако ее отличают и творческие, созидательные усилия. Фаустовский инстинкт, деятельный, волевой, с вертикальной направленностью готических соборов – вдаль, в будущее, в пространства для собственной деятельности. Если античным идеалом было отсутствие интереса к ходу дел в мире, то для фаустовского человека это как раз составляет все содержание жизни. Естественно, что энергичная и волевая

«...фаустовская культура была в сильнейшей мере направлена на распространение ... она превратила всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему», стремилась «покорить мир ... властным притязанием познающего “я”» [Там же, с. 394].

Однако взлет духа, повлекший за собой расцвет искусства и науки, продолжался недолго. Как известно, Фауст продал свою душу дьяволу. Результатом бурного прогресса становятся бездуховность, пустота, распад традиционных форм в искусстве, отрыв от корней. «Время-ориентированная цивилизация либо развивается, то есть растет вглубь и вширь, осуществляет экспансию в физическом и смысловом слое, либо же – деградирует, – пишет С. Переслегин, – Запад погибнет в тот момент, когда он “остановится”. “Конец истории” и наступление “общества мечты”, которое уже не будет меняться, поскольку и так прекрасно, станет концом для Запада» [118].

Постепенно место героя, сверхчеловека в западном обществе занимает другая личность, более заурядная, но так же неудержимо стремящаяся к власти. Руководящей силой становится «человек массы». Такое понятие было использовано испанским философом Ортегой, который писал: «Чрезмерное изобилие жизненных благ и возможностей автоматически ведет к созданию уродливых, порочных форм жизни». Автор заключает: «Вся власть в обществе перешла к массе» [114, с.117, 133, 118].

Н. Бердяев, свидетельствуя пришествие «человека массы», предупреждал: «Идет новый человек ... одержимый волей к мировому могуществу и овладению всей

землей... День новой истории кончается. Рациональный свет ее гаснет. И может наступить новый хаос народов, из которого не так скоро образуется космос...» [9, с. 67, 70]. Итак, от особо одаренного, гениального человека к сверхчеловеку, которому все позволено, и, наконец, обычному, заурядному «человеку массы», должному встать во главе общества, подчинив себе весь мир – такова эволюция западных идеалов.

Выделяя наиболее характерные особенности западной культуры, И. В. Можайскова [101] отмечает: во-первых, акцент на самоутверждении человеческой личности и мобилизации ее волевого потенциала, т.е. фаустовское начало; во-вторых, отношение к природе по принципу ее покорения; утверждение прагматизма и подмена им всей гаммы духовных ценностей; в-третьих, возведение материального комфорта в ранг цели кратковременной жизни человека. При этом западной цивилизации свойственна внутренняя убежденность в том, что все эти ориентации соответствуют общечеловеческим ценностям.

Еще одна характерная особенность западной культуры, подмеченная еще И. В. Киреевским, – это ослабление семейных связей, которое от высших классов народа перешло к низшим. Философ пишет: «В высших слоях европейского общества семейная жизнь ... стала, даже для женщин, делом почти посторонним. ... Дети знатных родов воспитывались за глазами матери Мать семейства вовсе почти лишена была семейного смысла ... Самолюбивые и шумные удовольствия гостиной заменяли

ей тревоги и радости тихой детской. Салонная любезность и умение жить в свете ... сделались самой существенной частью женского достоинства» [70, с. 202]. Таким образом, индивидуализм западного человека, его нежелание жертвовать своим комфортом и успехом в обществе распространяется и на область семьи. Дети, супруг перестают быть ценностью для человека фаустовской культуры.

Как уже отмечалось, человек Запада не склонен к благочестию. Сами западные религии несут на себе отпечаток фаустовского мироощущения. И. В. Можайскова [101] пишет, что католицизм и протестантизм роднит воля к действию и к власти. Католицизм «торговал» правом на райскую загробную жизнь, используя земные властные средства. А протестантизм перенес акцент на земное бытие и покорение природы, ставя знак равенства между достижением земных благ и положением человека в потустороннем мире. Наибольшее выражение «фаустовские начала» находят в протестантизме с его индивидуалистическими и рационалистическими тенденциями, предприимчивостью, энергичностью, волевой устремленностью, которые были реализованы и в модели «морской цивилизации», и в либеральной модели общества. Так, протестанты отправились в Северную Америку для создания модели подлинного Запада. «Они едут туда – на крайний Запад как в “землю обетованную” строить там совершенное общество, “идеальный Запад”, “абсолютный Запад”... американцы видят свою историю как

последовательно восходящий путь к цивилизационному триумфу, к победе той мировоззренческой модели, на которой основана сама американская цивилизация – как квинтэссенция всей истории Запада», – пишет А. Дугин [45, 46 с.6].

Действительно, в современном западном обществе американский вариант становится ведущим. Н. А. Нарочницкая полагает, что в эпоху заката Европы, когда совершается переход от культуры к совершенствованию материальной жизни человека, естественно, что Америка становится лидером. Американские пуритане строили рай на земле и последовательно шли к владычеству над миром. Земными успехами они доказывали свою богоизбранность. Автор приводит слова американского сенатора А. Стивенсона: «Если Соединенные Штаты – это обетованная земля избранного народа, то невозможно даже представить, что интересы человечества могут не совпадать с интересами Соединенных Штатов» [103, с. 83]. По идее Н. А. Нарочницкой, европейский культ человека выродился в Америке в культ тела, исчезла и установка ранних пуритан на бытовую скромность. В. Шубарт охарактеризовал американцев как «англосакство без джентльменского идеала, ... прометеевский мир, не облагороженный готическими ценностями» [181, с. 244]. Эта страна, по словам Н. А. Нарочницкой, является носителем идеи антропоцентризма и универсализма как модели общества. Именно в США «индивидуум ... возводится в высшую ценность, при этом этнические и

юридические нормы размываются Такой тип цивилизации быстро развивается, активно эволюционирует, легко меняет внешние культурные признаки, сохраняя неизменной лишь внутреннюю идентичность общей установки», – пишет А. Дугин [46, с.16]. Другие исследователи отмечают в менталитете американцев разобщенность и внеисторизм. Если Европа отягощена своим прошлым и историей, то Америка свободна от излишнего знания исторических деталей. Здесь нет прямой, связывающей прошлое, настоящее и будущее. [172].

Главная цель человека такого общества – обеспечение максимальной комфортности в земной жизни. По мысли И. В. Можайской [102], господство западной цивилизации связано с особой ролью в ней именно социально-экономического фактора, научных знаний и техники и с крайне расточительными формами отношения к среде обитания в результате научно-технического прогресса. «За фасадом христианской религии, – пишет Э. Фромм, – возникла новая тайная религия – “индустриальная религия”, укоренившаяся в структуре характера современного общества...» [165, с.151]. Она низводит людей до положения слуг экономики и созданных их же руками машин. Эта «религия» незаметно вытеснила даже гуманизм Ренессанса с его «духовным подъемом» атеистической направленности. Такие социальные религии создают определенный тип человека – «модель экономического человека» – и образуют духовный климат, в котором живет общество, – это превалирование материальных потребностей над

духовными, признание того, что целью жизни является счастье, т.е. максимальное наслаждение, и что богатство, успех и комфорт ведут к гармонии, счастью и прогрессу. Америка в наибольшей степени представляет собой «Закат Европы» – смерть культуры и перерождение ее в материальную цивилизацию.

В наше время всеобщим эталоном стал преуспевающий человек Запада. Однако такой эталон не имеет ничего общего с реальной духовной свободой личности. Интересна идея Э. Фромма о том, что цель человека с рыночным характером – «сохранить спрос на себя» при всех условиях, складывающихся на рынке труда. Такой человек не имеет даже своего собственного «я», на которое он мог бы опереться, ибо его «я» постоянно меняется в соответствии с принципом «я такой, какой я вам нужен». При этом мастерство и честность сами по себе редко обеспечивают успех. Здесь важнее умение преподнести себя, энергичность, честолюбие, бодрость, агрессивность и т.д.

В этих условиях отношение человека к себе неизбежно определяется этими критериями успеха. Его чувство собственного достоинства основывается не на оценке им самих своих способностей, а на возможности их использования в данном обществе, т.е. зависит от мнения других относительно его «привлекательности». Если ему не везет и его обходят, тогда как других раскупают, он делает вывод о своей неполноценности и никчемности.

У людей с рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью. Им присуще обострен-

ное, гипертрофированное честолюбие, постоянно меняющееся «я», при этом у них нет «самости», стержня, чувства идентичности.

Рыночная ориентация лишает человека его индивидуальности, он становится отчужденным от самого себя. При таких обстоятельствах чувство собственного достоинства человека сильно ущемляется, он не может сам себя уважать, так как зависит от оценок других, которые постоянно меняются в зависимости от спроса. Неизбежным результатом этого становятся чувства беспомощности, неуверенности, страха перед завтрашним днем.

Преобладание рассудочного, манипулятивного мышления, обеднение эмоциональной жизни, усредненность мыслей и чувств (которые легко приспособляются к тому, чтобы нравиться окружающим), деловая сверхорганизованность, культ силы и успеха – все это отмечается в современном человеке Запада [102].

Однако отказ от более высоких человеческих ценностей приводит к внутренней пустоте и неуверенности, которые обнаруживаются при каждой его неудаче. И он расплачивается за свое отчуждение, отказ от «самости» многочисленными психозами и неврозами. «Мы представляем собой общество заведомо несчастных людей: одиноких, снедаемых тревогой и унынием, способных только к разрушению и постоянно ощущающих свою зависимость – людей, которые радуются, если им удалось как-то убить время, которое они так усиленно стремятся сэкономить», – писал Фромм [165, с.13-14]. Технические изобретения создали одновременно некое упрощенное

духовное мироощущение современного человека без прошлого и будущего, жизнь бабочки-однодневки.

По словам русского мыслителя XIX в. Н. Федорова, Европа – это «цивилизация молодых». Сыны человеческие сняли с себя обязанности перед отцами, предками, т.е. перед традицией, отделились от них в своей гордыне, перестали считаться с прошлым, забыли свой «сыновний долг». Притча о блудном сыне стала символом европейского образа жизни. Старшие воспринимаются как помеха для юношеских дерзаний и вседозволенности [80, с. 320].

Действительно, для этой цивилизации свойственно быстрое и непрерывное развитие, изменение, движение к прогрессу, преодоление сопротивления, разрыв традиций и связи времен. По словам М. В. Захарченко [54], Европа становится символом «современности». Автор отмечает также уверенность западного человека в том, что он в состоянии взять под контроль все силы, влияющие на его положение в мире. Таким образом, этот человек обладает интернальным локусом контроля [56].

Все сказанное подтверждается и данными современных исследователей [31], описавших характерные для западного менталитета ценности: индивидуальность, иерархия, деньги, пунктуальность, первенство, помощь, активность, уважение к молодости (своеобразный культ молодости), образование. Несущественными и маловажными считаются: скромность, уважение к старшим, гостеприимство, сохранение природы, мир, мощь государства.

Характеризуя западную цивилизацию, А. С. Хомяков особо выделял умственную гордость всех западных народов, говоря, что Бог дал им много даров, облегчив достижения в науках, искусстве, гражданственности. Как же они использовали эти дары? «Они воспользовались милостию Божиею и достигли высокого развития умственного; но, ослепленные своими успехами, они, с одной стороны, сделались... вполне равнодушными к высшему благу – вере и коснеют в слепоте духовной, а с другой – сделались не благодетелями остального человечества (к чему были призваны), но врагами его, всегда готовыми утеснять и поработать другие народы», – с горечью заключает автор [169, с. 344].

Итак, определяющей, стержневой для менталитета западного мира характеристикой является ориентация на земное благополучие, комфорт, наслаждение («сокровища на земле»). По сути дела – это стремление к земному раю, который должен наступить в результате прогресса. Земные успехи Запада и есть критерий богоизбранности этих народов. Эта протестантская идея глубоко укоренилась в менталитете многих западных народов, приближая их мировоззрение к материализму и атеизму. Безбожный человек, поставивший себя на место Бога, сделал ставку на свободу, права, закон, которые не основаны на нравственных принципах и ценностях как критериях для различения добра и зла. Высшими ориентирами в жизни стали счастье, наслаждение, богатство, успех, комфорт, познание, творчество, самоутверждение. В жертву всему этому приносится окружаю-

щая среда, природа (ее покоряют ради увеличения потребления и богатства), нравственность, ценность человеческой личности (которая отчуждается от себя, теряет свою самость), другие народы и цивилизации, превращенные в колонии или объекты экономического использования и идеологической обработки. Бурное развитие науки, техники, искусства, все достижения фаустовской культуры призваны служить земному благоустройству человека. Для западной цивилизации характерны такие тенденции, как отказ от традиций, культ силы и молодости.

Основными чертами человека этой цивилизации можно считать развитые волевые качества, энергию, активность, предприимчивость, стремление к власти и самоутверждению, гордость, индивидуализм, рассудочность, манипулятивное мышление, прагматизм, эмоциональную обедненность (усредненность чувств), свехорганизованность, бездуховность. Западный человек – это человек без прошлого и будущего, потерявший важные жизненные ориентиры. Показателями этого становятся все возрастающее число неврозов и психозов, уход от реальности в виртуальный мир, наркотики и другие средства, имитирующие удовлетворение потребностей.

II. 4. Особенности познавательного стиля западной цивилизации

Для понимания особенностей западного стиля отражения мира обратимся к идее М.М. Дунаева о двух

способах познания мира: «Человеку даны два уровня постижения бытия: уровень эмпирического знания, обобщаемого и осмысляемого наукой, и уровень откровения, обретаемого верой. Просветительская мысль, противопоставляя оба уровня, истинным признавала лишь уровень научного мышления» [47, с. 181]. Действительно, западная цивилизация, так много взявшая от эпохи Просвещения, беззаветно верившая во всемогущество науки, в то, что она обладает полнотой истины, не учитывала ограниченности сферы деятельности научных знаний и возможностей. А. С. Хомяков [169] называет веру в научное знание «вереньем» ограниченного разума, поскольку всякая научная теория основывается на принятии без доказательств некоторых аксиом.

И. Мейендорф [100] характеризует эти же два стиля как познание отвлеченно-умственное и познание-видение (познание-преображение). Последнее открывается по благодати. Это синергийный путь, где воля человека действует в присутствии воли Божией.

Об этом же самом говорит и И.В. Киреевский, характеризуя две образованности, из которых первая есть внутреннее устройство духа (духовность), вторая – формальное развитие разума и внешних познаний (рациональные знания, наука, светская образованность). Первая может появиться непосредственным путем, вторая – в результате долгой и трудной работы. Первая представляет собой смыслы, вторая содержание и полноту знаний [70, 144].

И.В. Киреевский отмечает недостаточность знания, полученного на основе логического разума, односторонность западной образованности. Римскую и затем всю западную образованность характеризует, с его точки зрения, блестящая логика и приверженность к «наружному сцеплению понятий» (т.е. внешняя правильность, научность, но без понимания глубинных смыслов), слишком высокий авторитет отвлеченного мышления. Спецификой западного мышления, согласно этому философу-славянофилу, является односторонность, отсутствие существенного смысла, «холодный анализ... самодвижущийся нож разума, ... отвлеченный силлогизм, самовластвующий рассудок» [70, с. 154]. В поэзии, языке, знаменитых римских законах - везде наружная рассудочность берет перевес над внутренней сущностью вещей (в соответствии не с духом, а буквой закона). «Тот же характер рассудочного направления замечаем мы и в нравах римских, где так высоко ценилась внешняя деятельность человека и так мало обращалось внимания на ее внутренний смысл...», - пишет далее Киреевский [Там же, с. 167 - 168]. Западный способ мышления - это «бесконечная, утомительная игра понятий..., калейдоскоп отвлеченных категорий», слепота к «тем живым убеждениям, которые лежат выше сферы рассудка и логики» [Там же, с. 179]. Пытаясь продемонстрировать парадоксы западного способа отражения мира, Киреевский приводит в пример Декарта, который «несмотря на... гениальное разумение формальных законов разума, был так странно слеп к живым истинам,

что свое внутреннее, непосредственное сознание о собственном своем бытии почитал еще неубедительным, покуда не вывел его из отвлеченного силлогистического умозаключения!» [Там же, с. 180]. Автор полагает, что таково общее направление западного ума.

В противовес «внутренней цельности разума» (способности проникать в глубинные смыслы вещей), к которой стремились восточные мыслители, западные искали достижения полной истины с помощью «разделившихся сил ума» (в котором мышление, воображение, эмоции, интуиция и т.д. существуют отдельно, не взаимодействуя) [Там же, с. 186]. В результате европеец всегда готов к крайним порывам, суетлив, беспокоен. И. В. Киреевский говорит о раздробленности души западного человека, в которой лишь рассудок связывает отдельные стремления: «В одном углу его сердца живет чувство религиозное ...; в другом – отдельно – силы разума и усилия житейских занятий; в третьем – стремления к чувственным утехам; в четвертом – нравственно-семейное чувство; в пятом – стремление к личной корысти; в шестом – стремление к наслаждениям изящно-искусственным...». Таким образом, «западный человек легко мог поутру молиться с горячим, напряженным, изумительным усердием; потом отдохнуть от усердия, забыв молитву и упражняя другие силы в работе; потом отдохнуть от работы, не только физически, но и нравственно, забывая ее сухие занятия за смехом и звоном застольных песен; потом забыть весь день и всю жизнь в мечтательном наслаждении искусственного зрелища» [Там же, с. 199].

Итак, для европейца свойственна разъединенность ума (и его составляющих) и души, отсутствие гармонии, единства. Такой человек существует «здесь и сейчас», в нем нет стержневых объединяющих начал, выстраивающих все его дела и этапы жизни в нечто целостное, подчиненное единому смыслу.

Такую же мысль высказывает Д.А. Хомяков [170, с. 156]: на Западе произошла «утрата понятия о целостности духа, т.е. необходимости подчинять развитие отдельных способностей общему, духовному камертону», притом, что сами эти способности развиты чрезвычайно сильно.

В.С. Соловьев [143] пишет, что европейская наука изучает явления и законы, но не безусловные начала и причины бытия, составляющие высшего рода знания, имеющие внутреннее универсальное содержание. Философ отмечает характерное для Запада разложение всего на низшие составные элементы, атомизм в жизни, науке, искусстве. Производится все дробное, частное, никогда не достигающее до настоящего, до сути. Обособив отдельные элементы, западная цивилизация довела их до крайней степени развития, но без внутреннего органического единства они оказались лишены живого духа. «У народов Западной Европы все гораздо более детерминировано и оформлено, все разделено на категории и конечно», – высказывает такую же мысль Н. А. Бердяев [10, с. 14].

Характеризуя европейский экзистенциализм, Т. Г. Григорьева также отмечает в нем потерю перспективы, отсутствие ощущения целого, подмену целого частью и делает вывод: «Поэтому и обречен дробящий ум

на безысходность, что нет конца дроблению» [29, с. 311]. То же самое утверждает и М. М. Дунаев, говоря, что разум, привычный к аналитическому типу мышления, теряет целостность, дробящее сознание не может иметь подлинное понимание жизни [47].

По идее Н.Я. Данилевского [38], народы европейского культурного типа богато одарены политическим (житейским, здравым) смыслом и способностью для культурного развития: научного, художественного и промышленного. Они пошли по пути аналитического изучения природы, достигли глубины психологического анализа, но в «чистой области прекрасного» не произвели ничего, подобного шедеврам греческого искусства. В этом проявилась та же «раздробленность духа, которая в изящных искусствах породила мечтательность и разрозненность сердечных стремлений» [70, с. 205]. Итак, отметим у европейцев необычайную одаренность, наличие прекрасных способностей самых разных направлений, высокий уровень светского образования и при всем этом – недостаток духовности, которая могла бы все это объединить и придать разнообразным видам деятельности высший смысл.

Философы называют еще некоторые грани западной образованности и способа мировидения – необычайную значимость формы, которая преобладает над внутренним содержанием. Так, Ф. И. Тютчев [157] акцентирует внимание на идолопоклонстве людей Запада перед всем, что есть форма, формула. А. С. Хомяков прямо высказывает ту же мысль: «Правильная алгебраическая форму-

ла была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов» [169, с. 75]. И. Мейендорф [100] также отмечает: если на Востоке ставится в центр христианской жизни «опыт», «переживание», «мистика», то на Западе человеку предлагаются конкретные нормативные формулы поведения и приличия. То есть рационализм, рассудочность, – вот то, что преобладает в западном познавательном стиле. «Западная душа гораздо более рационализирована, упорядочена, организована разумом цивилизации ... Западным же людям свойствен объективирующий интеллектуализм», – замечает Н. А. Бердяев [10, с. 502, 534]. Все сказанное подтверждается и данными психологов. Так, директор НИИ психологии и развития способностей П. Нагоров, изучающий психологические особенности разных языков, делает вывод о том, что языки европейской группы более связаны с логическим мышлением (АиФ. – 2008. – 11 июня. – № 22).

Нельзя не отметить, что наибольшее выражение рационалистические тенденции находят в протестантизме. Но вот еще один интересный нюанс. За внешней разумностью, рационализированностью скрывается чрезвычайно яркое, возможно, утрированное воображение. Об этом пишет П. А. Флоренский: «Для других – рассудок под видом разума. А для себя – воображение, еще более разгоряченное, нежели в католицизме, духовно раскаленное и 'прелестное...» [164, с. 584]. Киреевский [70] также отмечает, что западный мир основал красоту свою на обмане воображения, на заведомо ложной мечте.

Отметим эту особенность, столь отличную от преобладающего стиля мышления европейцев, для которого свойственны рационализм, разумность, логика, анализ, атомизм, организованность, упорядоченность.

Далее обратимся к рассмотрению еще ряда специфических моментов, касающихся познавательной деятельности западной цивилизации. Э. Фромм в своей работе «Иметь или быть» [165, с. 45-46] выделяет характерное для Запада стремление к обладанию (внешними объектами) как противоположное ориентации на бытие, которое более свойственно восточным народам. Ссылаясь на работу Т. Судзуки «Лекции по дзэн-буддизму», он приводит для сравнения стихотворение английского поэта XIX века – Теннисона и хокку японского поэта XVII века М. Басё, в которых выражены сходные переживания – реакции на цветок, увиденный во время прогулки. В стихотворении Теннисона говорится:

Возросший средь руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь – вот корень, стебелек,
здесь на моей ладони.
Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек,
и в чем вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.

По-иному эта же мысль выражена у Басё:

Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнем!

В стихотворении Теннисона преобладает стремление обладать. Цветок срывается, автор производит анализ всех его частей и из этого умертвляющего «дробления» безуспешно пытается понять высшие смыслы.

Басё относится к цветку совершенно иначе. Не дотрагиваясь до него, он лишь «внимательно вглядывается», созерцает, пытается «увидеть» цветок, постичь его красоту, оставляет его живым.

«Ориентация на обладание – характерная особенность западного индустриального общества, в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, властью, славой, – пишет Э. Фромм. – Эта тенденция нашла отражение в западных языках ... во все большем использовании ... существительных, и все меньшем – глаголов». Дело в том, что существительные – это обозначение вещи (обладаю вещами), для обозначения бытия, действия или процесса служит глагол (люблю, желаю и т.п.) [165, с. 48]. Итак, не бытие, не внутренняя духовная жизнь и самосовершенствование, а направленность на обладание вещами внешними, стремление к господству над ними, направленность на внешний мир.

Необходимо также отметить диалогичность европейской культуры. Западный стиль – это культура слова. Как отмечает А. Уотс [159], то, что считают знанием на Западе, является конвенциональным, условным знанием, так как оно должно быть обязательно определено в словах или других знаковых системах. П. Ю. Черносвитов [173] высказывает ту же мысль, что для человека западной цивилизации понятие *знание* – это всегда вербализованная

информация, что для него не существует знания как чего-то образно-целостного, понятного без слов.

По словам А. Игнатенко [58], западная культура по преимуществу дискурсивная, в ней очевиден приоритет общего над частным, универсального над конкретным, словесного над образным. Менталитет западного человека перспективен, направлен вперед, в мир, объем слова постоянно расширяется, обогащается новыми оттенками значения. Движение от слова к образу делает эту культуру свободной и раскованной («сказку сделать былью»). Дискурс, текст, слово имеет здесь определяющее значение.

Если же обратиться к более тонким механизмам познавательных стилей, то, по мнению П. А. Флоренского [164], в западной культуре преобладает визуальное восприятие. Далее он уточняет, что католики – это люди зрительного типа, а протестанты – слухового. Говоря о зрительном восприятии, Флоренский пишет: «...В нем не участвует наша самость..., глаз – приемник чистого, объективного света ... Звук – обнаружение самости, самость бытия, страстен». Автор подчеркивает объективность зрительных впечатлений и субъективность слуховых: «Там, где наиболее возвышенным считается внешнее ..., основным в религиозной жизни провозглашается зрение. Там же, где, наоборот, наиболее оцениваются волнения человеческого духа, ... там верховенство утверждается за слухом» [Там же, с. 34].

Американская исследовательница Б. Лу Ливер [89] так характеризует западный подход к обучению: ориентация на логику и порядок, абстрактно-логическая, вербаль-

ная форма предъявления информации, последовательный способ мышления. Для западного подхода свойственно доминирование левого полушария (словесно-аудиальный стиль). П. Ю. Черносвитов пишет, что левополушарное мышление стало доминирующим на Западе, ему учат ребенка с колыбели [173]. Такое мышление создает однозначный контекст, внутренне непротиворечивые, жестко логические, отвлеченные, умозрительные модели мира. По словам В. С. Ротенберга и В. В. Аршавского, все это «уменьшает способность к принятию мира во всей его сложности и противоречивости...» [129, с. 173]. Дело в том, что, как замечает И. В. Кондаков [72], такой способ отражения мира альтернативен, он не признает амбивалентных отношений, одновременного принятия и отвержения полутонов между белым и черным, промежуточных вариантов между «да» и «нет». Подобный тип мышления является эффективным при решении конкретных научных, технических, производственных задач, но не подходит для решения большинства человеческих проблем. По мнению П. Ю. Черносвитова [173], левополушарное, линейно-логическое мышление, характерное для западной цивилизации, связано с совершенствованием технологических методов глубокой переработки природных материалов. Это привело и к развитию линейно-буквенного письма как аналитического описания актуальной ситуации [128]. По мнению П. Ю. Черносвитова, накопление в западной цивилизации индивидов с левополушарным мышлением привело даже к изменению традиционной религиозной «картины мира».

Далее Б. Лу Ливер отмечает контекст-независимость, усиление (концентрация на различиях, деталях, контрасте), дедуктивный тип мышления с практической направленностью, аналитичность, линейный тип мышления (предпочитают точные, последовательные действия, стремятся все разобрать «до косточки», характерна ясная, строгая речь), импульсивность [167, с. 258]. Западный ум – пронизателен, индивидуалистичен, интеллектуален, объективен, научен, концептуален, схематичен, организующий, стремящийся к власти, самоутверждающийся, навязывающий свою волю другим. Мир представляется западному человеку определенным и однозначным, подчиняющимся причинно-следственным связям. Для западного ума свойственны дихотомия, стремление расчленять целое на части, дробить, анализировать, упорядочивать мир изначального хаоса, властвовать над ним. Р. Стернберг и Э. Л. Григоренко [144] отмечают, что на Западе акцент делается на скорости умственной обработки информации (и эта тенденция не поддерживается другими культурами).

Переходя к общей оценке познавательного стиля западной цивилизации, примем в расчет еще ряд соображений. Е. Никольский подчеркивает [106], что эпоха Просвещения привила европейскому обществу вкус к умозрительной философии, доминирующей над чувствами (т.е. чувства подавлены). По наблюдениям О. Шпенглера, в западной научной психологии наибольшее внимание уделяется изучению мышления и ощущения. Недаром здесь значительное место занимают проблемы

когнитивного соответствия, теории «когнитивного баланса», «когнитивного диссонанса» и т.п. [145]. Итак, наиболее интересными и изученными западными психологами являются мышление и ощущение. К этим функциям добавляют еще волю – в противовес античному образу души и русскому безволию. Н. Я. Данилевский также подчеркивает это волевое начало – насильственность, энергичность западных людей, их властолюбие. Воля связана с активностью, направленной на внешний мир.

Таким образом, вопрос о ведущей установке решается однозначно – это, несомненно, экстраверсия. Как уже отмечалось, активность, воля, стремление к территориальным завоеваниям и изменению, упорядочиванию мира (от хаоса к порядку), к обладанию, а не бытию, особое внимание к устройению практической жизни в реальном мире и успехи в этом направлении – все это свидетельствует о преимущественной направленности интересов на внешний мир, т.е. экстраверсии западного человека. Таким образом, ярко выраженная экстравертная установка является важной характеристикой западного познавательного стиля. П. Я. Чаадаев о западном уме говорит, что он развивался, «раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями» [171]. О том, что экстраверсия является «стилем» Запада, писал и Юнг, отмечая, что интроверсия считается здесь в чем-то ненормальной, нездоровой, предосудительной [184].

Ведущей психологической функцией в западном познавательном стиле является ощущение. Экстравертное

ощущение, по мысли К. Юнга, проявляется как крайний реализм, дифференцированное отражение конкретной действительности, причем отражение аналитическое, дробное, при котором четко выделяются отдельные детали и части (отсюда – элементы, атомизм, разъединенность). Преобладание ощущающей функции воспринимается как разумность, опора на факты и понятия. Ощущающая функция, в отличие от интуитивной, дает точную картину действительности, без амбивалентности, полутонов, промежуточных вариантов. При этом за видимой картиной нет глубинного пласта, схватывания сути, сущности явления. И если последнее (как результат работы интуиции) было бы нелегко отразить в словах, то описать картину, созданную ощущающей функцией, не составляет особого труда: называние, перечисление, связывание отдельных частей образа, тех или иных фактов, отношений между ними, т.е. «внешних познаний». Таким образом, в отличие от интуиции или чувства, продукты ощущения, как и мышления, хорошо укладываются в словесную оболочку, характеризуются вербальностью. При этом, как уже отмечалось, это ясная, четкая, строгая речь, поскольку только такая речь может соответствовать преобладанию ощущающей функции.

Ощущение отражает мир видимый, реальный, осязаемый. Что же касается предметов сущностных, глубинных, невидимых, – все это представляется западному человеку абстрактным, умозрительным (как и все неведомое), отражается в формально-логических, отвлеченно-умственных понятиях. Таким образом, это не очень

совершенная попытка рационального объяснения смысловых феноменов.

В качестве второй функции западного познавательного стиля чаще всего выступает мышление. По определению К. Юнга, эта функция предстает как интеллектуальная формула, в которую облачается объективная практическая реальность. Юнг подчеркивает, что при таком отражении отмирает всякая жизнь, не соответствующая формуле, что интеллектуальная установка вытесняет жизненные формы. Эти идеи хорошо согласуются с упомянутыми ранее характеристиками познавательной сферы человека Запада (отвлеченно-умственное познание, наружное сцепление понятий, форма, формула и т.д.).

Соединение ощущающей и мыслительной функций позволяет достичь еще большей четкости и тщательности проработки понятий, способности «разложить все по полочкам», выделить важные детали и логически объяснить. Поскольку такое мышление дедуктивное и имеет практическую направленность (за счет ощущающей функции), это становится прекрасной основой для развития науки, техники, технологии. Если же у некоторых европейских народов в качестве второй функции выступает чувство (ведущим все равно является ощущение), то это, с одной стороны, усиливает практическую, даже прагматическую, деловую направленность ума, с другой – облегчает процесс общения (чаще делового) за счет развития коммуникативных свойств.

Подчиненной функцией в этом познавательном стиле оказывается интуиция. Речь уже шла о скрытом под

внешней рациональностью утрированном проявлении воображения – разгоряченного, страстного, – под властью которого оказывается человек. Подчиненная интуиция не в силах выполнить свою задачу – целостного отражения сущности вещей.

Особо следует отметить современные тенденции в проявлении западного познавательного стиля. По всей видимости, культура эпохи модерна и особенно постмодерна представляет собой проявление вышедшей из-под контроля подчиненной интуитивной функции. Действительно, обращение к спиритизму, восточноазиатской мистике, вызывание состояния транса, иррациональность, абсурд, разорванное сознание, отказ от логики и разума, объективности, оценок, уход в виртуальную реальность, стремление к многозначности, полисемии в речи и т.д. есть не что иное, как проявление интуитивной функции, причем в ее слабом, подавленном, искаженном варианте. Такая ситуация не позволяет увидеть возможности и смыслы, глубинную сущность явлений, как это бывает при ведущем положением интуиции в познавательном стиле. Вместо этого происходит отрыв от реальности, отказ от разума и здравого смысла.

Итак, познавательный стиль западной цивилизации представлен экстравертной ощущающей функцией и в меньшей степени – мыслительной.

II. 5. Менталитет и познавательные стили западных народов

Немцы

Немецкий менталитет

Германия прошла своеобразный путь развития в сравнении с другими европейскими странами. На формирование немецкого менталитета повлияло то, что на ее территории длительно существовали раздробленные малые государства, а единая страна образовалась довольно поздно (70-е годы XIX века). Германия принимала активное участие в двух мировых войнах [19]. По мнению специалистов, это скорее северная страна, чем южная, таким образом, немцы гораздо более похожи на скандинавов, чем на южные народы Европы. В. А. Сухарев и М. В. Сухарев [150] отмечают, что немецкий народ происходит от потомков различных германских, славянских, кельтских племен с примесью литовцев на северо-востоке, а также поляков, датчан и многих более поздних пришельцев – евреев, французов и др.

Вл. Соловьев пишет, что больше всего немцы ценят в своей стране *die deutsch Treue* – немецкую верность [143]. Н. А. Бердяев называет немцев мужественной расой, говорит об их организованной энергии и напряженной активности. «Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы» [11, с. 328]. Пространство в немецком

менталитете воспринимается как малое, узкое и тесное, как закрытое. По мнению Бердяева, немцу чужда и противна славянская безбрежность, русскому же противен германский пафос мещанского устройства жизни. Для немца характерно жесткое планирование и строгое следование своему плану, диктат времени, высокий темп жизни, четкое разграничение различных сфер жизни во времени [19].

Философ И. Кант [27] также утверждает, что немец любит порядок (и это главная его черта) и следует правилам; будучи сам дисциплинированным, он приучает к этому и своих детей. Он охотно подчиняется даже деспотической власти, и в этом плане – терпеливее всех цивилизованных народов. Он далек от жажды перемен и противодействия существующему порядку. Кант называет также «страсть к методичности» и вместо равенства – стремление к классификации людей по ступеням почестей и рангов, что составляет «целую лестницу, на которой каждая ступень отличается особой степенью уважения».

Германский дух – это воплощенная германская воля. Немец – волюнтарист и идеалист (вся германская философия имеет идеалистическое направление). «Вначале был волевой акт, акт немца, вызвавший к бытию весь мир из глубины своего духа. Все рождается из тьмы, из хаоса бесформенных переживаний через акт воли, через акт мысли Все должно пройти через немецкую активность и организацию», – пишет Н. А. Бердяев. И далее: «Где коснулась бытия рука германца, там все должно быть рационализировано и организовано». Немцу

свойственны непомерные притязания, склонность к насилию над бытием. Важны не тайны бытия, но долг, долженствование. «Другие народы ощущает он как беспорядок, хаос, тьму. И только самого себя ощущает немец как единственный источник порядка, организованности и света, культуры для этих несчастных народов», – замечает философ [11, с. 416, 417]. Характеризуя германский дух, автор говорит, что он является великим и глубоким, но, ограниченным и отмеренным. И вот важная мысль о религии немцев: «В этой германской религии нет покаяния и нет жертвы. Германец менее всего способен к покаянию. И он может быть добродетельным, нравственным, совершенным, честным, но почти не может быть святым» [Там же, с. 420]. А. С. Хомяков в своей работе приводит выдержку из письма немецкого протестанта Неандера, который утверждает, что истинная вера может быть только субъективной. Это, по сути дела, говорит об отсутствии религиозного чувства. Согласно такой религии, германский народ призван утверждать европейскую духовную культуру «кровью и железом» [169]. По мысли Н. А. Бердяева [10], германская идея есть идея господства, преобладания, могущества.

Похожую мысль высказывает Г. Гачев [24] о том, что в Германии, как нигде больше, развита идея творческого зла. Это прослеживается в творчестве Гете, трудах великих немецких философов (И. Канта, Г. Гегеля и др.) В Германии началась Реформация, что опять же свидетельствует о критичности немецкого духа. И все это

сочетается с уважением к порядку, педантизмом, методичностью.

Г.Д. Гачев отмечает также, что в Германии вертикальное измерение преобладает над горизонтальным («из Глуби в Высь») – это восходящий тип мелодики, готическая архитектура со шпилями, «которые словно стремятся проткнуть небо» [24, с. 125].

Германцы правило считают важнее человека, при нарушении правила даже по мелочам человека сразу же исправляют. У немцев сохранилось традиционное понимание половых ролей, эмансипация не укоренилась.

По данным А.П. Садохина [135], для современного немца главными ценностями являются личное «я» и личное благополучие. Этим определяется их отношение к общественной и политической жизни, родственникам, друзьям, семье. На дружбу смотрят как на выгоду.

На формирование национального образа мира и менталитета немцев повлияли наличие мощной философской традиции в культуре, философичность литературы. Современные исследования показывают, что в качестве наиболее волнующих вопросов, выявленных при анализе немецких пьес, оказались исторические, идеологические, социальные и философские проблемы [198]. Способности немцев ярко проявились также в лингвистике и сравнительной филологии, где они имеют несомненное первенство [38].

Н.Я. Данилевский отмечает значительное участие этого народа в создании искусственных систем, искусственной группировке предметов [Там же]. Также немцы

имеют несомненные достижения в инструментальной музыке (орган, клавира, фортепьяно) [24]. Германия – страна, давшая мировой культуре значительное число композиторов мирового уровня. По мнению Н. А. Бердяева [11], немца отличает музыкальная одаренность и при этом неспособность создавать красоту. Автор подчеркивает безвкусию немцев, связанное с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли. В жизни же чувства они могут быть лишь сентиментальными. Г. Д. Гачев также полагает, что сентиментальность характерна для этого народа.

Таким образом, для немецкого менталитета свойственно критическое отношение к религиозным учениям, активное участие в движении Реформации, следствием чего стало распространение протестантизма, повышенное внимание к изучению метафизического зла.

Главные ценности немцев – личное «я», четкое отделение частной жизни от общественной, благополучие, иерархия, порядок, благосостояние. Высоко ценятся время, власть, воля, материальная выгода. Немцы гордятся своей верностью стране, семье. Способности наиболее проявляются в сфере философии, музыки, языкознания.

Немецкий характер имеет свои особенности. По мнению Г. Гачева, немцы склонны к гордыне, высокомерию. В. А. Сухарев, М. В. Сухарев [150] выделяют в немцах честность, домовитость, а также прилежание, чистоплотность, бережливость. По темпераменту немцев можно отнести к флегматикам. Им присущи холодная рассудительность и выдержка в преследовании целей, а также

способность переносить связанные с этим трудности. В обиходе их отличает скромность. Они старательны и добросовестны в работе. Трудолюбие – одна из важнейших черт немецкого национального характера, они трудятся размеренно, экономно, у них все рассчитано и предусмотрено. Немцы молчаливы, степенны. Авторы называют также такие черты, как грубоватость, неумение держать себя в обществе, манеру говорить громко, крикливо. Однако они готовы помочь человеку в затруднительном положении.

Наиболее выраженные черты немецкой нации – упорядоченность, старательность в работе, аккуратность, пунктуальность, педантизм, дисциплинированность. Здесь немцы нередко доходят до чрезмерности. Педантичное пристрастие к внешнему порядку, чрезмерная забота о мелочах приводят к шаблону. Возможно, причиной всего этого является централизация страны, жесткий режим правления и строгая регламентация всех сторон жизни в государстве на протяжении длительного исторического периода.

Как уже говорилось, в психологии немцев достаточно много черт, объединяющих их со скандинавскими народами и с англичанами. Они менее эмоциональны, чем южные народы Европы, например, испанцы, итальянцы, греки, более закрыты и осторожны в своих контактах. Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова, R. Markovski [31, 197] считают, что немцев отличают закрытость и робость по отношению к «чужим»; тонкая дифференциация степени знакомства; незначительный интерес к заключению новых

знакомств, скрытность и замкнутость, почтение и робость по отношению к авторитету, уважение к личной сфере другого.

К основным чертам немецкого *характера* можно отнести самодисциплину, уважение к порядку, ответственность, организованность, упорядоченность, методичность, умение планировать, педантизм, волю, активность, честность, чистоплотность, аккуратность. Темперамент – флегматический. Для немцев характерны такие качества, как рассудительность, замкнутость, слабая эмоциональность, сентиментальность.

Познавательный стиль немцев

Далее обратимся к характеристике когнитивной сферы. Итак, воля и мысль стоят в центре немецкой души. Немецкий разум устремлен к познанию причин вещей, происхождению явлений, а также их структуры. А. С. Хомяков подчеркивает, что Германия довела себя до состояния чисто аналитической машины, утратившей всякое живое сознание фактов. С точки зрения немца, «односторонняя сила строгого логического процесса может не только доискаться до всякой живой истины, но и воссоздать ее» [169, с. 193]. Н. Я. Данилевский замечает, что «такое направление ума, которым немцы особенно отличаются, вовсе не благоприятно для схватывания и оценивания признаков, предметов и явлений без предвзятой идеи» [38, с. 156]. В работе В. А. Сухарева и М. В. Сухарева [150] говорится, что немцы характеризуются синтетическим складом ума. П. А. Флоренский

[164] отмечает, что в мышлении у них преобладает дедукция, и оно представляет собой последовательную цепь умозаключений. В. Г. Крысько [78] выделяет у немцев способность к отвлеченным построениям, глубину абстрагирования, философскую широту, умение планировать, доверие к фактам, цифровым расчетам, практические ценности.

По мнению Г. Гачева [24], ведущей модальностью ощущений у них является слух, далее следуют зрение и осязание.

Итак, в отношении когнитивных характеристик многие авторы указывают на высокое развитие ума, мыслительной функции, логики, абстрактных способностей у немцев. Говорится об аналитичности и одновременно синтетическом складе ума, дедукции, стремлении создавать искусственные системы, изучать структуру и причины явлений. Проявлением хорошо развитой мыслительной функции может быть и высокий уровень философской мысли, и успехи в лингвистике. С другой стороны, можно отметить неполноценность чувствующей функции (слабо развитая эмоциональность, сентиментальность, отсутствие вкуса, агрессивность в попытках завоевать и упорядочить мир). Таким образом, есть все основания говорить о преобладании мыслительной функции (по Юнгу) и, соответственно, о подчиненности чувствующей функции. Сильной стороной познавательного стиля немцев является также осязающая функция. О ней свидетельствуют аккуратность, пунктуальность,

забота о мелочах, способность все рассчитать и предусмотреть, все четко разграничить и т.д.

Противоречивая ситуация складывается с определением основной установки сознания. Возможно, не слишком большую общительность немцев, их медлительность и флегматичность можно расценить как темпераментальную интроверсию. Однако энергия, воля, активность немцев направлены на овладение внешним миром, на его упорядочивание и, как они полагают, выведение его из состояния хаоса. Сознание такой личности обращено более к социальным, практическим аспектам жизни, чем к воображению и внутреннему размышлению, а это уже свидетельствует об экстраверсии. Таким образом, если судить о личностных особенностях народа в целом, а не только о природных качествах, таких, как темперамент, немцы, по классификации Юнга, – экстравертный мыслительный тип с дополнительной функцией – ощущением.

Французы

Французский менталитет

Франция – самая большая страна Европы. Еще древние историки и географы отмечали необыкновенно удобное географическое положение Франции. Древнегреческий историк и географ Страбон писал, что само провидение создало здесь самое цветущее место на земле. Действительно, эта страна на протяжении многих веков привлекает весь мир своей неповторимой историей и культурой.

В конце II тысячелетия до н. э. земли Франции начали заселять племена кельтов, которые смешались с местным населением, затем римляне, говорившие на латинском языке, а еще позже – германские племена – вестготы, бургунды, франки. Латынь легла в основу французского языка. Во второй половине XVI столетия во Франции происходили религиозные войны между католиками и протестантами. В 1789–1794 гг., произошла Великая французская революция. Начало XIX века ознаменовано наполеоновскими войнами, далее в течение этого столетия случились ещё три революции (в 1830, 1848 и 1871 гг.).

В.С. Соловьев писал, что французы называют свою страну прекрасной Францией [143, с 152]. Прекрасная, пленительная, великолепная – так обычно характеризуют эту страну. В противовес этому, А.С. Хомяков [169] говорил о вечно актерствующей Франции. По мнению Н. А. Бердяева, для жителей Парижа характерны исключительное остроумие, «шипучесть и искристость», легкость. Француз способен умереть с остротой на устах. «Свободная игра человеческих сил, свободная от всякой святости, привела к закрепощенному царству мещанства», – пишет Н. А. Бердяев. И далее: «Французы устали от катастроф ... и захотели спокойной, довольной жизни, замкнутого в себе мещанства, закрытого для всякого духовного движения. Париж любят называть новым Вавилоном, городом разврата» [11, с. 405, 406]. Автор упоминает характерные для парижан погоню за наживой, жизненным успехом, культ богатства, презрение к бедности, скудость, мещанский страх перед необеспе-

ченным и неблагоустроенным положением. Н. А. Бердяев отмечает, что эта страна совсем не легкомысленна в земных делах, что она возвела личный и семейный эгоизм в добродетель.

Английский дипломат Г. Николсон писал: «...Средний француз так уверен в своем интеллектуальном превосходстве, так убежден в преимуществах своей культуры, что часто ему трудно скрыть свое раздражение «варварами», населяющими другие страны ...» [150, с. 192]. Н. А. Бердяева также поражают отсутствие у французов интереса к чужим культурам и способности их понять, вера в универсальность своей культуры [9]. Д. А. Хомяков [170] отмечает узость французской замкнутости на себе. Он пишет, что французская культура – наиболее легкая, изящная и бессодержательная, состоящая исключительно в форме.

Француз слишком утопает в радостях жизни и социальных битвах. Известно также, что Франция является законодателем мод, вкусов западной цивилизации. Честолюбие, любовь к жизни и земным благам отмечает у французов В. Г. Крысько [78].

Говоря о *характере* французов, В. М. Сухарев и А. В. Сухарев [150] перечисляют ряд отрицательных качеств: эгоцентризм, тенденцию высмеивать негативные черты других народов, самодовольство, болтливость, холодность, упрямство, агрессивность, иногда – неискренность, двуличие, напыщенность, наглость и поверхностность, скептичность и расчетливость. К положительным

чертам они относят ум, приветливость, энергичность, восторженность, доверчивость, великодушие.

Авторы обращают внимание на то, что французы отличаются наибольшим вкусом в общении, представляя собой образец для всех других народов. Они вежливы, услужливы, благожелательны, галантны, готовы прийти на помощь. Но, несмотря на общительность, даже самому близкому человеку не станут изливать душу. Независимость и достоинство личности нередко покупаются ими ценой душевного одиночества. Социальной броней, надежно ограждающей француза от непрошеного вторжения извне в сферу его личной жизни, веками являлись суровые правила вежливости: она может быть не только знаком любезности, но и способом держать посторонних на определенной дистанции. Н. А. Бердяев пишет: « Французы не ходят просто и легко друг к другу Из всех народов французы более всего затруднены в своих отношениях к ближнему, в общении с ним, это результат французского индивидуализма». Автор подчеркивает, что у французов нет общения в том смысле, как его понимают русские. Это общение на дистанции, в нем почти нет соприкосновения душ. И далее: «Слово “индивидуализм” ... может более всего применимо именно к французам. Французские усадьбы обведены высокой и совершенно закрытой оградой с надписью В общении есть большая условность, условная вежливость и любезность» [10, с. 502, 533].

Кроме того, французы суетны, предпочитают внешний блеск солидным качествам, приятное – полезному,

ум – рассудку, способны увлекаться всяким новым предприятием и так же быстро к нему охладевать, легко переходя из одной крайности в другую. Все же они менее эмоциональны, чем экспансивные итальянцы. Французы находчивы, хитроумны. В другой стране легко усваивают чужую жизнь и чужие нравы. И. Кант писал, что «француз учтив, вежлив, любезен, склонен к шутке и непринужден в общении, но очень быстро становится фамильярным» [Цит. по 150, с. 192]. О. Бальзак называет Францию страной насмешек. Действительно, там не прощают ложного шага, глупой фразы, нелепого жеста, правда, если речь идет не о себе, а о других. А.П. Садохин также пишет о стремлении французов показать тонкость ума в ярких, смешных, язвительных оценках событий [135].

Насмешливость французов – всего лишь своеобразная реакция самозащиты. Во Франции, где очень любят и умеют блеснуть словом, считают, что молчаливый человек социально убивает себя. Разговор у французов носит непринужденный характер и идет с исключительной быстротой. Скорость речи у них – одна из самых больших в мире. Этому народу присущ живой темперамент.

В повседневной жизни французы могут быть недоверчивыми, расчетливыми, мелочными, но, увлеченные революционной идеей, готовы пожертвовать очень многим, вплоть до своей жизни. А вообще – это народ довольно рационалистический и не особенно сентиментальный. Ценят в детях не по возрасту раннее проявление способности рассуждать «как взрослый». Стараются проявлять в отношении своих детей разумную сдержанность.

Во Франции дети, громко плачущие в общественных местах, – большая редкость [150].

Интересно замечание Н.А. Бердяева об эмоциональности этого народа: «Французы любят говорить комплименты, и очень трудно различить их настоящие чувства. У них совсем нет русской душевности. Преобладают интеллектуальность и чувственность, слабы сердечность и душевность». Вместе с тем у французов есть уважение к личности другого, нежелание вторгаться в ее внутреннюю жизнь. Дистанция определяется охранением индивидуальности своей и индивидуальности другого. Есть уважение к мысли. От анализа вашей мысли не переходят к анализу вашей личности [10, с. 624].

По словам Г.Д. Гачева [24], для француза существовать – значит существовать в глазах соседа; очень важно впечатление, производимое на ближнего. Французы склонны к тщеславию – такой человек выбивается из сил, чтобы его полюбили и почитали люди, он обращен к ним, зависит от них и в их зеркале видит подтверждение своему существованию.

А.П. Садохин [135] называет чувствительность, легкую эмоциональную возбудимость главными характеристиками французского национального темперамента. Французы – сангвиники. По силе и скорости возбудимости они – полная противоположность флегматичным, сдержанным англичанам. Подвижный темперамент определяет их склад ума, волю, моторику. Вследствие постоянной смены эмоций внешнее проявление чувств воспринимается со стороны как искаженное эго, т.е. как

каприз. Это проявляется и в преувеличенном выражении чувств. Возможны контрасты – доводят храбрость до дерзости, любовь к свободе – до неповиновения. Более руководствуются чувствами, чем разумом; логика у них всегда к услугам страсти; порывистая воля, быстрый, решительный ум. Э. А. Саракуев, В. Г. Крысько [136] приводят мнение Энгельса о том, что у французов быстро пропадает энергичный дух, снижается активность, особенно если действия не приносят желаемого успеха.

Таким образом, приоритетами, *ценностями* французского менталитета являются атеизм, свобода от веры, святости, религии («новый Вавилон»). Здесь явно преобладают ценности спокойной жизни, полной удовольствия, культ успеха, богатства, ориентация на земные блага.

Наиболее выраженными чертами *характера* могут считаться остроумие и даже насмешливость, самодовольство и эгоизм, неискренность, двуличие (даже актерство), напыщенность и холодность, отсутствие душевности (закрытость души), крайний индивидуализм и рационализм, расчетливость, энергичность, тщеславие (не быть, а казаться, производить впечатление), легкость общения, галантность, вежливость, художественный вкус.

Типичный тип темперамента французов – сангвинический, т.е. живой, увлекающийся, подвижный, с легкой сменой эмоций, принятием решений, быстрым умом.

Познавательный стиль французов

Обратимся далее к характеристике языка этого народа. Французский язык отличается от других языков

живостью и позволяет выражать свое отношение к обсуждаемому вопросу в достаточно изящной, обтекаемой форме, чтобы не задеть чувств собеседника, или, наоборот, язвительно уколоть, не создавая впечатления грубости. Специфической особенностью французского красноречия является не только слабость к красивой фразе, но и склонность к преувеличению, ярким эпитетам, броским сравнениям, превосходным степеням, за что их нередко упрекают в напыщенности и позерстве. Слово у французов не только предшествует делу и обязательно сопровождает его, но иной раз даже заменяет.

Любопытны мысли А.С. Хомякова об этом языке: «... Французский язык, ... богатый для выражения мелких житейских и общественных потребностей, носит на себе характер жалкого бессилия, когда хочет выразить живое разнообразие природы. Рожденный в городских стенах, только по слухам знал он о приволье полей, о просторе божьего мира В новейшее время его стали, так сказать, вывозить за город и показывать ему села и поля, и рощи, и всю красоту поднебесную.... Но мертвому языку жизни не привьешь» [169, с. 90-91]. Итак, искусственный, мертвый язык. Однако с другой стороны, поэт А. Блок считал, что этот язык способен выразить малейшие оттенки многозначного понятия [150]. В. А. Сухарев, М. В. Сухарев пишут: «От латыни французский язык унаследовал кристально ясную, не допускающую кривотолков логику грамматических построений с огромным запасом синонимов, каждый из которых несет вполне определенную смысловую и эмоциональную нагрузку» [150, с. 193].

Таким образом, французский язык, основанный на латыни, с его точностью, дифференцированностью понятий и деталей, жесткой логикой прекрасно подходит для практически – деловой и научной сферы.

Когнитивные особенности французов также имеют свою специфику. Среди талантов, присущих данному народу, Данилевский отмечает способности к естественным наукам, в частности, к чистой и прикладной математике, говоря, что здесь первое место явно принадлежит французам (взять хотя бы таких ученых, как Паскаль, Декарт, Лаплас, Коши и т. д.). Они «имеют более отверстый ум для непосредственного восприятия внешних впечатлений», – пишет Данилевский [38, с. 156]. Г. Д. Гачев [24] указывает, что мышление французов не абстрактное, но ориентированное на конкретную цель (ссылаясь на французские социологические теории, «французский социализм» и т.д.). А. С. Хомяков также полагает, что для них недоступна отвлеченная истина, при этом обнаруживает формализм и верхоглядство французского ума, пытающегося понять тайны жизни, общества и мира [169].

Английский дипломат Г. Николсон писал: «Французы соединяют тонкость наблюдений с особым даром ясной убедительности ... Их восхитительная интеллектуальная целостность дает им повод считать неискренними все путанные высказывания менее ясных умов» [Цит. по 150, с. 192]. По мнению Г. Д. Гачева, французский ум, когда что-то утверждает, тут же начинает двигаться в противоположную сторону. Это производит впечатление разви-

тия, но в сущности это статика, равновесие, параллелизм [24]. П. А. Флоренский, как и в отношении немцев, упоминает о присущей этому уму склонности к дедукции и последовательной цепи умозаключений [164]. Несколько иначе о познавательных особенностях французов пишет А. П. Садохин, полагая, что народ этот отличается аналитическим умом, богатством воображения, настойчивой пытливостью и смелостью в познании жизни. Из-за подвижного темперамента они стремятся быстрее достигнуть цели, и, доверяя интуиции, принимают решения слишком быстро – заниматься рациональной оценкой действий для них представляется слишком утомительным. Для французов идеи предпочтительнее фактов [135].

Ведущим каналом информации для них, по мнению Г. Д. Гачева, является осязание, т.е. – это, скорее, кинестетический тип. Далее идут вкус и обоняние. На пристрастие французов к запахам указывают и другие авторы [31], зрение и слух оказываются менее значимыми.

Переводя все вышеизложенное в юнговские термины и понятия, отметим как бесспорный факт явную экстравертированную установку в познавательном стиле французов. Об этом свидетельствуют ориентация на успех в обществе, негативное отношение к молчащему человеку (интроверту), быстрота и подвижность психической деятельности, преобладание кинестетических ощущений (поиск ощущений, присущий именно экстраверту, проявляется прежде всего в отношении именно кинестезии, ощущений движения).

Ведущей функцией в познавательном стиле французов является ощущение, причем это ярко экстравертное ощущение, направленное на внешний мир, внешние впечатления, позволяющее быть законодателем в моде, являющееся основой исключительного художественного вкуса. Об этом же свидетельствуют тонкая наблюдательность, мелочность, расчетливость, чувственность, а также отсутствие глубокого содержания во многих произведениях культуры, облаченных в легкую и изящную форму. Развитое ощущение придает четкость, ясность и рационализм уму и французскому языку.

Вспомогательными функциями в стиле этого народа можно считать, как достаточно развитое мышление, так и дифференцированное чувство. Немало наблюдений обнаруживают интеллектуальность французов, развитый, довольно скептический ум. Как уже отмечалось, народ этот проявляет недюжинные способности к естественным наукам и математике. Мышление их последовательно, логично, дифференцировано, однако конкретно, направлено чаще на практические цели. Его отличает целостность и формализм, верхоглядство («формальное сцепление понятий»).

Французы оказываются способными управлять и чувствующей функцией. Проявляется это в отсутствии сентиментальности, актерстве, умении общаться – быть вежливыми и галантными и при этом сохранять дистанцию в общении, в наличии вкуса к общению. Таким образом, незадействованной остается лишь одна функция – это подавленная интуиция, которая проявляет-

ся в почти полном отсутствии религиозности, духовности, понимания смыслов и обращенности исключительно к «сокровищам на земле». Итак, французы – это эстравертно-ощущающий тип с дополнительными функциями в виде мышления и чувства.

Англичане

Английский менталитет

Великобритания – островное государство на северо-западе Европы, родина многих выдающихся исторических персонажей, страна удивительной красоты с замечательным историческим наследием, культурой и традициями. Менталитет ее населения во многом определяется тем, что это государство с конституционной монархией, и главой его является королева. Страна имеет целый ряд зависимых территорий. Примерно 78% населения считают себя англичанами, остальные 22% представлены шотландцами, валлийцами (уэльсцами) и ирландцами; также в стране проживает большое количество выходцев из стран Центральной и Юго-Восточной Азии.

Англичане – продукт смешения многих этнических групп – древнейшего иберийского населения с народами индоевропейского происхождения: племен кельтов, германских племен, англоv, саксов, фризов, ютов, в некоторой степени – скандинавов, а впоследствии и франконорманнов. Предки англичан были не очень требовательными к жизненным условиям, комфорту. Позже этот же тип людей отважился переселиться в Америку. По словам Г. Д. Гачева [24], Англия содержит в себе результаты

исторического развития Старого Света и семена будущей американской цивилизации.

В.В. Овчинников подчеркивает, что в английской душе заложено кельтское начало, проявляющееся в тенденции ставить интуицию выше разума, отсутствии четкой грани между сознательным и бессознательным. «Представление об англичанах лишь как о людях рассудочных, прозаических, холодных неполно и неверно хотя бы потому, что в каждом из них сидит что-то от кельта», – так характеризует особенности этого народа автор [112, с.233]. В IV – VII вв. германские племена англосаксов, готов, саксов поселились в этом островном государстве. На кельтский фундамент легла англо-саксонская надстройка. В. В. Овчинников пишет, что в противоположность фантазерам и мечтателям кельтам, они отличались трезвым, практическим умом. От крестьянской природы саксов в английском характере происходит склонность ко всему естественному, простому и нелюбовь к искусственному, показному, вычурному, тенденция ставить материальную сторону жизни выше духовных ценностей, приверженность традициям, пристрастие к домашнему очагу как символу личной независимости.

От скандинавских викингов, которые были профессиональными мореходами, у англичан появилась страсть к приключениям. Что же касается норманнов, они были людьми действия и считали одной из главных добродетелей способность держать свои чувства в узде.

Итак, в английском характере соединились англосаксонская практичность с кельтской мечтательностью, пиратская храбрость викингов с дисциплиной норманнов.

В.В. Овчинников характеризует англичан как материалистичный народ, но давший миру много мистиков, поэтов, идеалистов. Английские пуритане отделились от римской католической церкви и разделились на множество сект. В результате изменилась трактовка христианства. По мнению Г. Гачева, это проявилось в сдвиге от Нового Завета в сторону Ветхого Завета: «На первый план выдвигается Бог не как Отец, а как Творец, а также ипостась Святого Духа, который нисходит на верующих (как в Пятидесятнице) и изливает на них дар пророчества, так что напрямую и без посредства пресвитеров каждый англичанин сам общается с Богом» [24, с.164]. Это и стало основой для создания множества собственных религиозных толков и сект.

По характеристике А.С. Хомякова, английский народ любит природу, зелень, лес, он – «страстный любитель древесных теней». И деревья «полюбили его, разрослись у него великолепными парками и рощами...» [169, с. 181].

Американец Н.S. Commager [190] отмечает, что англичане – неутомимые мореплаватели и землепроходцы, а также страстные садоводы, исключительно любознательный народ.

Менталитет англичан основан на традициях, определяющих нормы общения с людьми и особенности домашней жизни. Так, например, гостей необходимо приглашать только заблаговременно (обычно за две-три

недели) и на определенный час. Являться к знакомым запросто без приглашения, или известив их перед приходом по телефону, здесь не принято.

Дом для них – поистине центр существования. Англичанам присущи спартанские нравы, отсутствие излишества. В отличие от американцев, они не склонны отказываться от любимого досуга ради дополнительного заработка. Общий ритм жизни неторопливый. Любят собак и кошек, которые являются эмоциональным громом отводом и явно занимают более высокое положение, чем дети. Детей же воспитывают строго, подавляют открытые проявления любви и нежности. Излюбленной фразой в отношении ребенка являются слова: «Возьми себя в руки!». Сдержанность вообще характерна для внутрисемейной обстановки как самооборона от излишней фамильярности. Подавляются как чрезмерные проявления симпатий, так и знаки раздражения, гнева, обиды. Вообще преобладает сугубо практический подход к морально-этическим проблемам. Американец Price Collier [189] отмечает, что сыну в английской семье отдается предпочтение перед дочерью. Детей стараются отдавать в образовательные учреждения, в которых созданы спартанские условия жизни: считается, что холод и голод воспитывают твердость духа, выносливость, самообладание и другие ценные черты характера. Чем респектабельнее и, стало быть, дороже школа, тем более суровые условия существуют там для воспитанников. Другим принципом является система старшинства, т.е. внутрен-

няя субординация в учебном заведении. Так же и в семье – отец является властелином и главой семейства.

По мнению Walter Henry Nelson [200], англичане с уважением относятся к чужим женам, не склонны флиртовать с ними, т.к. это противоречит правилам поведения. Anthony Glyn [193] пишет, что британцы, наверное, самый одинокий народ в мире: многие из них живут в одиночестве, другие одиноки эмоционально или духовно.

Важной чертой английской ментальности является предпочтение естественного перед искусственным, природе ставят выше искусства, полагают, что надо меньше вмешиваться в естественный ход вещей [112]. Такие особенности роднят английский менталитет с восточным. Сходство проявляется также в том, что англичане исключительно высоко ставят традиции, преемственность, ценят старину. А. П. Садохин констатирует, что традиции в Англии превращены в фетиш [135]. Символ Англии, по мнению В. В. Овчинникова, – это вековой дуб.

Но есть и кардинальные отличия, специфические тенденции западного мировидения. Так, В. А. Сухарев и М. В. Сухарев приходят к выводу, что деньги – кумир англичанина, что его первая забота – нажить как можно больше, однако при этом он не скуп. По данным М. А. Кулинич [79], основные английские ценности выглядят так: любовь к традициям, иерархия, право наследования, сотрудничество, соблюдение условностей, уклончивость, соблюдение ритуалов, стремление спасти «лицо».

Интересное добавление к вышесказанному составляют впечатления философа Г. Гачева, предложившего

для характеристики английского менталитета термин «само-сделанный человек» (self-made man), джентльмен, т.е. англичанин сам себя формирует, воспитывает и гордится этим. По словам Г. Гачева, эта страна чувствует себя центром планеты (ведь даже нулевой меридиан проходит здесь, в Гринвиче). Для английской ментальности характерны плюрализм и терпимость. Чтобы стало возможным равноправное существование различных идей и принципов, они должны были уменьшить свою силу и глубину. Господствующими тенденциями здесь являются прагматизм, утилитаризм, принцип «время = деньги». С другой стороны, сохранились и прежние принципы: монархия, аристократия, театр. Г. Гачев подчеркивает многослойность культуры этой страны, включающей разные стили жизни, идеи и нравы. С одной стороны, сдержанный джентльмен, с другой – моряк, открытый всем впечатлениям; с третьей – Робинзон Крузо, строящий «самосделанный» мир [24].

Описывая английский *характер*, Н.С. Commager [190] называет такие черты англичан, как законопослушность (при этом любят читать о преступлениях и насилиях), конформизм и в то же время индивидуализм, а также эксцентризм.

По словам В.В. Овчинникова, англичане не очень общительны: «Кажется, вместо человеческих лиц к тебе повернуты спины» [112, с.18], и разговаривают они приглушенным, усталым голосом. Находясь на людях, британец способен мысленно изолировать себя от окружающих, как бы отстаивает свое право на одиночество

среди других людей. С ними трудно разговаривать на улице; они закрываются от посторонних взоров, их жизнь соответствует поговорке «мой дом – моя крепость». Они сопротивляются любой попытке посягнуть на их независимость. Также они придерживаются правила «не быть личным», то есть не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии. Для англичан характерна сдержанность, склонность к недосказанности, преобладает мораль «Не лезь в чужие дела».

Н.М.Карамзин, характеризуя этот народ, говорит: «Англичане честны, у них есть нравы, семейная жизнь, союз родства и дружбы ... Их слово, приязнь, знакомство надежны: действие, может быть, их общего духа торговли, которая приучает людей уважать и хранить доверенность со всеми ее оттенками. Но строгая честность не мешает им быть тонкими эгоистами Все продумано, все разочтено, и последнее следствие есть... личная выгода» [62, с. 592]. Таким образом, нормы поведения для них – это своего рода правила честной игры, важнейший нравственный принцип, мерило порядочности (идущие от средневекового рыцарства), аналогичные спортивной этике.

Вообще спорт, игры, состязания в Англии, как известно, ценятся необычайно. По наблюдениям Н. Я. Данилевского, важной частью жизни и условием формирования личности и индивидуальности англичанина является свободное соперничество и борьба с самыми различными препятствиями. Если же их нет, он создает их искусственно в виде спорта: «Он бегает, плавает, катается на

лодках взапуски, боксирует один на один – не массами, как любят драться на кулачки наши русские ...», – пишет Н.Я. Данилевский. Автор отмечает, что борьба происходит у англичан и в общественных учреждениях – в суде, в парламенте. «Всякую забаву англичане приправляют посредством пари, которое есть форма борьбы мнений Итак, борьба и соперничество составляют основу английского народного характера ... », – заключает свою мысль философ [38, с. 139 – 140]. Интерес к борьбе и состязаниям проявляются даже в сфере научных исследований. Н. Я. Данилевский называет имена трех знаменитых английских ученых, создавших свои теории на основе этого свойства национального характера: Т. Гоббс – политическая теория образования человеческих обществ на начале всеобщей борьбы; Адам Смит – экономическая теория свободного соперничества между производителями и потребителями; Ч. Дарвин – теория борьбы за существование.

По словам В.В. Овчинникова, англичанам присущи сдержанность как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения; склонность избегать категоричных утверждений или отрицаний, выражаясь иносказательно, тяга к оборотам вроде «мне кажется», «я думаю»; уход от определенности и прямолинейности; боязнь вызвать столкновение мнений. Для их речи характерны: подтекст, намеки, недомолвки. «Англичане склонны к недосказанности. Не только преувеличение, но даже определенность пугает их, как окончательный приговор, который нельзя оспаривать, не

оскорбляя кого-нибудь или не ущемляя собственного достоинства», – пишет автор. Он подчеркивает, что у англичанина эмоциональная, восприимчивая натура. В характере этих людей преобладает репрессивность, то есть самоконтроль (способность владеть собой и реализовывать предписанное поведение). Человек ценится по тому, может ли он «держать себя в руках», «сохранять “жесткую верхнюю губу”», то есть оставаться невозмутимым в любых кризисных ситуациях, сохранять чувство юмора в трудные минуты. К этому ребенка приучают с детства. Важно отметить, что все это не было свойственно англичанам до XIX века. В «веселой старой Англии» (merry old England) люди отличались буйным, вспыльчивым нравом, вызывающим поведением, для которого не было моральных запретов, для них «излюбленным зрелищем были публичные казни и порки розгами, медвежьи и петушинные бои; где даже юмор был замешан на жестокости» [112, с 152]. Таким образом, англичанин вынужден вести постоянную борьбу с самим собой, с естественными страстями своего темперамента, что, конечно же, требует много сил. Достаточно понаблюдать за английской толпой на народном празднике, на спортивном стадионе, чтобы почувствовать, как национальный темперамент вырывается из-под узды самоконтроля.

Очень колоритной является точка зрения Карамзина, который пишет: «Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает,

не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений» [62, с.590]. Oscar Schmitz объясняет все эти особенности недостатком воображения и холодностью англичан, говоря, что по сути их самоконтролю нечего и контролировать [204].

Анализируя английский характер, В.В. Овчинников выделяет в нем консерватизм, недоверие к новшествам и крайностям, а также практичность.

По наблюдениям А.С. Хомякова, в Великобритании очень ценятся чистота, опрятность. С позиции этого выдающегося философа, очень важна также простота в поведении и речи англичан, что кардинально отличает их от «вечно актерствующих» французов: все делается не для показа, а естественным образом [169]. А. П. Садохин [135] высказывает сходные мысли, говоря об отсутствии демонстративности у англичан.

Противоречивость английского характера тонко подметил Д. А. Хомяков, сравнивая Англию с двуликим Янусом. Автор обнаруживает у нее лицо и изнанку и полагает, что изнанка, т.е. ее сущность, лучше ее лица – чисто внешних проявлений [170]. А. С. Хомяков видит в Англии, в ее истории – мертвый формализм, холодный расчет, значимость факта, тогда как во внутреннем плане – это страна, полная духовной жизни, разума и любви.

Несмотря на все перечисленное, многие исследователи подчеркивают цельность английского характера. В. Г. Крысько называет следующие его черты: практицизм,

расчетливость, предприимчивость, надменность и высокомерие [78].

По темпераменту англичанин – флегматик, ему присущи хладнокровие, невозмутимое спокойствие и выдержка [150]. По мнению Г. Гачева, здесь присутствует некая смесь флегматического и меланхолического типов. А. П. Садохин [135] утверждает, что у англичан имеется хорошо выработанный механизм торможения эмоций.

Итак, существенной частью менталитета англичан является протестантская вера и множество отдельных религиозных сект, отвержение религиозного предания и обычай без посредников, напрямую обращаться к Богу. К основным *ценностным* предпочтениям англичан можно отнести преобладание материального над духовным, дух торговли, выгоды, прагматизм, утилитаризм. Для англичан характерны почитание традиций, существование преемственности между поколениями, любовь к природе – лесам, паркам, животным. Ценятся также богатство, деньги (существует принцип «время = деньги»), независимость и домашний очаг (мой дом – моя крепость), иерархия в общественном и семейном устройстве. Можно добавить также уважение к общественной морали, нормам поведения, а также спорт, борьба с препятствиями, самообладание.

Ведущие черты английского *характера* – это конформизм и законопослушность, а также консерватизм (предпочтение старого, традиционного), любознательность, простота и естественность в поведении, терпимость, сдержанность и самообладание, честность и надежность в

работе и жизни, расчетливость и практичность, индивидуализм, необщительность (закрытость), высокомерие. Английский темперамент преимущественно флегматический, с присущим ему хладнокровием, спокойствием, выдержкой.

Познавательный стиль англичан

Рассмотрим когнитивные особенности данного этноса. Начнем со способностей. Английская музыка, живопись, философия много теряют в сравнении с искусством и достижениями мыслителей других европейских стран. А. С. Хомяков констатирует, что из всей Европы «Англия наименее развила в себе философский анализ. Она умеет выразиться целою жизнью своею, делами и художественным словом, но она не умеет отдать отчет о себе ...» [169, с. 172]. Однако английский театр, созданный еще во времена Шекспира, без сомнения, замечателен. Н. Я. Данилевский приходит к выводу, что первенство в Англии проявляется в практической, наблюдательной астрономии, поскольку она имеет большое значение для мореходной нации, и что любимой наукой там является геология. То есть это по преимуществу практические, эмпирические науки [38]. Впрочем, А. С. Хомяков полагает, что Англия не уступает другим странам в отдельных отраслях наук.

По мнению Г. Д. Гачева, английский язык подходит для обслуживания технической, индустриальной цивилизации. Современный английский язык из синтетического стал аналитическим. Он экономичен, функцио-

нален, оперирует со стандартными деталями и блоками значений. Итак, это язык, удобный для делового общения.

Характеризуя английский ум, П.А. Флоренский приводит мнение П. Дюгэма о том, что он «широкий и слабый», для него характерны «несвязки, противоречия, отступления», типичные для живой умственной деятельности [164, с.105-106]. Дюгэм также полагает, что для английского ума теория выступает в виде модели и строится не по правилам логики, а для воображения. Английские теории отличаются от научных построений континентальных ученых, т.к. в них «чувственно-созерцаемые модели – машины, и наглядно мыслимые математические символы». Примерно то же находит Пуанкаре в научных разработках англичанина Максвелла – не «цельное, стройное окончательное здание», а «ряд предварительных и не связанных между собой конструкций», отсутствие порядка, метода и логики, математической точности, видимые противоречия, темные места, ошибки [Там же, с.108]. Все эти особенности, по мнению П. А. Флоренского, свидетельствуют о желании англичан не объяснять мир, но лишь описывать его.

А.С. Хомяков обнаруживает у англичан неверие в человеческий ум, в строгий анализ (тем более что они более заняты хозяйством не абстрактным, а опытным), неумение отделять законов факта от его случайностей.

О туманности мышления англичан, позволяющей пренебрегать принципами, логикой, одновременно придерживаться двух противоположных мнений, пишут многие исследователи [78, 150, 164]. В.Г. Крысько

подчеркивает их нелюбовь к теории и отвлеченному знанию в связи с длительным участием в торгово-промышленной деятельности. Автор отмечает также усиление у них наглядно-действенного и образного мышления за счет абстрактного. Многие исследователи полагают, что неосязаемые категории англичанину непонятны, что ему ближе то, что он видит и ощущает, что имеет практическую значимость. Истина для них предстает лишь в конкретно выраженной форме. С этим мнением согласен и Г. Д. Гачев, утверждающий, что английский ум склоняется к принципам опыта, эксперимента, импульса, впечатления, действия. Его отличает плюрализм, множественность возможных объяснений. В. В. Овчинников также отмечает значение здравого смысла, утилитарной стороны вещей, а не теоретических обобщений, предпочтение руководства к действию, которое непосредственно бы вело к конкретному результату.

Все эти особенности признают у себя и сами англичане. Так, Джон Б. Пристли пишет: «Суть английского характера – барьер между сознательным и бессознательным в нем четко не обозначен. Англичане настороженно относятся ко всему чисто рациональному. Они отрицают всеислие логики и деспотическую власть рассудка. Они считают, что разум не должен доминировать всегда и во всем, что на каком-то смутно обозначенном рубеже он должен уступить дорогу интуиции» [Цит. по 112, с.291-292]. В. А. Пронников, И. Д. Ладанов ссылаются на то, что Энгельс отмечал у англичан практицизм, эмпиризм, формализм [125].

По поводу ведущей модальности ощущений можно отметить лишь, что англичане высшего класса избегают телесных контактов при общении [31].

Анализ литературных описаний позволяет заключить, что ведущей функцией в познавательном стиле англичан является ощущение. Об этом свидетельствуют практическая направленность, чувственный характер и эмпиризм мышления, преобладание здравого смысла и утилитарности, преимущественная опытно-хозяйственная деятельность и интерес к практическим, эмпирическим наукам и сферам деятельности (география, мореплавание, промышленность).

Второй по значимости функцией является чувство. По всей видимости, оно развито лучше, чем мышление. Об этом свидетельствуют выраженная способность управлять своей эмоциональной сферой, сдержанность, умение тормозить эмоции, лавировать, избегая категоричных утверждений и отрицаний, спокойное отношение к существованию альтернативных точек зрения. Управление чувствами очень ценится в Англии, этому учат детей с раннего возраста. Мышление у этого народа более слабое, несвязанное и противоречивое, не ориентированное на порядок и логику, туманное. Это практическое и образное мышление, не склонное к абстракциям, философскому анализу.

Подавленной функцией оказывается интуиция, которая дает о себе знать «во внутреннем плане», т.е. на уровне бессознательного, как духовность, разум, любовь, недосказанность, подтекст и мечтательность.

Англичане – интроверты по своему темпераменту, и это ярко проявляется в сфере общения (сдержанность, молчаливость, отгороженность от окружающих). Однако если обратиться к характеристикам социально-психологического, личностного уровня, то явная ориентация на внешнюю практическую деятельность, на освоение (и даже захват многих территорий – колоний), преобладание практических, прагматических ценностей мира сего свидетельствуют об экстравертированной личностной установке англичан.

Норвежцы и шведы

Шведы, норвежцы – скандинавские народы, живущие на севере Европы на полуострове. Швеция в 1523 г. освободилась из-под власти датчан, Норвегия же оставалась под властью Дании вплоть до начала XIX века. Общность исторического развития обусловила собой и единство культуры скандинавских стран. Прежде всего, это языковое родство скандинавов, что позволяет им с большей или меньшей степенью легкости понимать языки друг друга. Известный советский писатель и журналист Геннадий Фиш отмечал, что шведы – это англичане Скандинавии, датчане – французы, а норвежцы – русские Скандинавии [174].

Менталитет норвежцев

Норвежское королевство занимает западную и северную части Скандинавского полуострова.

Норвежский менталитет наполнен гордостью за свою страну. Источником особой гордости служит превращение Норвегии в нефтяную державу, вошедшую к концу XX века в число самых богатых стран мира.

Как и всем европейцам, норвежцам присуща активность в отношении внешнего мира. Норвежская культура всегда была направлена на преобразование, окультуривание внешней среды. Эта черта проявляется и в искусстве. По мнению исследователей, произведения норвежской культуры перенасыщены идеями. Особенно развито искусство орнаментации в резьбе по дереву и кости. Замечательны древние народные песни – это саги, положенные на музыку.

Семья занимает важное место в жизни этого народа. В норвежской крестьянской среде холостой мужчина обычно был объектом жалости и насмешек. Правда, крестьяне смотрели на брак с практической точки зрения, прежде всего как на хозяйственную необходимость. Норвежский социолог Э. Сундт отмечает, что многие молодые мужчины и женщины отдавали предпочтение браку с вдовами и вдовцами, считая их людьми, умудренными семейным и хозяйственным опытом. Для Норвегии характерен высокий возраст вступающих в брак и низкая рождаемость. В женщинах всегда ценились сила и самостоятельность. В XIX веке в Норвегии в крестьянской среде были широко распространены добрачные связи, и это не осуждалось обществом (в средние века у женщин, запятнавших свою честь, отстригали волосы, а девушка безукоризненного поведения носила длинные распущенные

волосы). Даже по европейским меркам норвежцы – очень раскованный народ.

Норвегию можно назвать страной «изолированных мирков» из-за труднодоступности фьордов по суше. Норвежский тип расселения – отдельный дом на собственном участке – сводит повседневное общение между соседями к минимуму. Вообще норвежцы – народ очень домашний, они любят отдыхать дома, принимать гостей, устраивать веселье, выпивки. Дом содержится в образцовом порядке.

Характер норвежцев имеет свои специфические особенности. Норвежцы стройны, сильны, мужественны, смелы. На них «лежит печать какой-то дикой энергии и патриархальности» [150, с. 288]. Предками норвежцев были норманны.

Норвежцам присуща бескорыстная готовность помочь ближнему во всяком несчастье. Из всех скандинавских народов они наиболее открыты для общения и отзывчивы. Норвежцы отличаются необычайной честностью, правдивостью и прямотушием. Они – большие патриоты своей родины. Честлюбивы, любят свободу. Очень опрятны, ценят порядок, вежливость. Норвежцев отличает яркое проявление патриотизма, возможно, в силу того, что их государство сравнительно молодое.

По сравнению с соседними народами норвежцы более независимы, индивидуалистичны и своенравны, не любят склоняться перед авторитетами. По мнению шведов, норвежцы расторопны, открыты, стоворчивы, слишком откровенны, националистически настроены. В

отношении чистоты норвежцы даже более педантичны, чем немцы. По темпераменту они флегматичны и сдержанны. Жизнь их размеренна и предсказуема, спокойна. Одна из самых тяжелых психологических проблем – одиночество. В Норвегии довольно высокий уровень самоубийств.

Составной частью менталитета является особый национальный язык. «Норвежский язык сразу же наводит на мысль о том, что Норвегия – горная страна. Когда норвежец начинает говорить, кажется, что он привык беседовать на расстоянии: он, скажем, в долине, а его собеседник – на вершине горы», – пишет Т. А. Чеснокова [174]. Отличию от других скандинавских языков норвежский обязан фонетике. Особенно замечательны в норвежском языке тонимы – звуки различной музыкальной тональности, с изменением которой меняется смысл слова. Сейчас в Норвегии официально существуют два литературных языка – один употребляется высшими слоями общества в Осло и представляет собой смешение восточного диалекта с литературным датским, другой был создан известным филологом И. А. Осеном на основе западных диалектов.

Менталитет шведов

Швеция в Скандинавии считается «старшим братом». В ней отмечается наибольшая численность населения в регионе. Типичные шведы голубоглазы, худощавы и очень высоки ростом. Они являются лютеранами, но, по замечанию С. Хантингтона [195], это самый нерелигиозный народ в Европе. Исследователи

отмечают, что у них материальные ценности преобладают над духовными. Возможно, по этой причине Швеция занимает одно из первых мест в Европе по числу самоубийств.

Главной чертой шведского *характера* является трудолюбие. Лютеранская деловая этика шведов проявляется в пунктуальности, аккуратности, серьезности, основательности, порядочности и надежности в отношениях. Шведы педантичны, рациональны, пунктуальны, обстоятельны и основательны, а также изобретательны. Они считают себя компетентными в своей деятельности. Обычно они всесторонне изучают полученные предложения и любят рассматривать все вопросы в мельчайших деталях, долго планируют каждый свой шаг, в чем проявляется нерешительность. Они очень честны и считаются наименее коррумпированным народом в мире. Датчане считают шведов скучными, слишком законопослушными и наивными, а их жизнь чересчур регламентированной. Из всех скандинавов шведы наиболее церемонны и чопорны. Они довольно осторожны в высказывании своего мнения, менее коммуникабельны и более замкнуты, чем другие европейцы. Шведы не любят говорить о себе, скрывают свои эмоции, душевные страдания, стараются избегать конфликтов. Как и у всех европейцев, у них отсутствуют умение и потребность вести задушевные разговоры. Для них характерны независимость и самодостаточность, эмоциональная холодность и уныние [145, 174].

Подводя итоги, отметим, что менталитет шведов и норвежцев сформирован под влиянием лютеранства как одной из ветвей протестантизма, что сочетается с абсо-

лютой безрелигиозностью населения. Ведущие *ценности*, характеризующие менталитет в этих странах, – свобода, независимость, индивидуализм, порядок, закон, патриотизм, семья, материальное благополучие.

Исходя из характеристики скандинавских народов, можно выделить и их основные *черты*: честность, честолюбие, аккуратность, индивидуалистичность, трудолюбие, надежность, пунктуальность, рациональность, педантичность, независимость, законопослушность, самодостаточность. Темперамент флегматический, преобладают эмоциональная холодность, скрытность.

Познавательный стиль норвежцев и шведов

В отношении познавательного стиля отметим, что низкая коммуникабельность, сдержанность и флегматичность свидетельствуют об интроверсии как свойстве темперамента. Но у скандинавских народов, как и у немцев и англичан, преобладает направленность интересов на внешний мир, ориентация на объективные обстоятельства, что может свидетельствовать о личностной экстраверсии. Ведущей функцией, как почти у всех европейцев, является ощущение (опрятность, пунктуальность, основательность, педантичность, интерес к деталям, конкретно-практический стиль мышления и т.д.), а нерелигиозность и проблемы с поиском смысла жизни, о чем говорит большой процент самоубийств (при высоком материальном благополучии) можно интерпретировать как подавленность интуитивной функции.

Эмоциональная сдержанность и возможные неожиданные бурные аффективные всплески свидетельствуют о подавленной чувствующей функции и преобладании мыслительной, которая является второй по значимости после ощущения.

Итальянцы

Менталитет итальянцев

Италия – полуостровное государство на юге Европы. 92 % населения страны составляют приверженцы католической церкви во главе с Папой, резиденция которого находится в Ватикане в Риме.

Характеризуя итальянцев, Н.Я. Данилевский называет этот культурный тип односторонним, осуществившим с успехом одну сторону человеческой деятельности – политическую. Кроме этого Рим выработал знаменитое римское право, чтобы защищать и координировать интересы и собственность граждан, сформировал у них «юридическое сознание, которое вынесло нравственность вовне человека – в право», так что люди «получили основание освобождаться от совести, сей внутренней справедливости» [38, с. 103-104].

Менталитет итальянцев формировался под влиянием католичества. Г. Гачев отмечает, что в их религиозном чувстве менее представлена ипостась Святого Духа, а образ Богородицы – Мадонны – упрощен и приземлен. Особое почитание Папы как непогрешимого человека, наместника Христа на земле, имеет своим исто-

ком обоготворение человека в гуманизме итальянского Возрождения.

По мнению Шпенглера, итальянцы – совершенно неметафизические люди, сильные духом, бездушные. Они также очень практичны и нацелены на земное и конкретное, на реальные успехи любой ценой. Это суровые реалисты, расчетливые прагматики.

Итальянца отличает хороший художественный вкус и умение произвести впечатление на окружающих. Он способен наслаждаться природой и искусством, проявляет любовь и необычайные способности к пению. Итальянцы предпочитают публичные карнавалы, пышные шествия, процессии, парадные спектакли.

По замечанию Г. Гачева, Рим и Италия первенствуют в архитектуре, где требуется точный инженерно-математический расчет. В искусстве Рима проявляются две тенденции – монументализм архитектурных сооружений (Капитолий, Колизей, Пантеон, арки в честь многочисленных побед и триумфов), – стоящие наравне с лучшими произведениями греческого искусства, и скульптурный портрет с его натурализмом, в котором лицо человека изображалось во всех деталях. В итальянском искусстве господствует принцип определенности: в живописи – четкие очертания, в музыке – четкие звуки. В Италии была выработана такая жесткая форма поэзии, как сонет. Большие достижения имели они в поэзии – в одах Горация, элегиях и сатире. Данилевский полагает, что в пластических искусствах римляне лишь

подражали греческим образцам, в их драме и эпосе не было оригинального содержания.

Итальянцы всегда были далеки от философии, считая ее праздным занятием, – «безфилософы», – называл их О. Шпенглер [177].

В Италии принято не скрывать свою домашнюю жизнь, она протекает у всех на виду, со всеми скандалами и ссорами, здесь нет уединения и тайны, нет частной жизни, которую англичане именуют «privacy».

Характер итальянцев несет на себе печать южной непосредственности и экспрессивности. Их эмоции выражаются открыто, они полностью поддаются своим чувствам, которые ярко отражаются на очень выразительном лице. Подавление эмоций рассматривается как лицемерие. Для них характерны горячность, мстительность. Итальянцы – холерики [150].

В воспитании детей нет строгости и последовательности, все построено на эмоциях. По выражению исследователей, это «шумные возгласы, затрешины, слезы, бурные проявления нежности» [150, с. 330].

И. Кант полагал, что итальянцы сочетают в себе французскую живость, веселость с испанской серьезностью, твердостью [27].

Проявляются у них также такие качества, как ум, находчивость, живость, исключительное свободолобие.

Итальянский народ не очень организованный и пунктуальный.

Итак, итальянский менталитет формировался во многом под влиянием католицизма, с его обращенностью

к земным интересам и проблемам. Среди *ценностей* итальянцев преобладают такие, как ориентация на земные блага («сокровища на земле»), успех, свобода, публичность – отсутствие частной жизни.

Основными чертами национального итальянского характера можно считать практичность, реалистичность, прагматизм, некоторую бездушность, экспрессивность, мстительность, неорганизованность, непунктуальность, находчивость, свободолобие. Итальянцы – холерики, горячие, живые, веселые, экспрессивные, с яркими чувствами.

Познавательный стиль итальянцев

Характеризуя познавательную сферу итальянцев, О. Шпенглер обнаруживает у них чутье на факты, бедную и ориентированную исключительно на практическое силу воображения, развитый интеллект. Другими особенностями познавательного стиля являются: тенденция к абстрактному, рациональному мышлению, преобладание формальной логики, анализа. Автор подчеркивает, что именно латинский язык стал универсальным языком философии и науки западно-европейской цивилизации. Он является языком абстрактного мышления и формальной логики.

Итак, не вызывает сомнения явная экстраверсия итальянцев, проявляющаяся как ориентированность на внешний мир, на сугубо земные цели, умение произвести впечатление, открытость частной жизни, отсутствие уединения.

Любовь к красоте, форме, ярким карнавалам, художественный вкус, успехи в искусстве, которое отличается четкостью и натурализмом (точный расчет, детализированность, жесткость формы), реалистичность, прагматизм – все это позволяет считать ведущей функцией именно ощущение. Итальянцы – эстеты. Недуховность и практичность, приземленность, присущие им, указывают на подавленную интуицию.

Вспомогательной психологической функцией в познавательном стиле итальянцев является мышление. Как уже отмечалось, развитая формальная логика, абстрактность, рациональность, высокий интеллект свидетельствуют о сильной мыслительной функции, которая управляется гораздо лучше, чем несдержанная эмоциональность.

Итак, итальянцы представляют собой экстравертный ощущающий тип с мышлением в качестве дополнительной функции.

Испанцы

Менталитет испанцев

Испания расположена на юго-западе Европы на территории Пиренейского полуострова, Это самая горная страна Европы с преобладанием субтропического климата. Испанцы признаны единой нацией, сформированной из этнических групп, основными из которых являются: каталонцы (15,6%), андалусийцы (15,6%), кастильцы (11,1%), валенсийцы (9,7%), галисийцы (7,4%) и

баски (5,6%). Эта страна отличается необыкновенным разнообразием культуры, языка, традиций, пейзажей. На ее территории можно найти римские памятники архитектуры, мавританские дворцы, мечети, христианские церкви средневековья и времен Реконкисты. Влияние различных народов, религий и культур, пограничное положение между Европой и Африкой, бескрайность Атлантического океана – всё это оказало воздействие на формирование менталитета испанцев. В средние века страной владели арабы из Северной Африки. Испания становится центром распространения исламской цивилизации. К концу XV века христиане отвоевали Испанию и объединили ее.

Подавляющее большинство населения страны (97%) – католики. Исследователи обнаруживают неприветливость испанцев в отношении материальных условий жизни, приоритет духовных и идеальных ценностей, культивирование в обществе набожности, религиозности, духа благородства, чести и доблести [78]. Г. Гачев говорит о наличии острого чувства трагичности, смерти у испанцев. Однако соблюдение обрядов и торжественное празднование различных религиозных событий в большей степени объясняются любовью к веселью и бурным темпераментом, чем особой набожностью.

Своеобразие менталитета испанцев проявляется и в образе жизни в этой южной стране. В середине дня у них наступает сиеста – послеобеденный сон, чуть ли не священное время, когда вся жизнь замирает. Зато ночью бурная жизнь продолжается.

Семья играет огромную роль в жизни каждого испанца. Она, как и личное счастье, является важнейшей ценностью, оставляя финансовое благополучие позади. В стране практически нет домов престарелых, каждая семья очень уважает своих предков и ни при каких обстоятельствах их не бросит.

Испанцы любят петь, танцевать, играть на гитаре, им присуще чувство юмора. Известна их страстная любовь к корриде или к петушиным боям. Для менталитета испанцев характерен консерватизм, приверженность старым традициям.

Общеизвестны культурное богатство Испании, творческие успехи в литературе, поэзии, драматургии, живописи. При этом обнаруживается относительная научная бедность, отставание в научном отношении.

Испанский язык относится к группе романских языков, это – новейший вариант латыни.

Характер испанцев своеобразен: у них наблюдается склонность к авантюристическим способам достижения богатства и приобретения материальных благ, а также любовь к приключениям. Называются и такие качества, как непредусмотрительность, отсутствие привычки к планированию и прогнозированию событий. Психика испанцев очень динамична, для нее характерно быстрое переключение внимания, спонтанность решений, легкая смена настроений. Им свойственны непродолжительность волевых усилий, необязательность. Испанцы азартны, эмоции у них легко возникают и исчезают, могут достигать большой силы.

Им присуще обостренное чувство личного достоинства, гордость в поступках, манере общения, постоянное выделение своей значимости. По словам В. А. Сухарева и М. В. Сухарева [150], их отличает подчеркнутый аристократизм и велеречивость, благородная национальная гордость. В поведении они обнаруживают какую-то торжественность. В общении с другими преобладает недоверие, зависть, отсутствует чувство коллективизма.

Испанцы – очень открытый, «общественный» народ, все праздники они проводят с друзьями в кафе, барах. Каждый испанец любит пообщаться и показать себя.

Подводя итог сказанному, отметим еще раз преобладающие *ценности* и особенности менталитета испанцев. Это – духовность, важность идеальных ценностей, благочестие, религиозность (католической традиции), ценности благородства, чести, доблести, эсхатологическое восприятие жизни, острое чувство смерти, трагичности. К важнейшим ценностям относятся также, с одной стороны, семья, приверженность традициям, с другой – индивидуализм.

Основные черты *характера* испанцев – набожность, неприхотливость в плане материальных благ, авантюризм, азартность, тяга к приключениям, общительность, отсутствие склонности к планированию и прогнозированию событий, необязательность, консерватизм, развитое чувство достоинства и гордость, выделение своей значимости, аристократизм, в поведении торжественность и велеречивость, недоверчивость. Испанцам присущ

холерический темперамент с сильными эмоциями, быстрой сменой настроения, спонтанностью, импульсивностью.

Познавательный стиль испанцев

Итак, у испанцев, как и у всех южных народов, отмечается ярко выраженная темпераментальная экстраверсия. Она проявляется в широкой общительности, любви к шумным праздникам и веселью, азартности, авантюризме, тяге к приключениям. Что же касается личностной установки, то, учитывая, что упомянутая ранее набожность и духовность испанцев связана не с самоуглубленностью и отрешенностью от мира, а в большей степени реализуется в празднествах и карнавалах, т.е. сугубо мирских формах, можно сделать вывод о преобладании экстраверсии как направленности на внешний мир и на этом уровне. Для определения особенностей познавательного стиля испанцев представляется важной идея о преобладании духовности и эмоциональности над логикой и рационализмом [81]. По-видимому, ведущей психологической функцией у этого народа является интуиция (об этом свидетельствуют преобладание духовных ценностей, гибкость и изменчивость в поведении, а также авантюризм и необязательность). Неприхотливость же в плане материальных условий, быта можно рассматривать как подавленную ощущающую функцию. Что же касается второй функции в познавательном стиле испанцев, то ею не является ни чувство – яркое, холерическое, неуправляемое, ни

мышление (о чем свидетельствует, например, отставание в научном отношении). Итак, испанцы – экстравертный интуитивный тип.

Греки

Менталитет греков

Греция расположена в юго-восточной Европе, в южной части Балканского полуострова. В ее состав входят также свыше тысячи островов, три четверти территории страны занимают горные массивы. Своеобразие Греции определяют такие географические особенности, как большая сейсмичность, субтропический климат, разнообразие видового состава флоры. Состав населения однороден: 93% – греки, 7% – албанцы, турки, армяне, русские и др.

На территории Древней Греции (Элады) проживали следующие племена: пеласги, лелеги, протогреки (ахейцы ионийцы). Со 146 г. до н.э. Греция находилась под властью Рима, с VI в. – Византийской империи, с XV по XIX вв. – Османской империи. В 1829г. провозглашена независимость Греции. На протяжении последующего времени страна несколько раз меняет политический статус, переходя от монархии к республике.

Культура Древней Греции – колыбель западной архитектуры, литературы, философии и демократии. Действительно, культурное влияние Греции на развитие цивилизаций исключительно велико. А. С. Хомяков писал о греках: «Богу угодно было избрать их язык для прославления своего имени в Священном писании и их самих для распространения веры в мире.... От них

просветились многие народы; и мы, славяне, от них получили лучшее свое достояние, истинное знание Бога и Спасителя нашего, свободное от всякой ереси и лжи...» [169, с. 343]. В настоящее время православная церковь объединена с государством, занимает ведущее положение в жизни общества. Современные греки – очень верующие люди.

Важные составляющие ментальности греков – это стремление к славе и обретению бессмертия [80]. Бескорыстная любовь к истине, влечение к мудрости, ценность знания, любознательность, созерцательная жизнь – все это отличает греков от других народов. В отличие от римлян, греки не были связаны утилитарными соображениями. Их богатая и оригинальная мифология свидетельствует о необычайном воображении. В мифах проявилось философское видение, прозрение. Широко славился греческий театр с его комедиями и трагедиями. По словам Г. В. Драча [80], греки были в известном смысле «витающими в облаках» мечтателями и теоретиками, занятыми отвлеченными проблемами.

Эллины – высокоодаренный народ, давший миру великих философов и ученых, поэтов и художников. Н.Я. Данилевский отмечал эстетическую природу греков, их чувство меры и гармонии: «В отношении идеи красоты – греческий мир дошел... до крайнего предела совершенства, и новая европейская цивилизация не произвела ничего такого, что бы могло не только затмить, но даже сравняться с произведениями греческого

пластического искусства...» [38, с. 243]. Грекам свойственны изобретательность, пылкий ум, творческий талант.

Греки любят пожить в свое удовольствие. При всей своей страстности они не терпят спешку, могут часами сидеть в кафе за разговорами. Как и испанцы, греки соблюдают сиесту (послеобеденный сон), во время которой нельзя назначать встречи или звонить.

Для греков типичен агональный, соревновательный дух, который пронизывает все формы деятельности, независимо от их утилитарного значения [52]. Они очень ценят свои успехи и афишируют их.

Современный греческий (новогреческий) язык базируется на древнегреческом, относящемся к индоевропейской группе языков.

Греки считают себя самым умным, искренним и смелым народом. В *характере* греков отмечают гордость и неуверенность, повышенную чувствительность к одобрению и порицанию [Там же].

Современные греки инициативны и деловиты, трудолюбивы, склонны к торговле, которой занимаются всей семьей. Это эмоциональный, непосредственный, общительный народ, обладающий чувством юмора. Однако их легко вывести из равновесия. Г. Гачев констатирует наличие у них страстности, огненности. Греки гостеприимны, у них крепки родственные связи. Типичны для них также непунктуальность, неорганизованность. Например, они обычно не соблюдают правила дорожного движения, склонны к экстремальному вождению.

Подводя итоги описанию менталитета этого этноса, отметим ведущие *ценности* греческого народа. К их приоритетам относятся такие ценностные ориентации, как духовность, укорененная и принятая даже на уровне государства православная вера, а также истина, мудрость, гармония, слава, бессмертие, знания, успех, родственные связи. Основные черты характера греков – любознательность, изобретательность, созерцательность, гордость и неуверенность, чувствительность к одобрению и порицанию, непосредственность, общительность, агональность (соревновательность), чувство юмора и гостеприимство. В деловой сфере проявляются инициативность, трудолюбие, а также непунктуальность и неорганизованность.

Познавательный стиль греков

Для характеристики познавательной сферы греков важны следующие положения. Н. Я. Данилевский пишет, что греки в своих исследованиях использовали «геометрическую методу» (тогда как вся Европа – «аналитическую»), которая требует воображения. Он отмечает, что греки всегда были народом художественным, поклонялись красоте, им необходимо было живое, образное представление предметов. У них имелось также хорошо развитое философское мышление и прекрасное чувство меры. О. Шпенглер также полагал, что греки не были аналитиками ни в математике, ни в психологии. Н. Я. Данилевский писал об умозрительном, метафизическом направлении греческого ума. О высоте этого ума, о

том, что он не имеет предела, размышляет Т. П. Григорьева [29]. Г. В. Драч [80] заключает, что у греков обнаруживается универсальная одаренность, одинаково хорошо развиты левополушарное (научное) и правополушарное (художественное) мышление.

Подытоживая описание познавательного стиля греков, отметим его значительное отличие от преобладающего на Западе способа отражения мира. Прежде всего это гармония, чувство меры, которые проявляются как в философии, так и в искусстве греков. Очевидно, что такая же гармония должна выразиться и в когнитивной сфере. Так, установка сознания в греческом менталитете направлена как на внутренний мир (к истине, мудрости, Богу, созерцательность), так и на внешний (успех, слава, торговля, общительность). Таким образом, это некое соотношение между интро- и экстраверсией, с некоторым преобладанием первой. Если южный темперамент греков располагает их к экстравертированным тенденциям, то на уровне личностной установки преимущество имеет интроверсия.

Преобладающая функция в этом познавательном стиле – мышление. Об этом свидетельствуют отмеченные ранее характеристики, такие, как пылкий ум, высота ума, философское мышление, изобретательность. Греки стали родоначальниками наук и философии – областей, требующих исключительного уровня развития мышления. Причем это совершенное мышление характеризуется универсальностью. Оно проявляется как способность к глубоким, отвлеченным, теоретическим построениям и

одновременно как образное, творческое, художественное. В нем нет той типичной для западноевропейцев формальности, рациональности, дробящей аналитичности, приводящей к утрате смысла, сущности явлений. Это синтетическое, обладающее чувством меры, прекрасно организованное и управляемое мышление. Такое качество мышления объясняется во многом тем, что оно сочетается с исключительно развитой интуицией, которую можно считать сильной вспомогательной функцией. Доказательством этого могут служить такие описания, как «развитое воображение, «философское видение», «прозрение», «метафизический ум». Как уже говорилось, греков характеризуют как «витающих в облаках» мечтателей, теоретиков, их не увлекают сугубо утилитарные соображения. Ощущающая функция у греков выразилась в необыкновенном чувстве красоты, эстетичности. Но в отличие от, например, итальянцев, у которых эстетика основана только на развитой ощущающей функции, искусство греков также можно назвать совершенным, поскольку здесь проявилась удивительная гармония внешней формы и внутреннего содержания, смысла. Таким образом, сочетание интуиции и ощущения стало основой творческого таланта греков. Единственной менее развитой психологической функцией в этом стиле познания можно считать чувство по причине его меньшей управляемости, судя по таким замечаниям, как страстность и даже огненность, неуравновешенность. Итак, в познавательном стиле греков преобладают интровертное мышление, интуиция и в меньшей степени – ощущение.

Американцы

Менталитет американцев

Соединенные Штаты Америки – наиболее экономически развитая страна мира. По размерам территории это государство занимает четвертое место, а по численности населения – третье место в мире. Это федеративная республика, состоящая из 50 штатов с очень выгодным географическим положением – широким фронтом морских границ на западе и востоке.

Американская нация сложилась к концу XVII века. Ее ядро составили англичане, ирландцы, валлийцы, которые позже смешались с голландцами, шведами, немцами, французами, датчанами и др. Все они переселились на американский континент. Англичане принесли сюда свой язык и многие черты своего образа жизни и культуры. В настоящее время основной состав населения США – выходцы из различных стран мира (75%), а также негры (12%), предки которых были привезены из Африки для работ на плантациях, и коренное население (1% индейцев, эскимосов, алеутов, гавайцев). Очень велика иммиграция из Азии и Латинской Америки.

По мнению Г.Д. Гачева, американцы – это мир без толщи и корней, искусственно сотворенный переселенцами: «Тут все молодо-зелено. Не дерево, а трава – корни не глубоки ...» [24, с. 192].

Американский менталитет в значительной степени определяется этикой протестантизма, ценностями конкретного дела, дающего результаты. В этой этике, по словам

Г. Д. Гачева, Богом благословлен человек работающий. Там нет глубокой теологии, философия приземлена и прагматична. Однако, по мнению Н. А. Нарочницкой, американцам – пуританам, кальвинистам – свойственна вдохновленная Ветхим Заветом идея особого предназначения – мессианства и провиденциализма (т.е. понимания истории как проявления Божественного промысла) [103] в отношении своей страны.

Американцы считают себя призванными водворить порядок там, где господствует хаос, несущими дух прогресса, способными руководить миром. А. П. Садохин [135] отмечает, что бурный экономический рост сформировал у американцев представление об особой исторической миссии США, убеждение в превосходстве американского общества над всеми другими, особый американский патриотизм, доходящий до национализма, признание США как спасителя мира, цитадели демократии, гуманизма, гражданских и религиозных свобод. Американцы – большие патриоты своей страны.

Интересно отношение американцев к дружбе. Об этом говорит исследование эволюции дружбы в американском обществе, проведенное А. Вежбицкой [17]. Оно подтверждает идею ряда ученых [187, 206] о том, что демократия не создает сильных привязанностей между людьми. Действительно, в таком обществе связи становятся более случайными и кратковременными. «Личные отношения среди американцев многочисленны и отмечены дружественностью и неформальностью; однако у американцев редко образуются глубокие и

длительные отношения. Друзья и группировки легко меняются, по мере того как американцы меняют статус или местопребывание ...», – пишет А. Вежбицкая, отмечая, что этим отношениям недостает постоянства и глубины [17, с. 40]. Американцы не обращаются к друзьям за помощью, поддержкой или утешением, а ищут профессионала. Другом могут назвать и случайного знакомого, и соседа, и близкого человека. Вместо дружбы появилась «дружественность» – широкие, кратковременные связи (и все это относится ко всему англоговорящему миру). Эти тенденции находят отражение в языке: то, что раньше обозначалось словом *friend*, теперь соответствует выражению *close friend* (т.е. в прошлом все «друзья» были «близкими друзьями»). Современное английское слово *friend* соответствует русскому *приятель*.

В.А. Сухарев, М.В. Сухарев также пишут, что дружба у них редко бывает продолжительной, в ней преобладают прикладные, прагматические моменты, т.е. это обычно «друзья по работе», «друзья по спорту», по отдыху, друзья семьи и т.д.

Характеризуя менталитет американской цивилизации, Г. Гачев называет ее страной «тинэйджеров», здесь господствует отроческий дух, тут национальными героями являются Том Сойер и Гек Финн – невоспитанные, непринужденные, фамильярные, а также наивные и сентиментальные.

По мысли Г. Гачева, эсхатологическое мироощущение совершенно чуждо американцу. Он оптимист, не видит зла в бытии, не знает мук совести. Он весь

погружен в земную жизнь, центром которой является он сам, и для него ни в чем нет проблем (no problems!).

Американский поэт Уолт Уитмен писал:

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам

[Цит. по 24, с. 196].

Таким образом, человек осознает себя как целый Космос. Это подтверждается и объективными фактами. Так, согласно данным ассоциативного словаря, созданного на материале английского языка, в центре картины мира англоязычного говорящего находится «я» [160]. Действительно, «self-made-man» («самодельный человек») строит «self-made world» («самодельный мир») [24].

Еще один любопытный феномен, подмеченный Г. Гачевым у американцев, это – «новый кентавр – человек-в-машине (man-in-a-car)». Автор пишет: «Образовался уже симбиоз между американцем и его автомобилем. Они уже переплелись тканями. Американское человеческое существо не имеет нужды в ногах – они заменены колесами» [Там же, с. 201]. Автомобиль служит американцу вместо дома, он легко снимается с места, передвигается, люди становятся вечными кочевниками, исчезает понятие родины, родной земли, традиций, прошлого, важен лишь настоящий момент.

Американцы ориентированы на успех, процветание (американская мечта – стать преуспевающим дельцом).

По данным М.А.Кулинич, ведущими американскими ценностями являются равенство, успех, честолюбие [79]. С. Переслегин называет в качестве американского идеала свободу, демократию, индивидуализм и также равенство [118].

Исследователи выделяют высокую речевую культуру американцев, их умение убеждать. При обучении в университете предусмотрено много дисциплин, способствующих развитию речевых навыков [150]. Сопоставляя этот язык с японским, М. Кикухи пишет, что английский язык имеет линейную структуру, ориентирован на логику и удобен для науки [196].

Американская нация, безусловно, унаследовала черты *характера* первых поселенцев – энергию, оптимизм, независимость, предприимчивость и трудолюбие. Американцам при всей их расчетливости присущи доверчивость к людям, простодушие, легкоеверие, их нетрудно обмануть и даже обворовать. Сами же они очень правдивы и законопослушны, считают, что ложь, обман могут разрушить репутацию.

Типичный американец жизнерадостен, улыбчив, особенно на работе, где улыбка считается обязательным атрибутом, и где «он носит ее на лице, как брюки на ногах» [24, с.201]. Американцы любят пошутить, но их шутки незатейливы. Могут быть добрыми, даже щедрыми.

Американцам свойственны самостоятельность и независимость, с детства они привыкают надеяться только на себя. Умеют ставить цели и добиваться их. Это прямые люди, они быстро переходят к сути разговора, не тратя

время на формальности. Выделяются самоуверенностью, громким разговором. Держатся просто, общаются неформально, несмотря на возраст и общественное положение. В общении им присуща прямота, они избегают титулов, ритуальных манер, предпочитают прямое обращение к собеседнику по имени и стараются не делать половых различий в стиле вербального взаимодействия. Эмоции выражают прямо и непосредственно. Считается, что им присущ жесткий разговорный стиль. «Большинство американцев в повседневном общении используют “small talk” («короткий разговор»): они задают друг другу вопросы типа: “Как дела?”, “Прекрасный денек, не правда ли?”, – и вовсе не ждут на них ответа. В дискуссиях американцы предпочитают высказываться ясно и четко...» [145, с. 94; 196].

Американцы носят удобную повседневную одежду. Как и англичане, любят соревнования, достижения, рекорды.

Американцы – люди деловые и практичные, умеющие все просчитывать и оценивать долю риска. Работают с неистовой одержимостью, то есть делают деньги. Никогда не откажутся от дополнительного заработка на стороне. «Время = деньги», все время расписано по минутам вперед. С самого детства их приучают любить и считать деньги. Г. Гачев приводит строки из стихотворения Карла Сэндберга «Трава» как характеризующие отношение американцев к труду: «I am grass, Let me work!», т.е. даже природа должна здесь работать [24, с. 192]. По мнению А. П. Садохина,

американцы предприимчивы, напористы, организованны, полны неиссякаемого делового азарта. Их деловитость – это точный расчет, обстоятельное знание дела, умение из всего извлекать пользу, находить наиболее рациональное решение практических задач. Автор отмечает у американцев исключительный организаторский талант (в отличие от немцев, у которых все строится на дисциплине), который включает в себя высокую организацию труда, умение ценить время, инициативу, самостоятельность, упорство.

Американцы очень любят все новое, стремятся к совершенствованию, изобретательству, умеют обращаться со сложной техникой, жаждут сенсационных новостей.

Г. Гачев выделяет такую черту американцев, как спонтанность, полная раскованность. По идее автора, если у германца есть рефлексия, у англичанина сдержанность, у русского застенчивость, у француза страх быть смешным, не говоря уже о китайских или японских церемониях, то у американца нет никакого механизма задержек (ни моральных, ни социальных), то есть полная внешняя и внутренняя свобода, раскрепощенность. Американец возбужден, раскован, у него моментальная реакция.

Г. Гачев определяет темперамент американцев как сангвинический, живой, бодрый, жизнерадостный. Обычно они оптимистичны (улыбчивость американца, в кино и в романах обязателен happy end – счастливый конец).

Итак, характеризуя американский менталитет, важно отметить, что он формировался под влиянием

протестантизма – пуританства и кальвинизма – с его идеей мессианства и особого предназначения этого народа, призванного руководить мировым сообществом, вести его к прогрессу и демократии и быть спасителем мира. В США ярко проявилась устремленность к земному («сокровища на земле»), там совершенно отсутствует эсхатологическое мироощущение, нет богословской науки, философия отличается приземленностью и прагматизмом. Ведущие *ценности* американцев – это свобода, равенство, успех, процветание, труд, честолюбие, деньги, карьера, индивидуализм, репутация. Здесь практически нет ценностей традиций, прошлого, сильна обращенность в настоящее. Патриотизм сочетается с легкой переменой места жительства, отсутствием ценности Родины.

Основными чертами *характера* американцев являются: чувство национального превосходства, гордость, энергия, оптимизм, независимость, предприимчивость, трудолюбие, деловитость, практичность, прагматичность, расчетливость, целеустремленность, а также доверчивость, простодушие, раскрепощенность, организаторский талант, законопослушность. Темперамент – сангвинический, характеризуется живостью, бодростью, гибкостью, жизнерадостностью, стремлением к новизне, острым ощущениям.

Познавательный стиль американцев

Далее рассмотрим познавательные особенности американцев. В стиле их мышления преобладают такие характеристики, как умение быстро схватить вещь и сразу

понять ее в работе (здесь и теперь), не вникая в ее причины, происхождение и сущность (как это делается в европейской научной традиции) [24]. Таким образом, это чисто эмпирическое мышление, преобладание индукции. Эти тенденции проявляются и в научных американских теориях: прагматизм (В. Джемс), операционализм (П. У. Бриджмен), бихевиоризм (Б. Ф. Скиннер). В. Г. Крысько отмечает у американцев гибкость в восприятии и оценке происходящего, легкость ориентации в окружающей обстановке. Однако мышление их стереотипно. По данным М. Zuckerman [208], у американцев очень высок поиск ощущений. Ведущая модальность ощущений, по мнению Г. Гачева, – зрительная, затем следуют слух, осязание, вкус, обоняние. Однако данные о постоянной готовности к действию, о стремлении к поиску острых и новых ощущений наводят на мысль о преобладании кинестезии.

Судя по приведенным материалам, у американцев, как и у европейцев, преобладает экстравертированная направленность. Это и обращенность к земному, к внешнему миру, и большая значимость настоящего по сравнению с прошлым, и стремление к новым ощущениям (поиск ощущений значимо коррелирует с экстраверсией), и жизнерадостность, и широта общения (без постоянства и глубины). Об этом же свидетельствуют ведущие ценности (успех, карьера, репутация). Активная жизненная позиция американцев также может рассматриваться как проявление экстраверсии. Итак, без

сомнения, американец – экстраверт, полностью сосредоточенный на внешнем мире, на деятельности.

Основу познавательного стиля этого народа составляет ощущающая функция. Об этом говорят такие особенности, как преобладание прагматизма, практичности над духовностью, приземленность, расчетливость, стремление к поиску ощущений. Другим основанием для подобного вывода служит тезис о лучшем понимании вещи в работе (т.е. на практическом, видимом уровне). Все это согласуется с выводами М. - Л. фон Франц [86] и данными Б. В. Овчинникова и др. [110]. В последней работе приводятся результаты обследования американцев по тесту Д. Кейрси, согласно которым 80% из них имеют ведущей функцией ощущение.

Мышление американцев нельзя назвать сильной функцией, т.к. оно является эмпирическим, стереотипным, не направленным на понимание сущности и причин явлений, хотя в нем и присутствует логика (индуктивного плана) и довольно совершенное вербальное сопровождение. Таким образом, вспомогательной функцией является все-таки чувство. Это выражается в управляемости эмоциональной сферой, легкости установления контактов и общения, умении всегда держать улыбку на лице.

Подчиненной функцией оказывается интуиция – американца никак не назовешь человеком не от мира сего, он чувствует себя хозяином жизни, практичным, уверенным, умеющим строить «самосделанный» мир.

Итак, американцы – это экстравертный ощущающий тип. Второй функцией у них является чувство.

Резюме

Завершая разговор об особенностях цивилизации Запада, отметим еще раз, что стержневой чертой ее менталитета является ориентация на земное устройство жизни («сокровища на земле»). Такая направленность начинает набирать силу еще в эпоху Возрождения и все более укрепляется в последующие периоды. Активный, волевой характер западного человека способствует быстрому продвижению по пути прогресса, успеху во всех земных делах. В значительной степени на эту земную обращенность влияет религиозная составляющая. Ориентация на земные проблемы, практическую жизнь способствовали утрате духовности, распространению материализма и атеизма на Западе. Ведущими становятся ценности свободы, прав, закона в отрыве от нравственности. Целью жизни считаются счастье, наслаждение, богатство, успех, комфорт, деньги, карьера. Западный менталитет – это мироощущение человека, свободного от традиций (здесь исключение составляют англичане), религиозных и нравственных принципов. Это также обращенность к настоящему, жизнь «здесь и сейчас», без прошлого и будущего. Молодость, энергия, сила, воля, достижения, индивидуализм (как отделенность личности от всех, как ее свобода), стремление к власти, самоутверждение – все это представляется наиболее ценным для западного человека. Некоторое отличие в

ценностной системе обнаруживается у англичан. Важность традиций и необычайная любовь к природе, в жизнь которой они предпочитают не вмешиваться, сохраняя ее в естественном состоянии, несколько напоминает ценностные ориентации восточной ментальности.

Европейские национальные языки, относящиеся к группе индоевропейских языков, в основном, флективные, являются наиболее развитыми, дифференцированными и отличаются особенно сложным строением. Такие языки в наибольшей степени соответствуют логическому мышлению.

Западный мир представлен северными (немцы, англичане, шведы, норвежцы и др.) и южными (французы, итальянцы, испанцы) этносами, которые отличаются по религиозным конфессиональным признакам (протестанты – католики) характеру (надежность, педантичность, пунктуальность – неорганизованность, непунктуальность, находчивость, авантюризм и т.д.) и темпераменту (флегматики – сангвиники, холерики). Если южные народы сочетают в себе темпераментальную и личностную экстраверсию, то жители северных стран по природе своей – интроверты, но по личностным характеристикам (мотивам, интересам, ценностям) ориентированы на внешний мир. Американцы занимают промежуточное положение между указанными группами, будучи похожими на северную группу народов по своей религии и характеру, и на южан – по темпераменту.

Таким образом, западный менталитет характеризуется преимущественной направленностью на внешний

мир, т.е. экстраверсией. Другой стороной этого менталитета, проявляющейся в особенностях познавательного стиля, является осязающая функция – аналитическое, детализированное и сутобо реалистическое отражение мира. Предметом такого отражения становится осязаемый, видимый слой окружающей действительности, тогда как внутренняя, глубинная, смысловая ее основа не попадает в поле внимания. Этот когнитивный способ И.В. Киреевский называл «внешним познанием», «наружным сцеплением понятий». Поскольку чаще всего на Западе второй функцией в познавательном стиле является мышление (а у немцев – первой!), поэтому речь может идти об «отвлеченном умственном познании», о некоей «интеллектуальной формуле». Некоторое исключение составляют англичане и американцы, у которых в качестве второй функции выступает чувство как способность владеть своими эмоциями, управлять ими.

Из всех рассмотренных этносов в эту схему не вписываются испанцы и греки. Первые представляют собой экстравертный интуитивный тип. Такая специфика может проистекать из особенностей географии и истории этой страны (крайний юг Европы, на границе между Европой и Африкой, смешение разных народов и культур, взаимодействие с исламской цивилизацией, в частности, влияние мавров – арабов), а также объясняется живой верой, высокой религиозностью народа. Однако их, как и всех европейцев, отличает экстравертированная личностная направленность. Что же касается греков, то их роднит с европейцами ведущая мыслительная функция.

При этом значительное их своеобразие связано, во-первых, с преобладанием интроверсии (глубокая религиозность, духовность, приоритет «сокровищ на небесах»), а, во-вторых, большая выраженность интуиции, по сравнению с ощущением. Соединение мышления (позволяющего строго, объективно без излишних эмоций и сентиментальности отражать мир) с интуицией (как обращенностью к «надмирному», «сокровищам на небесах») в интровертном варианте, очевидно, помогало на протяжении веков сохранять христианскую веру в чистоте и неизменности, неподверженности влияниям быстро меняющегося мира, стремительно следующего по пути прогресса.

ГЛАВА III

МЕНТАЛИТЕТ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА

III. 1. Общая характеристика цивилизаций Востока

К восточным цивилизациям относятся многие страны Дальнего (Китай, Япония, Индия и др.), а также Ближнего и Среднего (Иран, Турция, арабские страны и др.) Востока. В отличие от западноевропейской цивилизации, представляющей собой довольно однородную ментальность, восточные народы сформировали мно-

жество отдельных этнических и культурных групп, каждой из которых присущи свои особенности менталитета. Так, Л. Н. Гумилев [35] писал, что наименования «китайцы» или «индусы» эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, т.к. это целостные системы этносов, объединенных на особых принципах культуры. Т. П. Григорьева полагает, что существуют три основных модели культуры – европейская, у истоков которой лежит Слово-Логос, индийская, в основе которой – Звук (мелодическая, интонационная культура) и китайская, для которой важен зрительный Образ-Иероглиф [29].

Специфика дальневосточных цивилизаций связана с особенностями их религий – буддизма, даосизма, конфуцианства – в Китае и Японии, индуизма, буддизма, конфуцианства – в Индии.

Среди цивилизаций Ближнего и Среднего Востока значительное место занимает мусульманское общество, которое по духовной ориентации часто относят к Востоку. Однако значительные отличия его от цивилизаций дальневосточных, позволяет ряду авторов отнести это общество к Югу (Афразии) [118].

В рамках ислама сформировались мощные цивилизации, достигшие высокого уровня развития в культуре, искусстве и (до XVII в.) в науке, в некоторых областях даже опережавшие Запад вплоть до XVI – XVII вв. Выделяют три ветви исламской цивилизации: арабская, иранская и османская. Они имели один религиозный источник, но разную историческую почву. Образование разных цивили-

лизационных структур на базе ислама связано с тем, что эта религия своими корнями уходит, с одной стороны, в древнесирийский (древнееврейский), с другой – в иранский (зороастрийский) монотеизм.

Характеризуя восточные цивилизации, Т.П. Григорьева пишет: «Восток, с его изумительной мудростью, силой и красотой, на каждом шагу представляется Западу своим миропониманием каким-то младенцем или недоучкой» [29, с. 18]. Таким образом, разница в менталитете делает затруднительным для западного человека понимание души Востока.

В отличие от западной цивилизации, избравшей путь прогресса, результатом которого стало значительное изменение ее менталитета, Восток в процессе развития остался верен древним традициям, сумел сохранить свой специфический образ мира. В менталитете восточных цивилизаций с течением истории не произошло кардинальных изменений.

III. 2. Менталитет дальневосточных цивилизаций

Особенности менталитета в странах дальнего Востока

Как известно, существенным фактором формирования менталитета того или иного народа является религия. Т.П. Григорьева [29] констатирует, что на Востоке не возникли условия для рождения «фаустовской души», истоки которой лежат глубоко – в идее богоподобного человека и богоборчества, в вызове Богу. Речь идет о том,

что восточные народы смогли сохранить веру, примат духовного начала над материальным. Однако восточные религии обладают своей спецификой, кардинально отличаясь от христианского учения, лежащего в основе формирования европейской цивилизации.

В центре восточных религий находится не Бог, а человек. Традиционные восточные религиозные учения сосредоточены на человеке: даосизм – на отношении «человек – природа»; конфуцианство – на отношении «человек – человек» и «человек – общество»; буддизм – на психике, сознании. Таким образом, главными в конфуцианстве являются вопросы этики, морали и управления государством, а не боги. В индуизме практикуется аскетизм как способ сравняться с богами, а иногда и превзойти их. Буддизм говорит о некоем космическом разуме, с которым стремятся слиться его последователи путем освобождения от суетных желаний и страстей. В даосизме бог как таковой вообще отсутствует. Итак, эти цивилизации более преуспели в познании человека, также как западные – в познании материи. Даосы более всего стремились к постоянству, гармонии с миром, буддисты – к свету, просветлению, впрочем, последнее было важно также для даосов и конфуцианцев. Идею недеяния они понимали по-разному: даосы – как ненавязчивость, непринужденность, безмолвие, конфуцианцы – как разумное действие, соответствующее ритуалу.

Целью восточных учений является знание не объекта, а Пути: как прожить жизнь, чтобы очистить сознание и достичь спасения, пребывать в Истине, чтобы стать сво-

бодным. В противоположность западному пути утверждения собственного «я», восточный путь состоит в отказе от привязанности к своему «я». Это является существенной отличительной чертой восточного (дальневосточного) менталитета.

Другой специфический момент касается нравственного аспекта. Восточные религии, ставящие человека по ту сторону добра и зла, отличаются от убеждений Запада, что существует некий нравственный закон, предписанный Богом, которому человек обязан повиноваться.

Еще один существенный признак связан с понятием недеяния. А. Уотс пишет: «Важнейшее отличие дао от обычного представления о Божестве в том, что Господь создает мир актом творения, тогда как дао создает его «несотворением» (увэй), что приблизительно соответствует слову «произрастание» [159, с. 43].

Восточные учения отрицают и волевой акт человека, направленный на покорение мира или природы. Считается, что невозможно овладеть миром через усилие, что попытка схватывания и удержания мира – это петля на собственной шее, лишаящая человека жизни. Таким образом, утверждается стремление к гармонии с миром, человек воспринимается как неотъемлемая часть окружающей среды, он чувствует себя во вселенной как у себя дома. Противоречия и противоположности здесь считаются относительными и образуют гармонию, перетекая друг в друга. При этом отсутствует и четкое деление на природу и дух, субъект и объект, добро и зло. Целеустремленности западного человека, состоящей в стремлении к земным

благам, здесь противопоставляется бесцельная жизнь, которая «не торопится и не упускает ничего», невмешательство в естественный ход событий [Там же, с.257].

Обычно указывают на стабильность, традиционность восточного менталитета. Развитие Востока предстает как сплошная линия, поскольку новые веяния не разрушают устои цивилизации. При этом все новое здесь получало оправдание только тогда, когда можно было подыскать что-нибудь подобное в древности. А вообще Восток очень гибок, он способен вобрать и переработать многие чуждые себе элементы.

Другой важной особенностью Востока является то, что общество здесь не утратило связи с природой. Европейцы стремились одолеть, победить природу, поставить ее себе на службу, переделать ее на свой лад и расхищать ее богатства.

Человек Востока старался усовершенствовать свою душу и тело, быть с природой в гармонии и, познав основные ее законы, постараться не противоречить им. Так, философы Востока считали, что народы и государства должны развиваться естественным (природным) образом, беря пример с растений и животных, в жизни которых нет ничего лишнего, случайного.

В отличие от западной цивилизации, чрезвычайно высоко ценящей свободу, восточный человек не свободен, а обязан соблюдать традиции, ритуалы, системы подчинения (родители – дети, муж – жена, вышестоящий – нижестоящий).

Однако, несмотря на общие для всей восточной цивилизации моменты, между странами, входящими в нее, были и есть существенные отличия в традициях, образе мышления, путях развития.

Согласно данным исследований, важными системами ценностей в восточных культурах являются: материнство, иерархия, мужественность, мощь государства, мир, скромность, карма (предопределенность), уважение к старшим, святость пахотной земли. Несущественными считаются такие ценности, как спасение и помощь в отношении других людей, первенство, индивидуальность, деньги, пунктуальность [31].

Итак, Восток в отличие от Запада преуспел в изучении сущности и природы человека. Специфику менталитета дальневосточных цивилизаций определяют его особые *ценности*, такие, как гармония (внутренняя цельность и единство с природой), просветление, недеяние (невмешательство в изначально совершенный и гармоничный мир), спасение души, истина, свобода, отказ от своего «я», аскетизм, традиции, иерархия, этика, мораль (преобладание морального над материальным), уважение к власти, нормативное поведение, духовность, благочестие, смирение. В отличие от Запада здесь отрицается воля (неактивность, ненасилие), цель (бесцельность), божественный нравственный закон (по ту сторону добра и зла).

Общими чертами *характера* этих народов можно считать покорность, терпимость, жизнестойкость, терпеливость, стремление соответствовать стандартам, учети-

вость, конформность, бесконфликтность, сдержанность, спокойствие, усердие.

III. 3. Познательные стили дальневосточных цивилизаций

Как отмечают исследователи, западному человеку «восточный ум» представляется как нечто непостижимое, иррациональное, мистическое [29]. По характеристике П. Я. Чаадаева, этот способ мышления во всем своем генезисе отличался от западного: «Сосредотачиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке...». И далее: «На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыню, предоставила общественной власти распоряжение всеми благами земли» [171, с.148]. Такое высказывание прямо содержит указание на преобладание интровертированной установки. Эту же мысль высказывает и К. Г. Юнг, говоря, что интроверсия является стилем Востока [183].

Восточный ум не стремится дробить, анализировать, искать сходство и различие, т.к. все это абстракции. Л. Леви-Брюль считал, что восточные цивилизации находятся на стадии дологического мышления, не дошли до уровня дедуктивных естественных наук европейского образца. На самом же деле здесь существенную роль играют символы-образы, мифы, а не понятия. Восточному менталитету свойственно отражать смысл целого, что

может быть доступно интуиции, озарению. По мнению директора НИИ психологии и развития способностей П. Нагорова (АиФ. – 2008. – 11 июня. – № 22) восточные *языки* (особенно китайский) развивают образное мышление, фантазию, учат воспринимать объекты целиком, а не по частям.

Для восточного мышления характерен не линейный, последовательный тип связей, где одно вытекает из другого, а скорее одновременный, или параллельный охват всего целого и плавные переходы одного полюса в другой, без резких перемен, скачков, ломки структуры. Отражается целостный человек, целостный мир. Здесь нет понятия «противоположное», вместо этого – чередование, одно присутствует в другом, сохраняя Единое. Такой ум расположен к притчевой форме литературы и искусства.

Специфика восточного образа мыслей проявляется в ряде высказываний: «дао – это нечто зыбкое, неясное», это рассеянность, неопределенность, «образ без образа, форма без форм, образ без существа... неясный и туманный», «одно во всем, и все в одном» [29, с. 135, 89]. «Дао темно и таинственно», – пишет А. В. Уотс [159, с. 45], чтобы его почувствовать, надо в каком-то смысле поглупеть, научиться искусству «отпускать» свой ум, освобождать поток мыслей и впечатлений (у-вей). «Расслабление, нечто вроде тупости, не просто спокойствие ума, а особого рода «нехватание» умом ... Ум при этом ... слегка «расплывается, чтобы избавиться от излишней четкости» [Там же, с. 47]. Если Запад на определенном этапе своего

развития пришел к обожествлению человеческого разума, то восточная традиция отличается недоверием к разуму.

Для восточной ментальности характерно отсутствие самосознания как выделения себя из мира, человек слит с природой (Эту мысль хорошо выразил Ф. И. Тютчев: «Все во мне и я во всем»). Это состояние целостности, в котором ум функционирует вольно и легко, и не ощущается никакого другого ума или «эго», стоящего над ним. «Познающий уже не ощущает себя отдельным от познаваемого, переживающий не ощущает себя отдельным от переживания... В конкретной реальности у меня нет “я”, отличного от совокупности всех тех вещей, которые я сознаю», – пишет А. В. Уотс [Там же, с. 181]. То есть восточный ум синкретичен, не выделяет себя из мира, человек чувствует себя слитым с природой (на Западе выделение личности и отделение ее от общества, индивидуализм).

Восточное мироощущение невербально. То, что европейцы считают знанием, – полагает А. В. Уотс, с точки зрения восточного человека, является условным, конвенциональным знанием, поскольку оно выражено в словах или каких-либо символах (математических, музыкальных и т.п.).

Лао-цзы утверждает: «Единое бесконечно и не может быть названо...» [Цит по 29, с. 88]. На Западе – Логос, Бог-Слово, на Востоке – безымянное Дао. Восточные мудрецы убеждены в противоречивости и ограниченности мира слов и отвергают его. Это культура молчания, бессловесного общения, т.к. «истина невыразима в слове, а пере-

дается «от сердца к сердцу» («Мысль изреченная есть ложь» – Тютчев Ф. И.). Считается, что такая недиалогичность обуславливает большую свободу от других. Итак, молчание, образ, звук, но не слово и не смысл: «Слова Будды бессловесны» [29, с. 146]. Это обращение к духовной реальности, к внутреннему зору, к интуиции. В. Ф. Асмус определял интуицию как «прямое усмотрение истины, ... объективной связи вещей, не опирающейся на доказательство» [5, с. 3 – 5].

Действительно, как полагал К.Г. Юнг, в восточном стиле отражения мира преобладает интуитивный, образный тип мышления, направленный на познание духовной сущности человека, а не природы [183]. Ему присуща созерцательность, а не эмпирически-аналитическая деятельность, как на Западе. Р. Дж. Стернберг, Э. Л. Григоренко [144] на основе своих исследований утверждают, что восточные культуры гораздо больше ценят глубину, чем скорость обработки информации (эта скорость является высоко значимой на Западе).

Все сказанное позволяет отнести восточный способ отражения мира к тому, что называется правополушарным мышлением. Согласно определению, такое мышление «добивается одномоментного установления многочисленных связей ... сразу в нескольких смысловых плоскостях, чем достигается многозначность образа в многомерном контексте». Все это мешает осознанию и логическому упорядочиванию информации. Однако при этом мир воспринимается непосредственно, в его «цельности и противоречивости» [130, с. 58 – 59]. По характе-

ристике Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной, правое полушарие – образно, целостно (холично), интуитивно [41]. Важным показателем доминантности правополушарного мышления является сохранение иероглифической письменности в странах Восточной Азии [173].

Таким образом, восточный ум – синтетичный, несистематичный, догматический, интуитивный, аффективный, субъективный, духовно индивидуалистический, социально-групповой. Для него характерны: доминирование правого полушария с опорой на целостные представления, контекст-зависимость; усреднение – концентрация на сравнении, поиске общих черт; преобладание индукции, конкретный тип мышления; нелинейность мышления – предпочтение свободных, неструктурированных ситуаций, рефлексивность [89].

Итак, для восточного (дальневосточного), основанного на синкретичных восточных религиях менталитета характерным является следующий познавательный стиль: интровертная интуиция (эта функция присутствует в стилях всех рассматриваемых цивилизаций). Слабое развитие мыслительной функции – неясность, нечеткость, синкретичность мышления – позволяет сделать вывод о значимости чувствующей функции, что подтверждается такими ценностями и чертами характера, как этика, мораль, гармония, сдержанность, терпимость и бесконфликтность. Таким образом, чувствующая функция также достаточно хорошо управляема.

III. 4. Китайская цивилизация

История формирования и характеристика менталитета китайской цивилизации

Китай – третья по величине страна в мире. Она граничит с Тибетом и Гималаями на западе, омывается морями на востоке. Китай – страна многонациональная, на ее территории проживает 56 различных национальностей и народностей. Наиболее многочисленны китайцы, которые составляют более 90% всего населения. По антропологическим признакам китайцы относятся к восточноазиатской группе тихоокеанских монголоидов [150]. Иероглифическое письмо, единое для всех диалектов, позволяет достичь понимания между разными национальностями.

Китайская цивилизация старше западной и исламской примерно на 6 – 7 веков. Она не является прямым продолжением древнекитайской. Изменения ментальности этой цивилизации связаны с тем, что в начале I в. в Китай из Индии пришел буддизм. Сформировавшиеся под влиянием буддизма религиозные чувства китайцев характеризуются синкретизмом и представляют собой причудливый сплав конфуцианства, буддизма, даосизма и традиционных верований. В Китае власть императора считалась сакральной, он выступал в глазах народа как сын Неба.

Несмотря на мнение европейцев о стабильности и застойности китайской культуры (которое Л. Н. Гумилев объясняет консервативностью иероглифической письмен-

ности), на самом деле история Китая развивалась не менее интенсивно, чем в странах Средиземноморского бассейна. Этапы развития китайской цивилизации представлены в работе И. В. Можайской [101].

Первый период (II – X вв.) ознаменован проникновением буддизма из Индии в начале I в. прежде всего в Северный Китай. Здесь он вбирает в себя некоторые элементы конфуцианства, даосизма и пускает глубокие корни на новой земле. Во II в. оформляется в законченную религиозную систему даосизм.

Второй период (IX – XVI вв.) связан с возрождения конфуцианства. Оно еще в IX в. одерживает верх над буддизмом, а в XI в. над даосизмом.

Третий период (XVI – XX вв.) – время больших потрясений внешнеполитического и внутривнутриполитического характера, в процессе которых все старые верования трансформировались в новую социальную религию – маоизм.

Исследователи характеризуют Китай как ценностный тип общества [80]. Основным вкладом китайцев в мировую культуру является создание практической морали и социальной системы для настоящего и будущего.

Стержневой составляющей китайского менталитета являются религиозные воззрения. Говоря о характере религиозных верований китайцев, Л. С. Васильев пишет, что каждая из религиозных доктрин (конфуцианство, буддизм и даосизм) имела свое место в религиозном сознании: «Конфуцианство преобладало в сфере этики и со-

циально-семейных отношений; даосизм с его магией, метафизикой и пантеоном божеств и духов был обращен к сфере чувств и как бы компенсировал сухость и рационализм конфуцианства; буддизм заботился о замалывании грехов, рождал и поддерживал иллюзии о светлом будущем. В китайской системе ценностей присутствовало влияние всех трех религий» [16]. Действительно, конфуцианство обращалось к человеку как культурному, разумному существу; даосизм – как к существу природному, эмоциональному, инстинктивному; китайский дзен (чань) -буддизм вел к созерцанию, медитации, просветлению. Между религиями не было распрей, обнаруживался удивительный религиозный синкретизм.

Конфуцианство не могло иметь такой степени влияния на общество, как христианство на Западе, поскольку соединялось с буддизмом и даосизмом, однако именно оно определяло самые важные стороны духовного самосознания китайцев. Конфуцию, бесспорно, принадлежит первое место среди основателей китайских религий. Конфуцианство устанавливало правила жизни цивилизованного человека, и народы, лишённые этого знания, представлялись китайцам жалкими варварами.

По мнению Л.С. Васильева, конфуцианская традиция Китая характеризуется религиозной индифферентностью, акцентом на социальной этике и административно-детерминированном поведении, в ней отмечается примат жесткой нормы, догматизм, конформизм [16].

Конфуцианство не является классической религией. Оно отличается рационализмом, отсутствием трансцен-

дентного начала, приматом этико-политических и социальных проблем, хотя обрядовая сторона культов в нем тоже присутствует. Академик В. М. Алексеев рассматривает конфуцианство как форму «просвещенного атеизма» и отказывает ему в статусе религии [3, с.114]. Однако его можно было бы назвать социальной религией, включающей детальную регламентацию («десять тысяч церемоний») труда и поведения людей. Этими правилами предписывалось проявлять сыновнюю почтительность, повиноваться указаниям старших, почитать культ предков, постоянно совершенствоваться, чтить высокую мораль, не ставя ее ни в какое сравнение с низменной материальной выгодой. Особенно значим в этом учении культ долга. Конфуций также призывал к бережному отношению к живому миру, к регулярному благодарению природы [122].

Другое религиозное направление – дзен-буддизм – является одной из разновидностей буддизма. Традиционный буддизм требует ухода от чувственного мира (сансары) во имя достижения небытия (нирваны), где только и возможно соединение человека с божеством; дзен-буддизм учит, что с божеством можно соединиться в земной жизни, обнаружив его в собственном духе, собственной природе. Так, в дзен-буддизме вводится понятие «сатори» – внезапного просветления в момент сильного переживания, знаменующего обнаружение Будды в своей природе. Для дзен-буддизма характерны крайний индивидуализм, иррационализм, безразличие к окружающему, ибо верующий призван всю жизнь

стремиться лишь к слиянию с божеством, что является высшей целью его существования. Дзен-буддизм не требует исполнения культовых действий, ритуалов.

Даосизм – учение Лао-цзы (604 г. до н.э.) о Дао – всеобщем законе и абсолюте. Дао господствует везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создавал, но все происходит от него. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним – в этом смысл, цель и счастье жизни. В даосизме происходит обожествление всей природы. Даосизм устанавливал смысл отношений личности и вселенной, провозглашал необходимость очищения сердца от желаний и слияния с природой путем недеяния. С VII века в Китае создаются крупные даосские монастыри, которые стали центрами медитаций, гаданий, занятий магией, алхимией, астрологией, хиромантией, физиогномикой, геомантикой (изучением токов земли). Для даосизма характерны самоуглубление, духовное очищение при условии овладения телесностью (питание, упражнения, гимнастика), сильное мистическое начало.

В религии и философии Китая незначительна роль мистики и метафизики, здесь никогда не существовало особой границы между богом и обычным человеком, особенно после его смерти.

Китайская культура оказала большое влияние на формирование корейской и японской цивилизаций.

Для понимания мировоззрения китайцев важно учитывать то, что у них отсутствует идея первоначала, то, что в основе мира лежит определенность, субстанция, а все остальное – ее модификации. Для китайцев невозмож-

на была сама постановка вопроса о предпочтительности какой-то из «стихий» – каждой свое время. О своеобразии менталитета, сформировавшегося под влиянием даосизма, можно судить из слов Лао-цзы о пути-Дао: «Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим». Дао «бесконечно и не может быть названо.... И вот называю его формой без форм, образом без существа.... Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его» [Цит. по 29, с. 55]. Таким образом, речь может идти о крайне смутном, неясном, нерасчлененном, синкретичном и туманном отражении мира или той идеи, которая характеризует сущность жизни.

В отличие от европейцев, древние китайцы верили не в хаос, а в совершенство изначальной природы, в Небесный порядок, Небесный закон, в который нельзя вторгаться, пытаться разрушить его. Недопустимо идти наперекор природе, нарушать естественность. Как об этом говорится в п. 24 «Даодэцзина»: «Кто поднялся на цыпочки, не устоит. Кто широко расставил ноги, не может идти. Кто сам себя выставляет на свет, не светится. Кто сам себя превозносит, не внушает доверия. Кто кичится умением, не достигает успеха. Того, кто сам себя возвышает, не признают. Для пребывающих в Дао – все это пустые хлопоты» [Там же, с. 105]. Для китайских мудрецов очень важным представлялось не попасть в зависимость от мира или людей и сохранить свою

внутреннюю свободу. Т. П. Григорьева приводит высказывание чаньского мастера IX в. Линьцзы: «...Не позволяйте чему-либо завладеть собой, но поднимайтесь выше, проходите мимо и будьте свободны» [Там же, с. 145].

В представлении китайцев нет ничего однонаправленного, однозначного, все одновременно и инь, и ян, и центробежно, и центростремительно, пребывает и в движении, и в покое, все взаимобращается, присутствует одно в другом. Все едино, переходит из одного состояния в другое, одного нет без другого. Следовательно, не с чем бороться, нечего преодолевать, кроме собственного несовершенства. По замечанию Т. П. Григорьевой, в Китае не было трагического мироощущения, поэтому и не было трагедии как жанра.

Этика конфуцианства оказалась главной доминантой в формировании духовного облика китайцев. Эти тенденции проявились в искусстве, литературе, архитектуре и градостроении, философии. Китайская философия кардинально отличается от западной. Есть своя специфика и у искусства. Эстетическое начало пронизывает китайское мирозерцание. Шпенглер называет это искусство импрессионистским, подчеркивая его родственность фаустовскому чувству, когда оно переходит к торжеству атеизма: «...Лежащее в основе этой живописи мироощущение ... иррелигиозно и годно только для "религии разума" [177, с. 373 - 374]. По мысли Шпенглера, китайско-японская живопись говорит о душе, несколько родственной фаустовской, с такой же безграничной протяженностью, но без притязаний на власть: «Старая

восточноазиатская живопись не ищет мгновенных чудес... Она уходит от действительности к снам наяву. Ее мастерство заключается в способности зачаровывать предметы, пробуждающие воспоминания, не будучи тем, чем они кажутся» [Там же]. Художники стремятся отразить скрытый смысл явлений, движение Вселенной, ее душу, им присуща свободная, текучая манера письма. Предмет китайской живописи – пейзажи, в которых проявляется мистическое преклонение перед необъятной и могущественной природой, обнаруживается яркость, тщательная выписанность деталей. Акцент ставится на интимном общении с природой, несущей тишину, покой, гармонию. Для живописи характерны воздушность пространства, обобщенность форм, мягкость очертаний, намеки, недосказанность, поэтические раздумья. В портретах китайские художники выделяли духовные, моральные качества человека, в отличие от западноевропейской живописи, где прежде всего отражается человеческая индивидуальность. Китайская поэзия характеризуется лиричностью, образностью, немногословием, постоянством тем [81]. Мир китайских классических романов – это мир фантазий, оказывающихся на поверку назидательными аллегориями. В. В. Малявин пишет, что китайские скульпторы не искали внешнего сходства своей модели с реальным прототипом: правда искусства удостоверялась сердцем мастера. Европейское искусство они воспринимали как бездуховное ремесленничество. Китайское искусство стремилось отразить жизнь внутреннюю, возвышенную. Однако в нем присутствуют и «экспрессивная

графика, вкус к гротеску и тонкое чувство стильного жеста» [95, с. 201]. Автор характеризует искусство Китая как «интуицию пустотной структуры», которая «выражалась в образах тумана, облачной дымки, полупрозрачных испарений, ... мир, подернутый дымкой, ... мир снов и пророческих видений, ... галлюцинации, метафоры безвестной истины, призванные открыть великое в малом, потаенное – в очевидном...» [Там же, с. 203 – 204]. Таким образом, натуралистическому правдоподобию европейской живописи противопоставлен иллюзорный характер китайской живописи. Человек понимается этой культурой не как мера, а как глубина вещей.

Итак, как уже отмечалось, среди всех религий Китая доминирует конфуцианство в форме традиционных семейно-родовых обрядов, которые, по утверждению Конфуция, важны сами по себе. Строгое, дотошное исполнение культа предков породило сложный китайский церемониал. Ритуалы в Китае – это особая модель человеческой социальности. Считается, что они обязательно будут иметь последствия в материальном мире.

Для китайцев исключительно важно соответствовать общепринятым стандартам, поэтому они проявляют негативное отношение к «неприличным разговорам», «шуткам», эротическим фильмам. Е. Л. Лукьянова в своем исследовании установила, что механизм вытеснения выражен у китайцев сильнее, чем у русских. У этого

народа преобладают интрапунитивные реакции (типа «извините», «простите»).

По характеристике В.В. Малявина [95], китайцы мало-прихотливы, ориентированы на довольство минимумом в условиях повседневной реальности, приучены радоваться тому, что есть, полагая, что счастье зависит не от внешних обстоятельств, а от них самих. Считают, что моральное должно преобладать над материальным. Однако при этом у них ярко выражена страсть к торговле, готовность экономить, постепенно расширяя свой бизнес. Высоко ценится все рациональное, то, что может принести какую-либо ощутимую выгоду.

Для китайской ментальности характерно настойчивое утверждение скромности и бескорыстия в качестве едва ли не высших человеческих добродетелей. Считается, что необходимо все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя. Предписывается также постоянное усилие нравственной воли по «превозмоганию себя». Однако все это важно для сохранения социального «лица» (т.к. личность – это прежде всего лицо). При этом «китайские мыслители всегда были склонны полагать, что «убить разбойника (того, кто отрекся от моральной воли в себе) – не значит убить человека» [95, с. 197]. Таким образом, В. В. Малявин выделяет в конфуцианской традиции преобладание нормативного поведения, конформизма. Ценится не индивидуальность, а социальная роль.

Для каждого китайца огромное значение имеет его репутация, его «лицо», т.е. достоинство и престиж. «Потерять лицо» считается для китайца страшным бесчестьем.

Очень важным является стремление к согласию и гармонии, как в собственной душе, так и в отношении с окружающими, избегание конфликтов. К основным китайским ценностям относятся следующие: середина и постоянство – «срединный путь», аскеза и предельная полнота бытия, развитая мораль и сознание своего единства с природой (стихийные бедствия рассматривались как отклик Неба на безнравственные поступки людей). Считается необходимым «очистить», или «убрать» свое субъективное «я», т.е. преодолеть эгоцентризм, но при этом возможна и потеря личности (при важности сохранения «лица»). Для китайцев существует нравственная ответственность человека перед самим собой и перед обществом, воля к совершенствованию [101].

Китайцев отличает своеобразное отношение к женщине, в которой отрицается женское начало, на женщину смотрят, прежде всего, как на работницу, существует даже поговорка «женщины сильнее мужчин» [Там же]. В Китае всегда ценилось появление на свет сыновей. Публичные проявления любовных отношений между мужем и женой считаются предосудительными. Правом на развод обладает только муж, после его смерти жена не может выйти замуж. Дети воспитываются в беспрекословном подчинении старшим, родителям.

Рассмотрим *характер* китайцев. Для этого народа важен, почти священен авторитет любой власти. Каждый китаец в социальной сфере – конфуцианец, а в душе – даос. Благодаря буддизму, китайцы умеют стойко переносить трудности, страдания, невзгоды.

Е.Л. Лукьянова [93] отмечает, что у жителей Поднебесной империи имеется горделивая уверенность в своем превосходстве, убеждение в том, что все китайское лучше некитайского, которое считают «варварским». Таким же образом оцениваются и европейские «нецивилизованные» народы.

Китайцев отличает плавная речь, неторопливые движения (европейцев они считают слишком нервными и бестактными). Они настойчивы, терпеливы, хладнокровны, подчиняются нормам группы. Встречаются у них неискренность и лживость. По словам автора, китайцы нерелигиозны, больше живут разумом, чем чувствами, им присуща эмоциональная сдержанность, выдержка, спокойствие, практицизм. Они также энергичны и предприимчивы, готовы в любых условиях достичь своей цели, обладают жесткой дисциплиной.

В общении громкий разговор считается неприемлемым. В беседе лицо китайца остается беспристрастным или выражает елейность. Обычно они избегают смотреть прямо на собеседника, считая, что это неприлично. Очень вежливы, предупредительны, сочувственны, умеют поставить себя на место другого, скромны, стараются угодить собеседнику. Предпочтение отдается внешним проявлениям учтивости, обходительности, почитания и практи-

чески не учитываются чувства, эмоции и внутреннее состояние человека. При встрече с кем-либо китаец обязан показать и выразить свое глубокое уважение, должен подчеркнуть, что считает своего собеседника развитым и образованным человеком.

Итак, характеризуя китайский менталитет, отметим еще раз сильное влияние трех религий – конфуцианства, буддизма и даосизма на его формирование. Результатом этого влияния стал религиозный синкретизм, слияние, соединение этих различных учений в мировоззрении китайцев. При этом, поскольку все три религии практически лишены Бога и обращены к человеку, естественной стала нерелигиозность китайцев. В отличие от европейцев, для которых мир – это хаос, требующий активного вмешательства, изменения его, китайцы верят в Небесный порядок и изначальное совершенство природы, не мысля себе насилия над ней. В мировидении китайцев преобладают эстетическое и еще в большей степени этическое начала. Следовать указаниям старших, постоянно совершенствоваться, чтить высокую мораль, считая ее гораздо выше низменной материальной выгоды, – таковы идеалы китайцев. Наибольшее уважение вызывает не богатый и знатный, но ученый, носитель древней мудрости.

Итак, ведущими *ценностями* китайцев являются следующие: преобладание морального над материальным, гармония, этика, мудрость, достоинство, престиж (социальное «лицо»), самосовершенствование, уважение к

власти, социальная иерархия, нормативное поведение, конформность, долг, ритуал.

Основные черты *характера* китайцев – чувство превосходства, гордость, чванливость. В категории деловых качеств – это настойчивость, терпеливость, хладнокровие, энергичность, предприимчивость, дисциплинированность, стремление соответствовать стандартам, прагматизм. В общении – вежливость, предупредительность, сочувствие, скромность, учтивость, конформность, бесконфликтность, сдержанность, спокойствие. Исходя из указанных характеристик, становится возможным выделить типичный темперамент этого народа – флегматический (терпеливость, сдержанность, спокойствие и т.д.)

Познавательный стиль китайцев

По мнению английского синолога Дж. Нидэма [199], человеческое мышление развивалось двумя путями – греческим и китайским. Греческий способ мышления позволил открыть причинно-следственные связи, китайский – закон стихийной гармонии вселенной как живого организма. Т. П. Григорьева по этому поводу пишет: «Китайцы не прибегали к методу «аналитики», анализа и синтеза, которым шла научная и философская мысль Запада, а избрали путь ненарушения Единого, или целостный подход» [29, с. 189]. Итак, это целостное видение ситуации, способность прозревать «корни событий» [95].

В основе китайского мышления лежит не слово, а образ, идеограмма, иероглиф, породивший иероглифи-

ческий тип мышления: каждый знак сам по себе есть целое. А. В. Уотс [159] полагает, что письменные знаки (иероглифы) ближе к жизни, чем буквенные слова, потому что это картинки, а китайская поговорка гласит: «Один раз показать – лучше, чем сто раз объяснить». Каждый иероглиф произносится с определенной мелодией (четыре тона), поэтому многие слова, произносимые с помощью одних и тех же звуков, в зависимости от тона имеют абсолютно разные значения. Слова могут менять свой смысл, иероглифы же однозначны, как математические символы.

В китайской грамматике нет времен. В этом языке многие слова являются одновременно и глаголами, и существительными. В соответствии с китайским типом мышления, предметы одновременно являются и действиями. В. В. Малявин определяет язык китайцев как язык «наполненной пустотности» бытия, указывает, что он несводим к однозначности логических суждений. Китайцы склонны к иносказаниям и недомолвкам, к глубокомысленному безмолвию (но не молчанию): «Кто постигает смысл, забывает слова» [95, с. 182]. По мнению автора, китаец заботится о «чистом со-знании, не обремененном предметностью», о глубине «сердечного», «со-чувственного» сознания [Там же, с.183]. Итак, склонность к безостановочности, неопределенности, незавершенности, недосказанности характерна для китайского познавательного стиля, это тенденция мыслить образами, символами.

Социолог О. Пешель говорит о неспособности китайского ума вникать в смысл и внутреннюю причину явлений» [74]. А.П. Садохин дает следующую характеристику этому уму: «...Мышление китайцев можно назвать практическим, чуждым ненужным сложностям. Китаец отдает предпочтение простым интеллектуальным построениям ... редко руководствуется абстрактными принципами, его логика отличается высокой предметностью» [135, с. 142]. Обычно китайцы предпочитают теоретическим знаниям, понятиям практические рекомендации.

Китайская мысль не склонна разделять субъект и объект, сущность и явление, внутреннее и внешнее, воображаемое и действительное – все представляет собой синкретичное целое. Согласно буддизму, понятия вообще считаются вещью иллюзорной. Вероятно, такому способу познания соответствует и китайский язык – наиболее простой по своей структуре, относящийся к группе изолирующих языков.

Особое своеобразие китайской ментальности состоит в том, что для них «мысль должна быть «сердечной», пронизанной чувством, и даже более того: чем сильнее чувство, тем яснее сознание» [95, с.185]. Это понимание соответствует даосской и буддийской традиции.

В Китае очень ценится форма, ритуал как средство скрыть чувство, дисциплинировать его и даже подавить во имя долга, к которому призывают даосизм и буддизм.

Если учесть идущую от конфуцианства ориентацию китайцев на внешнее «я», на поведение в обществе, то возможен вывод об их экстравертированной направлен-

ности. Однако буддистско-даосские ценности явно соответствуют интроверсии. По данным Е. Л. Лукьяновой [93], использовавшей методику Риды, у китайцев отмечаются обе тенденции. На наш взгляд, интроверсия все же является более выраженной в познавательном стиле китайцев. Экстраверт склонен приноравливать к меняющемуся миру, китайцы же на протяжении веков сохраняют свои ценности и ритуалы, для них также важны символы. В том же исследовании преобладающими функциями китайцев оказались интуиция, мышление, чувство. Анализируя же представленный выше материал, отметим большую роль интроверсии в познавательном стиле китайцев. Об этом свидетельствует постоянное стремление китайцев к гармонии, внутреннему само совершенствованию (и внешнему недеянию), изучению своих недостатков, а также отсутствие натуралистичности в китайском искусстве, живописи (наличие подтекста).

Ведущей функцией в познавательном стиле китайцев является, несомненно, чувство. Как уже говорилось, мысль китайца пронизана чувством, она тем яснее, чем более прочувствована. Особенно подтверждается это умением быть эмоционально сдержанными, часто извиняться (интрапунитивность), избегать конфликтов, а также наличием вежливости, предупредительности, учтивости. Способность дисциплинировать и даже подавлять свои чувства – все это свидетельствует о хорошо развитой способности управления ими. По характеристике К. Юнга, интровертное чувство делает человека внешне холодным и сдержанным при глубокой внутренней

страстности. Еще одним подтверждением является то, что в основе китайского менталитета лежит конфуцианская этика (как известно, развитая этическая система характерна для чувствующих интровертов).

Второй функцией китайского познавательного стиля является интуиция, в развитие которой внесли свой вклад буддизм и даосизм. О развитой интуиции свидетельствует преобладание целостного и невербального отражения явлений, метафоричности и иносказаний, незавершенности и недосказанности в искусстве, неприхотливость в быту.

Подавленной функцией, таким образом, является мышление. Имеется достаточно указаний на слабость этой стороны познавательной деятельности китайцев: конкретность, незамысловатость, крайний синкретизм, предметно-практический характер (при почти полном отсутствии абстрактности).

Итак, китайский этнос – это интровертный чувствующий тип со вспомогательной интуитивной функцией.

III.5. Японская цивилизация

История формирования и особенности менталитета японцев

Япония – это островное государство, расположенное в Восточной Азии. Оно включает более 3000 островов, большую часть суши (80%) в Японии занимают горы.

Японская цивилизация по отношению к китайской и хронологически, и по религиозным истокам является

дочерним обществом. В Японии сформировалась совершенно новая религиозно-духовная культура, основанная на синтезе буддизма и конфуцианства, принесенных из Китая, с местной религией – синтоизмом. 90% населения являются одновременно синтоистами и буддистами. Во главе Японии стоит император (сын Неба).

В развитии японской цивилизации можно выделить несколько важных этапов [101].

Первый этап (I – V вв.) отмечен духовным влиянием традиционной религии – синтоизма. Синто означает «путь духов». Эта религия происходит из древнего культа одухотворения природы и обожествления умерших предков.

Второй этап (VII – XVI вв.) характеризовался большим влиянием на духовную жизнь Японии сначала буддизма, потом неоконфуцианства, которые были занесены из Китая.

Третий этап (XVII в. – середина XX в.) отмечен реставрацией синтоизма и традиционных форм мироприятия. Происходит возврат к традиционной системе ценностей в противовес китайским влияниям. Однако буддизм сохранился в культуре. Регулярное посещение синтоистских и буддийских храмов было вменено в обязанность. Традиционно японцы считали свою страну центром Вселенной и полагали, что она стоит выше других стран мира.

Четвертый этап продолжается со времени окончания Второй мировой войны по настоящее время. Происходит закат синтоизма как государственной идеологии, воспи-

тавшей милитаризм и национализм, культ императора и «великой Японии». Традиционное буддийско-конфуцианское и синтоистское мировоззрение утрачивает свою значимость, уступая ведущее место «японскому прагматизму». Однако в последние годы синтоизм постепенно стал восстанавливать свое влияние.

Итак, по словам И.В. Можайской, духовный мир японцев сложился в результате синтеза нескольких религий – синтоизма, буддизма и конфуцианства, причем в последнем, отличающемся чисто прагматической направленностью, не осталось даже намека на потусторонние силы бытия: «Фанатизм самураев, шедших на смерть ради чести, отличался от фанатизма воинов ислама, умиравших во имя веры, так как ни в синтоизме, ни в буддизме концепции вечного блаженства на том свете не существовало» [101, с. 417]. В Японии произошло также сближение буддизма с синтоизмом, так что синтоистские божества стали пониматься как будды в их очередных перерождениях.

Синтоизм связан с обожествлением сил природы, душ умерших предков, животных, растений, а также гор, рек, камней и т.д. Японцы поклонялись предметам и явлениям окружающего мира не из страха перед непостижимыми и грозными стихийными силами, а из чувства благодарности к природе. Синтоистская вера воспитала в японцах чуткость к природе, умение наслаждаться ее бесконечной переменчивостью, радоваться ее многоликой красоте.

Итак, в синтоизме существует культ предков, считается, что их души превращаются в «ками» (духи, боги). Синтоистский пантеон состоит из миллиона «ками», между которыми существует определенная иерархия. Здесь нет границ между богами и людьми. Устанавливается божественность императорской власти, фигуры правителя и безусловное повиновение императору. Синтоисты верят в магию, у них отсутствует миф о творце. Синтоизм обращен к земной жизни. Его ритуалы сопровождают земные события – свадьбу, рождение; а похороны, поминовение осуществляются по буддийским канонам. В священной книге синто нет каких-либо нравственных заповедей, норм праведного поведения или предостережений против грехов. Из-за отсутствия этического учения синто трудно назвать религией. Это набор поверий, обычаев, примет и обрядов. Единственная цель синто – укоренить верность издавна установившемуся образу жизни [71]. К тому же синто не требует от верующего ежедневных молитв – достаточно лишь присутствия на храмовых праздниках и приношений за исполнение обрядов. В быту же исповедующие синто проявляют себя лишь религиозным отношением к чистоте. Поскольку грязь отождествляется у них со злом, очищение служит основой всех обрядов. Синто в Японии всегда было религией простолюдинов.

Дзен-буддизм характеризует мистическое самоуглубление и внеразумное постижение истины. Приверженцы дзен-буддизма не доверяют слову и тексту как форме передачи высшей истины и логическому мышлению как

способу ее постижения, т.к. достичь «сатори» (просветления) можно лишь путем мистического созерцания.

Дзен-буддизм в Японии способствовал воспитанию чувства прекрасного. В отличие от китайского и индийского, японский буддизм характеризуется тенденцией к гедонизму, получению удовольствий и радостей жизни. Восхищение и наслаждение красотой бытия, с одной стороны, и стремление к строгости и самоограничению – с другой, создает особую эстетику. Для японцев характерно умение найти прекрасное в обыденном, в каждом явлении природы. Природа считалась тем объектом, через который могло быть выражено самое сильное человеческое чувство и глубокая мысль. Поклонение красоте превратилось у японцев в своего рода религиозный культ. Они находят прекрасное в живописном расположении камней, эстетике дерева, свете луны, аранжировке цветов, искусстве чайной церемонии. Не случайно период цветения японской вишни – сакуры – считается национальным праздником, и самый разгар его приходится на день рождения Будды [101].

Что касается даосизма, то он в Японии не укрепился, однако способствовал распространению принципов даосской магии – гадания, заклинания, талисманов. На нем основаны приемы китайской медицины.

Конфуцианство здесь также имело свою специфику. Как в японской, так и в китайской культуре преобладала ориентация на мир земной, конфуцианская этика говорила о достойной смерти и высоком месте в памяти живых.

Обусловленный конфуцианством конформизм был здесь значительно слабее, чем в Китае.

Сочетание трех религий (без Бога) породило такие качества личности, как дисциплинированность и почитание коллективистских начал.

Буддизм, по характеристике И.А. Ильина [59], есть религия жизнеотвержения и аскезы. Он способствовал развитию самообладания, сдержанности, умеренности и воздержания. Со школьной скамьи японцы усваивают следующие правила: 1) примирайся с ситуацией, какой бы она ни была; 2) находи возможность соблюдать установленные правила; 3) ограничивай себя в развлечениях; 4) причиной несчастья считай самого себя. В характере японцев ярко обозначился фатализм, ощущение предрешенности. Во время различных бедствий они предпочитают придерживаться позиции смирения, пассивного выжидания, когда «все пройдет само собой» [16]. Буддизм является религией знати. Синто и буддизм трудно совместимы. С одной стороны, примитивный языческий культ обожествления природы и почитания предков; с другой – вполне сложившееся вероучение с глубокой философией. Тем не менее, эти столь несхожие религии мирно ужились и продолжают существовать [111]. Синто наделил японцев чуткостью к природной красоте, чистоплотностью. Буддизм окрасил своей философией японское искусство, укрепил в народе врожденную стойкость к превратностям судьбы. Наконец, конфуцианство принесло с собой идею о том, что основа морали – это долг признательности старшим и вышестоящим. По

словам В. В. Овчинникова [Там же], обиходные молитвы японцев сводятся к трем фразам: «Да минуют болезни. Да сохранится покой в семье. Да будет удача в делах».

Итак, японцы, как и китайцы, народ мало религиозный. Но если китайцам религию во многом заменяет этика, то есть нормы взаимоотношений между людьми, то у японцев в подобной роли выступает эстетика – поклонение прекрасному.

Важное понятие, характеризующее японскую ментальность, – это *uprooted* – имеющий корни. Японцы представляли мир не как творение, а как – *произрастание*. Все вырастает из корня. «Оторваться от корня» значит погибнуть, потерять связь с прошлым и будущим, с природой, с другими людьми, с самим собой [29, с.185]. Таким образом, укорененность в традициях своей культуры – характерная черта менталитета Японии.

Как уже говорилось, для японцев характерно эстетическое отношение к жизни, что не могло не отразиться в искусстве. По мнению многих исследователей, японское искусство отличается особой одухотворенностью, способностью к эстетизации самых незначительных природных событий и перемен. Влияние дзен-буддизма можно обнаружить в жанре японской поэзии – хайку, живописи и керамике, театре, боевых искусствах, чайной церемонии и икебанае.

В Японии существует особая культура восприятия искусства, основанная на поэтико-метафорическом мышлении, позволяющая раскрыть внутренний смысл произ-

ведения через образ-символ, образ-знак. Художниками изображается красота бедности, суровая простота и одновременно изысканность, прелесть старины, не выразимая словами истина.

В.В. Овчинников отмечает, что в отличие от западной литературы, где в конце концов всякое добро вознаграждается, в японской отсутствуют подобные концовки, и произведения кажутся иностранцам незавершенными. Японцев волнует в искусстве тема человека, который жертвует чем-то дорогим ради чего-то более важного. Поэтому излюбленный сюжет у них – столкновение долга чести или верности государству с верностью семье. Счастливые концовки в таких случаях вообще необязательны, а трагические воспринимаются как светлые, ибо утверждают силу воли людей, которые выполняют свой долг любой ценой.

Т.П. Григорьева [30] обнаруживает в японской литературе авторскую безучастность, стремление изображать вещи, как они есть, не внося ничего от себя, так что описания не содержат оценок. Все это объясняют буддийским отношением к миру как несуществующему, иллюзорному. Так, традиционная форма японской поэзии – хайку, содержащая всего три строки, представляет собой не описание чувств, а лишь намек на них. Содержание же этих стихов неисчерпаемо, оно включает скрытые смыслы, открывающиеся в момент мгновенного озарения. Эта предельно сжатая форма способна нести в себе поистине бездонный подтекст. Такое искусство свидетельствует о развитом подсоз-

нательном начале, о способности слиться с окружающим миром. Это, действительно, культ красоты, обостренное чувство гармонии, художественный вкус.

Жажда общения с природой так сильна, что предметом ее может быть и травинка, на которой обосновался кузнечик, и полураскрывшийся полевой цветок, и причудливо изогнутый корень – словом, все, что служит окном в бесконечное разнообразие и изменчивость мира [111, с.29]. Превыше всего ценится естественность. Если пафос китайского искусства утверждает всемогущество человеческих рук, то японский художник не диктует свою волю материалу, а лишь выявляет красоту, заложенную в нем природой [Там же]. Японцы ценят сакуру, полевые цветы, безымянные травы, замшелые камни, карликовые кривые деревья. Японцы умеют отрешиться от суеты и найти душевный покой в созерцании природы.

Сюжетами японской живописи являются утренние и сумеречные состояния, заснеженная природа, при этом используются мягкие, приглушенные тона. Для искусства характерна поэтизация изменчивости, недолговечности, что связано с влиянием дзен. Японское искусство пытается быть красноречивым на языке недомолвок. Японец умеет видеть на картине неизмеримо больше того, что на ней изображено. Он склонен находить красоту в асимметричности и незавершенности декоративных элементов, в нарушенной равновесии, которое олицетворяет для него мир живой и подвижный.

Таков и театр Ноо, где все пьесы играют на фоне одной и той же декорации в виде одинокой сосны и где

каждое движение актера строго предписано и стилизовано. Во всем проявляется сознательная недосказанность, отражающая не бедность ума или недостаток воображения, а творческий прием, который уводит человека гораздо дальше конкретного образа.

Японский язык относится к языкам агглютинативного строя. Т. Стефаненко отмечает высокую зависимость коммуникации от контекста, расплывчатость и неконкретность речи, изобилие некатегоричных форм высказывания, слов типа «может быть», «вероятно» и т.п. «Так, японцам соблюдать вежливость и сохранять гармонию межличностных отношений помогает сам строй родного языка, в котором глагол стоит в конце фразы: говорящий, увидевший реакцию на свои первые слова, имеет возможность смягчить фразу или даже полностью изменить ее первоначальный смысл. Японец старается говорить так, чтобы избежать слова “нет”, вместо этого он использует мягкие обороты-отрицания» [145, с.156].

Семейная жизнь также имеет свою специфику. Японские девушки находятся в послушании у родителей, затем – мужа, еще позже – у выросших детей. Общепринятыми являются верность мужу, строгие семейные нравы (хотя при этом существует и институт гейш – японских гетер). У мужчин отмечают недостаток целомудренной воздержанности. Детей в Японии балуют. Им, особенно мальчикам, почти никогда ничего не запрещают. До школьных лет ребенок делает все, что ему заблагорассудится. В школьные годы ребенок познает

первые ограничения, начинает опасаться «потерять лицо», учится подавлять в себе порывы, которые прежде выражал свободно. Воспитание японского ребенка основано на положении: «если ты будешь вести себя неподобающим образом, все станут над тобой смеяться, все отвернутся от тебя». [111, с.86].

Японский дом – очень самобытное сооружение, в нем отсутствует мебель и украшения, но обязательно в нише висит свиток с каким-нибудь изображением, а под ним ваза с цветами. Японцы любят перемены: в доме стены подвижны, комнаты могут менять назначение, украшения не являются постоянными. Но главное, суть остаются постоянными. В этом проявляется гибкость и одновременно стойкость японской души.

Обратимся к *характеру* японцев. Для духовной жизни японца характерен «культ личности», т.е. личностная связь и служение человеку, который является для него авторитетом. В кодекс самурайской чести входит обостренное чувство достоинства, мужество, верность, культ самоубийства во имя чести и долга, философия фатализма в сочетании с фанатичной преданностью патрону или фирме.

В межличностных отношениях японцев проявляются стремление к упорядоченности, следование определенным нормам общежития, совершение поступков с учетом интересов других, бескорыстное уважение вышестоящих и старших. Японцы полагают, что успех в жизни зависит от вежливости [104]. Японская вежливость – это прежде всего проявление высокой культуры человеческих взаимоотно-

шений, взаимное стремление людей при любых контактах не задевать самолюбия друг друга. Это качество не связано с понятием греха (как на Западе), а сложилось на основе феодального этикета.

Учтивость японцев проявляется в том, что смысл фраз преднамеренно затуманивается оговорками, при этом выражается неопределенность, сомнение в правоте сказанного, готовность согласиться с возражениями. Т. Стефаненко утверждает, что в деловых взаимоотношениях японцы обычно ведут разговор «вокруг да около», долго рассуждая обо всем, только не об основном предмете дискуссии. Эта стратегия позволяет им лучше узнавать о намерениях партнеров, чтобы либо подладиться к ним, либо противостоять, не уронив при этом достоинства противоположной стороны [145]. В. В. Овчинников [111] показывает, что японцев из поколения в поколение приучали говорить обиняками, чтобы уклоняться от открытого столкновения мнений. Учтивость означает также умение скрывать свое душевное состояние или даже выражать прямо противоположные чувства, чтобы не возлагать свои заботы на собеседника, не высказывать избыток радости, когда другой человек чем-то расстроен. Японцев с детства учат не расстраивать своими переживаниями окружающих, так что, испытывая глубокое горе от смерти близких, они сообщают об этом с улыбкой. Практически все наблюдатели отмечают, что у жителей страны восходящего солнца, «как правило, спокойное, безмятежное выражение лица, независимо от

внутренних ... эмоций», которые они стремятся скрывать, пряча под маской [125, с.200].

Итак, ради учтивости обуздываются, подавляются эмоции. Эта черта воспринимается порой как недостаток искренности, правдивости и даже коварство. Б. Пильняк также поражается, что японцы не говорят «нет»: когда надо произнести это слово, они не понимают или не слышат собеседника [121]. Таким образом, вежливость речи ценится выше ее доходчивости. В результате высшим средством общения становится молчание [133]. По словам В. В. Овчинникова, возможно, такой добровольный отказ японцев от откровенной беседы привел к развитию интуиции: «Японец чутко улавливает настроение собеседника, его невысказанные мысли... В условиях, когда язык как средство общения оказался скован этикетом, японцы преуспели в умении понимать друг друга без слов» [111, с. 94].

В общении очень важным для японца является взгляд, глаза говорят в той же мере, что и язык. Именно встретив взгляд другого человека, японец понимает движения его души и может на ходу перестроить свое вербальное поведение. В Японии не принято смотреть прямо в глаза друг другу: женщины не смотрят в глаза мужчинам, а мужчины – женщинам, японский оратор смотрит обычно куда-то вбок, а подчиненный, выслушивая разговор начальника, опускает глаза и улыбается [145].

Обычно японцы избегают одиночества, тем не менее они не могут легко и свободно сходитьсь с людьми. Дружеские связи между лицами разного возраста, поло-

жения, социальной принадлежности здесь крайне редки. Круг тех, с кем японец сохраняет общение на протяжении всей жизни, весьма ограничен – это родственники, одноклассники, сослуживцы одного с ним ранга.

Японцам присущи такие черты, как аккуратность, бережливость, терпеливость, усердие, самообладание, покорность власти. Главный принцип – выполнение обязанностей. В японском обществе существует строгая социальная иерархия. Молодому и способному невозможно занять место начальника, пока тот не уйдет на пенсию или не будет повышен в должности. Таким образом, исчезает опасность потери должности, нет угрозы «подсидивания», что улучшает атмосферу в коллективе: все выполняют общее дело. Скромность, стремление не выделяться, готовность идти на уступки – основные добродетели. Главное – благосостояние группы. Строгое следование определенному порядку, групповой конформизм – все это отличает японцев. С детства японцев приучают подчинять свое «я» интересам группы. Смысл конфуцианской морали усвоен японцами в виде следующего изречения: «отношения между старшим и младшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склоняться, если подует ветер» [125, с. 37]. Когда японец говорит о неразберихе, он выражает ее словами: «ни старшего, ни младшего» [111, с. 60].

Японский характер очень мягок и податлив, но одновременно стоек. Кажущаяся податливость японской натуры подобна приемам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, чтобы оставаться самим собой.

В последнее время в жизни японцев почти исчезла мистика, и, наоборот, усилились практичность, целесообразность, трезвый подход к жизни. Проявляются авторитаризм, формализм, бюрократизм.

Доминирующей чертой японского национального характера является этноцентризм, обусловленный оторванностью от континентальных цивилизаций. Это порождает стремление к замкнутости, к сохранению традиций. Однако японцы способны чисто прагматически заимствовать опыт других культур. Сильно чувство национальной гордости и достоинства.

В.А. Пронников, И.Д. Ладанов называют следующие особенности японцев: склонность к самоанализу, оптимизм и чувство юмора, элегантность и изящество, изысканность и чувствительность, чистота и простодушие, учтивость и вежливость, умеренность и великодушие. Еще одна черта – «зависимость от благожелательности других» [111, с. 20].

Японцам присущи самообладание, понимание, что нельзя желать большего, чем тебе отпущено судьбой. Неприсязательность и склонность к самоуглублению как черты национального характера отражаются и в специальных исследованиях. Так, по данным Т. Стефаненко, японцы приписывают неудачам внутренние причины, а успехам – внешние [145].

Исследователи Японии – П.Ю. Шмидт и др. [176] – отмечают присущие этому народу кропотливый труд, аккуратность и расчетливость до крайности, мягкость манер, вежливость и деликатность, а также мелочность,

практическую складку, отсутствие высоких идеальных порывов и безразличное отношение к вопросам духа. Г. Востоков выделяет сдержанность в проявлении чувств: «Выражать при посторонних сильную радость, печаль или страх считается у них неприличным. Это придает в глазах некоторых поведению японцев характер фальши». Автор подчеркивает «артистичность натуры» японцев, «отсутствие чувства личности», быструю восприимчивость ко всему новому, передовому, их трудолюбие и настойчивость [Там же, с. 24]. В. А. Пронников, И. Д. Ладанов также выделяют трудолюбие японцев, говоря, что они отдаются труду самозабвенно, с наслаждением [125].

Б. Пильняк находит разительное отличие японцев от европейцев в таком качестве, как «развеществленность», т.е. отсутствие зависимости от вещей. Автор заключает, что никогда человек Запада не проникнет в душу японца [125].

Японцы очень эмоциональны, склонны смотреть на все с точки зрения личного переживания. Они во всем видят смысл, уходящий корнями в далекую древность. По мнению исследователей [125], Япония – это устойчивая, но в то же время «открытая» (для иноземных влияний) система культуры. Противоречивыми и взаимоисключающими качествами японцев, по мнению И. Клемента, являются скромность и самонадеянность: «Их язык, нравы, обычаи воплощают идею самоуничтожения, в то время как их умы полны чрезмерным тщеславием – личным и национальным» [Цит. по 111, с. 201].

И. Кавасаки [61] пишет о том, что японцы слывут исключительно чистоплотным народом, но это их свойство резко обрывается за порогом их жилищ.

Многие исследователи отмечают высокую степень грамотности, образованности, просвещенности японцев.

И. Мацухара [98] обращает внимание на склонность мало ценить время вне деловой жизни, легкое отношение к деньгам, простодушие и сентиментальность и в целом артистический характер японцев, ставящих искусство выше науки.

Любопытно замечание К.Р. Стрэттона [146] о сходстве китайцев с немцами, а японцев с итальянцами. Последние отличаются смешением расчетливости и безалаберности, смешливостью и легкомыслием, отсутствием страха смерти, артистичностью, художественным темпераментом. Правда, японцы еще и коварны, мстительны и хитры. А вот Ф. Марайни [96] обращает внимание на противоположность характеров американцев и японцев: у американцев – пуританские традиции, практичность, равнодушные к искусству и духовным ценностям; у японцев – язычество, зависимость от настроения и обстоятельств, чуткость к красоте и духовным ценностям. Американцы готовы разрубить гордиев узел, японцы – скрыть его из виду. С точки зрения американцев, японцы не пунктуальны, им не хватает собранности. Они также не любят подчинять душевные порывы голосу рассудка. В представлении же японцев мелочность, а тем более скарედность, – едва ли не главный из пороков. При всей необыкновенной вежливости у японцев нет угодливости и

подобострастия. Японец не станет пресмыкаться перед обладателем тугого кошелька. В. В. Овчинников подчеркивает, что японцев отличает не просто честность, а высокая моральная чистоплотность в отношении к деньгам.

Заканчивая описание японского менталитета, важно выделить то, что он формировался под влиянием буддизма и синтоизма, а также конфуцианства. Как и у китайцев, эти религиозные учения образовали симбиоз, однако в нем проявилась национальная специфика. Указанные религии можно отнести к язычеству, поскольку для них характерны обожествление природы и поклонение ей, отсутствие границы между людьми и богами, а синтоизм – традиционную японскую религию – можно рассматривать как этическое учение. Стержневой характеристикой японской ментальности является религиозное поклонение красоте, благодарность природе. Таким образом, ведущие *ценности* представляют собой следующий ряд: красота, живая и неживая природа, традиции («корни»), социальная иерархия, уважение и покорность власти (старшим и вышестоящим), честь, долг, этикет, коллективизм, достойная смерть и память, «развеществленность», национальная гордость. Эти ценности значительно отличаются от европейских. И если стремление к красоте и одновременно к самоограничению у японцев исследователи называют гедонизмом, то это совсем не то же самое, что стремление к счастью и удовольствию у европейцев. Аналогично то, что в отношении японцев обозначено как ориентация на земное, т.е. забота о достойной смерти и сохранении

памяти об умершем, невозможно сопоставить с ориентацией на успех, благосостояние, самореализацию и самопрезентацию в западной цивилизации. Итак, по характеру своей ментальности японская цивилизация явно не вписывается в рамки эвдемонической культуры

Выделим далее основные черты *характера* японцев: в отношении к деятельности – это аккуратность, дисциплинированность, бережливость, усердие, трудолюбие, терпеливость, крайняя честность; в отношении к людям – необычайная вежливость, уступчивость, учет интересов других, великодушие, мягкость в соединении со стойкостью, готовность к самопожертвованию, преданность патрону вплоть до смерти. Для японцев характерны скромность, простота, скрытность, самообладание, смирение и самоограничение, достоинство, оптимизм, умеренность в притязаниях, великодушие и многие другие качества. Таким образом, от большинства европейцев японцев отличают отсутствие конкурентности и особая чуткость в отношениях с людьми, самоуглубленность, сдержанность, аскетизм.

Познавательный стиль японцев

Как отмечает И.В. Можайскова [101], для мышления японцев характерны любовь к конкретным знаниям, более образно-эмоциональное, конкретное (как и у китайцев) восприятие мира по сравнению с европейцами (большее развитие правого полушария). Соответственно, они не любят абстракции. Это связано с особенностями языка и письменности.

Когда европейцы пытаются проникнуть в суть явления, они прибегают к абстрагированию, отходят от предмета, стараются посмотреть на него со стороны, используют его на практике. Японцы же применяют метод «вхождения», заимствованный у китайцев, они пытаются найти связь нового со старым, знакомым, вспомнить что-нибудь похожее, ранее встречавшееся, и в сравнении с ним объяснить смысл и значение нового. Японская логика мышления основывается скорее на обстоятельствах, чем на заданных принципах, и принимает все то, что имеет практическую ценность [125]. Вот несколько примеров из трактата Сунь-цзы о военном искусстве: «Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу»; «Мощь – это как бы натягивание лука, рассчитанность удара – это как бы пуск стрелы» [73, с. 31] Такой тип конкретного мышления в Японии прослеживается как в науке и искусстве, так и в повседневной жизни.

Подобное практическое наблюдение подтверждается и научными данными. Согласно результатам исследования В. В. Сидоровой [139], японская культура способствует образному кодированию преимущественно с активным участием предметного мира. Наиболее частой стратегией построения образа в сознании представителей японской культуры является «предметное интуирование», при котором предмет пропитывается оттенками смыслов и чувств (мышление внутри предмета, через предмет), выступая хранителем информации и ключом к пониманию. Итак, японцы движутся от предмета – к образу и далее – к интуиции, при этом актуализируются

смыслы, чувства. Задача состоит в том, чтобы увидеть предмет изнутри, «стать им».

Речь японца не конкретна, исключительно большим весом обладает подтекст. «В нас заложена привычка опасаться четких форм выражения», – говорит японский лингвист Э. Ивабути [Цит. по 104, с. 59].

В работе японского ученого Макото Кикухи [196] показано, что японской культуре не свойственно жесткое разделение на «белое» и «черное», будь то восприятие природы или отношения между людьми. Автор утверждает, что японский язык более пригоден для поэзии: он выражает содержание с помощью аналогий, ориентирован на чувства. Исходя из этого, В. С. Ротенберг и В. В. Аршавский полагают, что такое образное мышление связано с повышенной активностью правого полушария. Это означает также, что по уровню творческой потенции японцы, по-видимому, в среднем превосходят европейцев и американцев [128, 129].

В.А. Пронников, И.Д. Ладанов также приходят к выводу, что японцы любят все конкретное, образное и отвергают абстракции. Решая те или иные задачи, японцы действуют на основе своего предыдущего опыта, а не путем абстрактных построений. Сталкиваясь со сложными ситуациями, они подходят к их решению с утилитарных позиций, принимая то, что имеет практическую ценность [125].

Для японского мышления характерен синкретизм, единство субъекта и объекта: «Маленькая рыбка сказала морской королеве: “Я постоянно слышу о море, но что такое море, где оно – я не знаю”. Морская королева

ответила: “Ты живешь, движешься, обитаешь в море. Море и вне тебя, и в тебе самой. Ты рождена морем, и море поглотит тебя после смерти. Море есть бытие твое”» [51, с. 55 – 56].

Т.П. Григорьева добавляет также, что японцы не противопоставляют большое малому, для них количественные различия не имеют значения (вьюнок живет один день, сосна – несколько столетий, но они в равной мере переживают свое Дао). Когда спрашивают: «Что такое подлинная природа Будды?», – мастер мгновенно отвечает: «Ветка цветущей сливы» или «Кишарис в саду» [30, с. 133]. Таким образом, это не линейный, не последовательный тип связей, где одно вытекает из другого, а одновременный, целостный их характер. В стихотворении японского поэта Басё говорится: «Глядя на луну, я становлюсь луною ... Луна, на которую я смотрю, становится мною». То есть это преобладание синтеза, отражается целостный человек, целостный мир. Восприятие образное, несловесное, похожее на детское. Слово до конца не может выразить мысль, т.к. по природе своей оно статично.

Итак, не рассудочное восприятие, а сердечная отзывчивость – таков познавательный стиль японцев. Восприятие мира целостное, орган познания не столько рассудок, сколько сердце, интуиция [29]. Таким образом, это – знание сердца. В.В. Овчинников отмечает, что в своих поступках японец чаще руководствуется интуицией, чем логикой.

Мышление японцев не соответствует причинно-следственному порядку. Это не линейная цепочка, а соединение образов по вертикали, цикличность, круговорот времени (Цветы – весной, кукушка – летом...). Здесь действует не закон причинности, а закон относительности. Символ бытия для японцев – круг «инь – янь» – двуединство природы вещей, способность перетекать друг в друга, осуществлять движение по кругу.

Для образа нет внутреннего и внешнего, это всегда нечто цельное, воздействующее непосредственно на органы чувств, на мышление, на сердце. Эта цельность заключается в особенном чувстве красоты, которая постигается интуитивно, бессознательно. Как пишет японский поэт М. Санэтомо:

Этот мир земной –
Отраженное в зеркале
Марево теней.
Есть, но не скажешь, что есть.
Нет, но не скажешь, что нет.

Итак, образ мира японцев расплывчатый, неконкретный, нечеткий, сливается реальное и воображаемое, здесь все едино, все имеет значение.

Японский *язык* относится к группе агглютинативных языков. Он более сложен, чем китайский, но уступает по своей грамматической структуре и дифференцированности европейским языкам.

Подведем итог всему сказанному. Во-первых, японский менталитет во многом определяется преобладанием интровертированной установки. Об этом свиде-

тельствуют не только сдержанность и закрытость в общении, но и обусловленные буддизмом самоуглубление, жизнеотвержение, аскеза, самоограничение, а также склонность к молчанию, недосказанности. Подтверждением этой мысли является и обращенность к прошлому и будущему, ценность традиций, старины и важность достойного умирания. Для японца не характерно стремление к впечатлениям, жизненным удовольствиям (кроме удовольствия от красоты – тоже неяркой, неброской).

Анализ изложенного материала свидетельствует о преобладании интуитивной функции в познавательном стиле японцев. Многие признаки говорят об этом: мистическое самоуглубление и внеразумное постижение истины в дзен-буддизме, безоценочный характер отражения (интуиция – иррациональная функция), незавершенность и одухотворенность образов в искусстве, расплывчатость и нечеткость речи, недосказанность, движение от предмета к образу и интуиции в познании, уход от конкретного образа, стремление постичь скрытые смыслы, отсутствие четких границ, критериев (перетекание одного в другое), использование аналогий, метафор, символов, иносказаний, большая роль подтекста, целостный характер отражения и т. д.).

О том, что ощущающая функция при этом является подчиненной, свидетельствуют простота и неприязательность японского жилища, «развеществленность», одухотворенность того, что считается прекрасным. В качестве компенсации этой функции может рассмат-

риваться признание того, что грязь, нечистота являются грехом (а то, что чистота заканчивается за порогом жилища, еще раз подтверждает тот факт, что это не полноценная чувствующая функция, а лишь ее эрзац). Юнг указывал, что для интуитивного экстраверта характерна подавленность ощущений, проявляющаяся порой в их неумеренности, чрезмерности. Это согласуется с приведенными данными о нецеломудрии и крайней невоздержанности японских мужчин.

Второй функцией в познавательном стиле японцев является чувство. Это необычайная вежливость, сдержанность, умеренность чувств и некатегоричность суждений (отсутствие «да» и «нет»), расплывчатые словесные формулировки с целью не обидеть, избежать конфликтов, этикет как высокая культура человеческих отношений, умение скрывать свои эмоциональные состояния, обуздывать эмоции. Исследователями отмечена также склонность японцев смотреть на все с точки зрения личного переживания. Как уже говорилось, японцы отражают мир не логическим путем, а через интуицию и чувства, происходящее становится для них тем яснее, чем более коснулось содержания сердечной сферы. Итак, налицо развитая способность управлять своими эмоциями и чувствами. Все это подтверждается и относительной «слабостью» мыслительной функции, лишенной абстрактности, определенности, синкретичной (подчас не разделяющей субъект и объект) и очень конкретной. Мышление японцев не устанавливает причинно-следственные связи, а рисует целостную картину,

одновременно и недифференцированно отражая весь объект и его составные части.

Интересно, что К.Р. Стрэттон [146] находит сходство Японии с Италией, тогда как сильные функции у японцев (интуиция и чувство) являются подчиненными у итальянцев (у них преобладают ощущение и мышление), и наоборот. То есть это как бы две нации – антиподы (такая же картина наблюдается и в отношении китайцев и немцев!). То есть ведущие и подчиненные функции могут при беглом взгляде проявлять себя похожим образом. В то же время Ф. Мараини противопоставляет японцев и американцев, которые противоположны по первой функции (интуиция – ощущение) и сходны по второй (чувство), говоря, что это два подхода к жизни, столь глубоко несхожие, что трудно представить более разительный контраст [96].

Итак, познавательный стиль японцев составлен интровертной интуицией и чувством.

III. 6. Индийская цивилизация

История формирования и характеристика индийского менталитета

Индия – крупное государство на полуострове Индостан. На территории ее располагаются высокие горы и долины, протекают великие реки Инд и Ганг, воды которых считаются священными. Индийская цивилизация занимает срединное положение между исламизированными обществами на Западе и конфуцианско-

буддийскими обществами на Востоке. Особенность ее состоит в том, что она почти не смешивается с окружающими культурами. Обращают на себя внимание высокие религиозно-духовные потенции Индии. Основная ее религия – индуизм, исповедуемый более 80,5 % населения. Другие религии, имеющие значительное количество последователей, – это ислам (13,4 %), христианство (2,3 %), сикхизм (1,9 %), буддизм (0,8 %) и джайнизм (0,4 %). В Индии также представлены такие религии, как иудаизм, зороастризм, бахаи и другие. Среди аборигенного населения, которое составляет 8,1 %, распространён анимизм.

В VI – V вв. до н.э. в Индии господствовал буддизм, а в I тысячелетии до н.э. – брахманизм, признававший трех главных богов: Брахму, Шиву, Вишну, а также буддизм (VI – V в. до н.э.).

Собственно индийская цивилизация возникает с I века н.э., в ее развитии выделяют несколько периодов [101].

Первый период (I – XII вв. н.э.) – в его начале отмечаются иноплеменное завоевание с установлением имперской государственности и кризис буддизма, время канонизации священных книг буддизма и одновременно фиксации индуистских священных писаний. Происходит возрождение брахманизма.

Второй период (XII – XVII вв.) начался после мусульманского завоевания в XII – XIII вв. Персы вторглись в пределы Индии, наступило столетнее господство Великих Моголов. Но к XVIII в. Индия возвращается к традиционной государственной бесформенности. Ислам нетерпимо

относился к идолопоклонству, для индуистов был неприемлем монотеизм ислама и принцип равенства людей перед Аллахом.

Третий период (XIX – середина XX вв.) характеризуется духовной и политической борьбой за независимость и самобытную культуру, апеллированием к религиозным чувствам масс, своими корнями уходящим в индуистскую религиозно-духовную почву.

Четвертый период (середина XX в. – до наших дней) – в это время в индийской общественной мысли происходит реставрация неоиндуизма, и гандизм соединяет культурные, политические и экономические доктрины с религиозно-нравственными началами индуизма.

Индо-буддийская традиция делает акцент на религиозно детерминированном индивидуальном поведении, ей свойственна социально-политическая индифферентность, религиозная терпимость, крайняя жесткость общей структуры.

Во всех религиозных учениях этой цивилизации присутствует понятие *дхарма* (санскрит – закон, порядок, долг, справедливость, природа и т.д.). Это моральный закон, нравственное установление, долг. Во всех культурах индуизма есть общее – это особое нравственное учение о реинкарнации, перевоплощении душ (сансара – непрерывное колесо перевоплощений), по которому душа человека после его смерти воплощается в новую телесную оболочку – растения, животного или человека.

Определяющей при этом является мысль о неуничтожаемости сущего, и потому смерть не несет в себе чего-то противоестественного. Понятие сансары включает в себя идею родственности всего живого и перехода между его формами, о безусловном единстве человека и всего живого. Отсюда доминирующее нравственное правило индуизма (как буддизма и джайнизма) – непричинение вреда живому, а также присутствие в сознании человека кармы – воздаяния за совершенные проступки. В концепции сансары подчеркивается роль нравственной активности человеческой личности, индивидуального волевого усилия.

Буддизм оперирует и таким понятием, как нирвана – это состояние вне жизни и смерти, избавление от страданий. Будда считал, что боги брахманизма не в силах помочь человеку. Человек спасается от страдания только собственным усилием. Для буддизма характерен идеал безбрачия. Буддизм выступает против кастовых различий, которые чрезвычайно важны для Индии.

Близкое к буддизму учение – джайнизм. Основой философии джайнизма как дхармической религии является вера в череду перерождений, возможность освобождения от сансары, строгий аскетизм, неизменная ценность каждой жизни (в каждой форме её проявления) и, как следствие, непричинение им вреда – ненасилие. Джайнизм проповедует, что любое существо является индивидуальной и вечной душой и самостоятельно отвечает за свои действия. Таким образом, постулируется уважение к каждой форме жизни. Джайны носили чистую

белую одежду и марлевые повязки на лице для того, чтобы не проглотить случайно букашку; некоторые из них даже мели метлой перед собой дорогу, чтобы не раздавить ненароком насекомое [77]. Бог для джайнов – это неизбывное мироздание, управляемое законами природы.

Брахманизм (от Брахман – безличный, индифферентный абсолют всего сущего, «душа мира», первооснова) – поздняя ведическая религия. Для него характерны многобожие с включением в пантеон различных местных племенных божеств, сохранение анимистических и тотемистических воззрений, культ предков. Верховные боги: Брахма – творец Вселенной и её олицетворение, Вишну и Шива, олицетворяющие производительные силы природы. В основе вероучения брахманизма лежало представление об одушевленности природы и о перевоплощении всех живых существ. Возрождение души в той или иной новой телесной оболочке происходит как воздаяние (карма) за добродетельность или греховность предшествующей жизни; в первом случае душа возрождается в теле человека более высокого общественного положения или даже небожителя, во втором – низкого общественного положения или даже в животном или растении. Критерием оценки поведения человека было выполнение или нарушение им дхармы – определённого образа жизни, установленного Брахмой. Брахманизм освящал общественное неравенство как установленное богом.

В брахманизме решающее значение придавалось обрядам – сложному ритуалу жертвоприношений богам, поминальных приношений предкам и т.д. Точное испол-

нение ритуала чтения священных текстов на непонятном для народа языке (санскрите) требовало длительного обучения; это способствовало росту значения брахманства (духовного сословия). Весьма стойким было представление о ритуальной чистоте, нарушение которой требовало обязательных очистительных обрядов. Брахманизм развивал представление о способности человека посредством аскетических подвигов добиться благоволения богов и приобретения сверхъестественных способностей. В борьбе с буддизмом и под его влиянием брахманизм в первом тысячелетии н. э. трансформировался в индуизм.

Индуизм отличает веротерпимость, способность поглощать иные культы. Он учит о земном воплощении богов, включает в себя различные секты. В индуизме нет тенденции к единобожию, для него характерны политеизм, зооморфизм, почитание животных, шиваизм (Шива – покровитель танца и разрушитель), вишнуизм (Вишна – энергия созидания). Богами – спасателями считаются Кришна и Рама. Кришне поклоняются сотни миллионов людей, и порой кажется, что его слава затмевает славу всех остальных богов индуистского пантеона. Согласно официальной версии, Кришна является восьмым аватаром (воплощением бога Вишну на земле). Индуисты верят, что время от времени боги в облике аватаров сходят на землю, чтобы навести на ней порядок, заступиться за бедняков и урезонить власть имущих.

Основное культовое действие индуизма – поклонение. Есть и элементы жертвы (принесение цветов, плодов, а то и крови), которые рассматриваются как

умилостивление. Ритуал в индуизме подавляет религиозное чувство, изображение бога становится самим богом. Догматами его являются веды, учение о переселении душ, о карме, вера в богоустановленность каст. Брахманизм и индуизм придавали эротике сакральный характер, мистическое значение.

Из-за сложнейшей системы мифов индуизм с трудом поддается логическому изложению. И. А. Ильин писал о брахманизме, что эта религия живет фантазией, мифическими легендами и химерами, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью [59].

Ведизм отличается от индуизма, это классическое язычество, обожествление явлений природы с тенденцией к осознанию единства природы, с уверенностью в единстве мира богов и людей, в могуществе людей. Основным культовым действием была жертва, которая питала богов. Она возвращалась людям в виде дождя, тепла, удачи, мирового порядка. Широко использовалась магия.

Среди некоторых слоев населения Индии (секта шиваитов) существует поклонение быку (Нанди – бычок, на котором ездил великий бог Шива, – это древнее божество крестьян). В. Л. Крашенинников дает описание храма быка: «Из глубины темного помещения, выпучив глаза, на нас смотрел гигантский черный бык, лежавший на пьедестале. Сделан он был грубо и неумело. За много веков верующие сплошь залили его жертвенным маслом, смешанным с благовониями. На наших глазах женщины возлагали к переднему копыту быка цветы, клали монетки

возле кадилыницы, сплошь покрытой густым слоем пепла, зажигали палочки агрбатти» [77, с. 183 – 184].

Обращают на себя внимание шумные религиозные праздники индийцев, во время которых их «чувства выражаются каким-то бешенством, сумасбродством» [26, с. 104]. Описывая празднование в честь богини Кали, авторы пишут: «Религиозный фанатизм, проявляющийся в публичных процессиях, доходит до отвратительного неистовства. В этих церемониях под звуки инструментов фанатики свирепеют до невероятности; иные из них, омочив в кровь одежды, с иступлением бегают по улицам. Другие прокалывают спицей язык. Продевают в веки металлические крючки и разные части тела пронизывают тонким тростником. Эти зрелища ужасны ...» [Там же, с. 116]. Набожные индийцы добровольно подвергают себя жестоким истязаниям, так, «кающийся, опьяненный приемом арака или опиума, позволяет вешать себя на железные крючья и бросает неистовой толпе цветы своего печального венка!» [Там же, с. 102].

Иеромонах Серафим (Роуз) в своей книге [132] отмечает, что поклонение богине Кали – это поклонение смерти, «Ужасающей», в которой бог проявляет себя в виде Зла, и только индуист осмеливается поклоняться ему как Злу.

Ряд авторов [26] характеризуют религиозные идеи индийцев как умственный застой. Встретив непреодолимые преграды на пути свободного умственного развития, индийцы остановились на

внешних религиозных формах. Возможной причиной этого послужило то, что брамины строго наблюдали лишь за исполнением обрядов и количеством жертвоприношений. Таким образом, для индийцев в некоторой степени характерен религиозный формализм. В. Л. Крашенинников полагает, что темные народные массы незнакомы со сложными философскими системами индуизма. Они знают своего деревенского божка-покровителя и некоторых других богов. Они часто паломничают по святым местам с чисто практической целью – заключить со святыми самую обыкновенную сделку: «Бедняки преподносят божеству монетку, сладости, банан, иногда даже свои скромные фамильные драгоценности. Взамен от божества ожидается конкретная помощь» [77, с. 97]. Таким образом, обрядность, ритуалы в целях получения практической помощи составляют основу религиозности простого народа, тогда как все сложные и запутанные индийские верования остаются им невоспринятыми и не включаются в систему народного мировидения.

Итак, для Индии характерно наличие большого количества различных религий. Однако многообразие духовных подсистем не может объединять этносы, поэтому, вероятно, таким интегрирующим началом, во многом повлиявшим на менталитет индийского общества, является кастовая социальная структура и строгая регламентация межкастовых отношений. Появление ислама, который качественно отличался от индийских религий (своей идеей «сплоченного братства»),

поклонения единому Богу) оказало сильное влияние на духовное мировоззрение индийцев, которые до этого с легкостью принимали новых богов в свой пантеон. Но самой тяжелой страницей в индийской истории было английское колониальное господство (середина XVIII – первая половина XX вв.). Эксплуатация индийских колоний была важнейшим источником накопления английских капиталов и промышленной революции в Англии. Но это было не только политическое и экономическое подчинение страны Великобританией, оно несло с собой и глубокие изменения в культурной жизни и менталитете Индии. Если ранее там существовала тесная взаимосвязь духовного и светского начал, религия своим авторитетом освящала государственную власть, а та оказывала поддержку самым разным религиозным институтам, то в дальнейшем английский колониализм отделил государственный институт от религиозного, создав в обществе нравственный вакуум. И это произошло в культуре, которая для решения социальных вопросов неизменно обращалась к нравственному совершенствованию, проповедуя идеи ненасилия.

В целом культура Индии отличается большим разнообразием и высоким уровнем синкретизма. На протяжении своей истории Индия сумела сохранить древние культурные традиции, одновременно перенять новые обычаи и идеи от завоевателей и иммигрантов и распространить своё культурное влияние на другие регионы Азии.

Произведения искусства представляют собой отображение особенностей менталитета народа, являются видимыми носителями его специфических черт. Индийская архитектура является одной из областей, в которой наиболее ярко представлено разнообразие индийской культуры и ментальности. Здесь проявилась неистощимая фантазия индийских зодчих. Большая часть архитектурных памятников Индии, включая такие замечательные монументы, как Тадж-Махал и другие, представляют собой смешение древних и разнородных местных традиций различных регионов Индии и зарубежья. Для индийских архитекторов была не столь важна общая композиция храма, сколько его пышная, подавляющая воображение внешняя отделка. Они воздвигали гопурамы – огромные пирамидальные башни над воротами храмов. Гопурамы в Южной Индии представляют собой настоящие каменные книги, рассказывающие о похождениях героев индийских священных книг. Все это сделано изящно, с тонким художественным вкусом [77]. Основная особенность индусской архитектуры, а также и литературы – это крайнее преувеличение, бесконечное изобилие деталей, сложность, составляющая противоположность правильной и холодной простоте греческого искусства. Индийцев более привлекали изысканные формы, обилие украшений, богатство орнаментации персидских памятников. Таким образом, происходило смешение индийской и персидской ментальности, влияние последней на культуру Индии.

В индийской музыке существует широкий спектр традиций и региональных стилей. Индийские танцы также имеют разнообразные народные и классические формы. Искусство танца – как зримая поэзия, символический язык, в нем оживают индийские мифы и сказания. Особенно важны жесты, которые имеют конкретный контекст. Отмечается особая скульптурность поз и танцевальных движений.

Индийский художник никогда не копировал природу, он хотел дать идею, скрывающуюся за чувственным представлением, а не детали видимой реальности. Цель его искусства была сакраментальной, призывающей к поклонению. Дело в том, что Индия всегда мечтала о блаженстве, которое является конечной целью человека. Этим и объясняется обилие мифов и легенд, религиозных и других философий, музыки и танцев, различных стилей архитектуры.

В индийской литературе обращают на себя внимание оригинальность форм, своеобразие содержания древнеиндийских произведений, которые могут совершенно противоречить европейским эстетическим представлениям и даже грубо оскорблять эстетическое чувство [26].

Индия является родиной двух крупных языковых семей: индо-арийской (74 % населения) и дравидийской (24 % населения). Другие языки, на которых говорят в Индии, произошли из австроазиатской и тибето-бирманской лингвистической семьи. Хинди (урду) – самый распространённый в Индии язык – результат синтеза

языков, на которых говорили коренные жители Северной Индии и иноземные завоеватели. В нем содержится множество элементов персидского и арабского языков. В Индии насчитывается 1652 диалекта. Древний санскритский язык обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий, более богатой, чем латинский, и более изысканной, чем каждый из них, но носящей в себе сильное сходство с этими двумя языками.

С одной стороны, Индия – страна, изобилующая всякого рода естественными богатствами, поражающая фантазию пространственной громадностью, густотой населения, с другой – бросается в глаза бедность значительной части народа. О низком уровне жизни этой части населения А. Г. Ротчев [26, с. 110 – 111] пишет: «Я был поражен бедностью и страшною нищетою, в которую погружены три четверти народонаселения Индии. Загляните в жилище этих людей ... Жалкая землянка; в ней ничего, кроме тчарпаи (койка, сплетенная из веревок и тростника), старой рогожки и нескольких чашек, ... вместо одежды – лангути (лоскут, прикрывающий детородные части), грубый плат для защиты от палящего солнца. А зимой – черное шерстяное одеяло. Обыкновенная пища их – горсть муки, брошенная в холодную воду, которую за недостатком соли они приправляют красным перцем».

Исследователи Индии отмечают отсутствие у этого народа склонности к чистоте и некую первобытность, которая особенно заметна при общении индийцев с иностранцами.

На верху социальной иерархии в Индии находятся брахманы, которые являются высшей кастой. Их отличает обособленность, они стараются избегать контактов с другими людьми, даже членами своей семьи, боясь оскверниться. По этой причине никому не позволено прикасаться к предметам домашнего обихода, принадлежащих брахману.

В индийском обществе большим уважением пользуются традиционные семейные ценности, хотя современные городские семьи часто отдают предпочтение нуклеарной семейной структуре, в основном, из-за социально-экономических ограничений, налагаемых традиционной расширенной семейной системой. Обычно это большая семья, несколько поколений живут вместе. У женщин приветствуются покорность и преданность, в искусстве и любви – женщина – богиня. Однако, по наблюдениям В. Л. Крашенинникова [77], в старых индуистских семьях женщине приходится особенно тяжело. Согласно старинным порядкам, она является чем-то вроде служанки мужа и детей. Мужья встречаются друг с другом, занимаются своими делами, пьют и гуляют, развлекаются, играют в карты, зачастую изменяют женам, а жены не выходят из дома. Их мир – воспитание детей, приготовление пищи. Главное их развлечение – разговоры об украшениях в новом сари, иной раз вылазка в деревенский храм. С возрастом права женщины в семье расширяются.

Сравнительно недавно в Индии существовал дикий обычай: когда брахман умирал, его жену подвергали остракизму. Ее лишали всех прав и низводили на поло-

жение парии те самые родные и близкие, среди которых она недавно была равноправным членом, матерью семейства.

В.Л. Крашенинников указывает на обычай индийцев составлять генеалогическое древо, что является свидетельством почитания предков, знания своего рода. Итак, для индийской ментальности свойственно принятие строгой иерархии в семье и почитание своего рода.

Индийцы верят в закон кармы (причинно-следственной связи между совершенными человеком поступками и последующим существованием, судьбой). Поэтому там нет ни восстаний, ни народных движений, отмечается смиренное отношение к закрепленному за каждым месту в обществе. Самореализация происходит в сфере религиозных, философских систем.

Оценивая особенности психологии индийцев, О. Шпенглер отмечает полную неисторичность индийской души, то, что ее не интересует жизнь во времени: «Нет ни индийской астрономии, ни индийского календаря, а значит и никакой индийской истории, если под этим понимать сознание живого развития» [177, с.44]. Неисторичность проявляется также в удивительном постоянстве экономических и социальных условий, в которых никакие личные заслуги не давали возможности повысить свой социальный статус.

Ценности индийцев также отличаются большим своеобразием. Как пишет Л. Н. Гумилев [34], индусов мало волновало то, как устроен мир и кто их друзья, а кто враги. Их интересовало только, как спасти свою душу и

обеспечить ей приличное воплощение после неизбежной близкой смерти. Наиболее важным был вопрос, какие принять меры, чтобы обеспечить себе перерождение в тело человека.

Итак, древнеиндийская культура в важнейших религиозных принципах отражала интровертированность (сосредоточенность на внутреннем «я», на поиске индивидуального спасения). Для нее характерны духовность и интуитивизм, слабый интерес к проблемам социальной этики. Как и Китай, Индия представляет собой устойчивый, «закрытый» тип культуры, чрезвычайно неохотно уступающий иноземным влияниям.

Ценностную систему индийцев А.В. Западов и Е. П. Прохоров характеризуют следующим образом: Индия полна сознанием своей самобытной мудрости и не увлечена блеском Запада. Индиец (мистик и поэт) не придает никакой цены тому, чем в особенности склонен гордиться европеец. «Твой ум не сильнее моего, – сравнивает себя индиец со своим западным властелином, – он не богаче идеями», – пишут А. В. Западов, Е. П. Прохоров. Дело в том, что индийцы гораздо раньше разрешили многие волнующие европейцев вопросы и смогли избежать пессимизма, свойственного Западу. «Ты богаче меня запасом истин, проверенных и доказанных опытом, – продолжают авторы, – ты сильнее меня успехами прикладных знаний, но разве теперешняя опытная истина есть венец мудрости, или какую цену могут иметь для меня, непоколебимо верующего в бесконечное совершенствование человеческой личности, ...твои технические

знания?» [26, с. 212 – 213]. Действительно, западный человек, гордый современной культурой, склонен относиться к восточным странам свысока. Однако необходимо отметить, что, например, наша система мер и весов (как и многое другое, потребное в современном мире) пришла к нам с Востока, из Индии; благодаря ей человечество научилось измерять время [26]. Таким образом, индийская цивилизация развивалась своим собственным самобытным путем, имея ценностные ориентиры, отличные от западных. Уступая европейцам в области техники, науки, технологии, эта культура выработала свою духовную мудрость и глубокое понимание человека.

Описывая *характер* индийцев, Э.А. Саракуев и В. Г. Крысько, ссылаясь на мнение К. Маркса, называют такие отличительные черты, как утонченность и искусственность, природная медлительность и при этом храбрость, покорность и спокойное благородство [136].

Многие исследователи отмечают наивность, трогательность, дружелюбность, детскую обидчивость индийцев. Но об этом народе пишут и как о людях, отмеченных особой духовностью и мудростью.

Почти каждый индиец умеет читать, нередко можно увидеть простого слугу или носильщика паланкина за книгой.

Для индийцев характерны такие качества, как любопытство, хвастовство, высокая жизнестойчивость и приспособляемость к обстоятельствам, терпимость, непунктуальность, консервативность, приверженность

традициям. Все перечисленное свидетельствует о значительном своеобразии индийской цивилизации.

Подведем итоги вышеизложенному. Итак, основными факторами формирования своеобразия индийского менталитета явились основополагающие религии – индуизм, буддизм и другие. В основном они представляют собой синкретические языческие верования с идеями о перевоплощении душ, аскетизме и законе кармы, избавлении от страданий и др., определяющими индивидуальное поведение человека. Жесткая кастовая система привела к представлению о предопределенности и неизменности социальных различий, к смирению и ненасилию. Для индийской культуры и менталитета характерны постоянство и, соответственно, неисторичность. Ведущими *ценностями* в менталитете индийцев стали: духовность, мудрость, благочестие, спасение души, верность традициям, моральный закон, долг, нравственное совершенствование, смирение.

К основным чертам *характера* индийцев относятся: медлительность, спокойное благородство, храбрость, покорность, терпимость, жизнестойкость, дружелюбие, набожность, наивность, любопытство, консервативность, непунктуальность.

Познавательный стиль индийцев

Интересную характеристику мировидения индийцев дает М. С. Н. Менон [99]. Он говорит о слиянии двух потоков в индийской цивилизации, из которых один связан с чувствами, другой – с мышлением. Один был

дравидским, а другой арийским. Один создал музыку и танец, живопись и скульптуру, искусство и архитектуру, т.е. звуки, виды и запахи этой цивилизации; другой – мир интеллекта – философию, мышление, абстрактные концепции. С точки зрения автора, арийский ум двигался от формы до бесформенности. Как полагал один из величайших авторитетов в области ведического учения Макс Мюллер, самой выдающейся чертой индийского характера является «трансценденция», или тенденция выходить за пределы эмпирических знаний: «Трансцендентальный темперамент приобрел, без сомнения, более полное превосходство в индийском характере, чем где-либо еще» [Цит.по 99]. Бог стал принципом. Произошла идентификация атмана (души) с брахманом (создателем). Поскольку брахман – это безличная метафизическая концепция, свободная от какого-либо образного содержания, то можно сказать, что индийская мысль вышла за пределы формы в бесформенность. С другой стороны, в мире чувств было создано изобилие форм на основе богатой творческой фантазии. Характерным для этой тенденции стал антропоморфизм и, соответственно, идолопоклонство. Чтобы ублажить бога, имеющего человеческий облик, необходимо создать красивые вещи для него – поэзию и музыку, ароматы и цветы, деликатесы и танцы, изумительные храмы. Таким образом, вся цивилизация Индии – это карнавал, торжество звуков, красок, видов, вкусов и запахов, прекрасных храмов и чувственных наслаждений.

Исследователи обращают внимание на «разнузданное и неметодическое воображение индусов» (в противовес «ясному, методическому уму греков») [84].

Говоря о роли линии мыслительной в менталитете данной цивилизации, автор отмечает, что там, в отличие от воображения, отсутствует прогресс, что индийская мысль «связана различными оковами».

Н.Я. Данилевский [38] подчеркивает большую склонность индийцев к отвлеченному мышлению, называет их изобретателями алгебры, развившими аналитический метод в математике. С другой стороны, они отличаются особенно сильной фантазией, воображением. Но автор отмечает, что их воображение или фантазия совершенно иного свойства, нежели воображение греков. «Воображение индийцев сочетает и нагромождает самые странные фантастические образы, но вместе с тем и самые неясные, неотчетливые», – пишет Н. Я. Данилевский, – в противовес «точности, определенности, ... пластичности представления, которой ... отличалось воображение греков» [38, с. 139]. По выражению А. Уотса, у индийцев «ум взят под строгий контроль, и чувственный опыт исключается» [159, с. 142].

По наблюдениям Крашенинникова В.Л., у индийцев преобладает своеобразная острая пища, приперченная приправами [77].

Все сказанное позволяет заключить, что индийская ментальность прежде всего характеризуется интроверсией. Ориентация на самосовершенствование, спасение души, аскетизм, самореализация не в обществе, а в философских системах, незначимость социальной этики и

вообще мирской, практической жизни, социально-политическая индифферентность, традиционность и консерватизм – все это и многое другое есть способы проявления интровертированной направленности.

Много данных свидетельствуют о преобладании интуиции в познавательном стиле индийцев. Это обращенность к спасению, набожность, мудрость и духовность. Сами индийские религии построены на основе интуиции, духовного прозрения того или иного гуру.

О ведущей роли интуиции и подчиненном характере ощущающей функции говорят такие факты, как преувеличенное (без меры) изобилие деталей, украшающих храмы, бедность, грязь, неустроенность быта, подавленная болевая чувствительность при самоистязаниях кающихся, снижение роли чувственных впечатлений.

Что же касается второй функции, то у индийцев не проявляется явного преобладания мышления или чувства. Исследователи говорят о преградах для развития мышления, отсутствии прогресса в этом направлении (хотя у древних индийцев существовало абстрактное мышление, позволившее изобрести алгебру), о вырождении мышления в бесформенность (интуицию!). С другой стороны, чувство также не является хорошо развитым и управляемым. Это проявляется в сумасбродствах и неистовстве во время религиозных праздников, в разнузданности воображения, рисующего неясные, неотчетливые картины. Итак, это даже не образность, а именно интуиция как ведущая функция. Таким образом, познавательный стиль индийцев составлен интровертной интуицией. Как

известно, такой тип – это люди не от мира сего (пророки, шаманы и т. д.). Погруженность в мистическую религиозную жизнь населения Индии подтверждает сказанное. Если у древних индийцев была сильна мыслительная функция, она проявлялась в совершенном абстрактном мышлении (изобрели алгебру!), то в ходе дальнейшего развития цивилизации эта функция утратила свое значение. Одним из показателей этого является характер национальных языков Индии, особенно древнеиндийского языка, который относится к группе индоевропейских, сложных, флективных языков, располагающих к логическому мышлению.

III. 7. История формирования и характеристика менталитета исламской цивилизации

Как уже говорилось, в рамках ислама возникли три цивилизации: арабская, иранская и османская.

И.В. Можайскова [101] выделяет следующие периоды в развитии этих цивилизаций.

Первый этап (VII – X вв.) – арабский период развития культуры. Арабы – большая группа народов, населяющих крупный регион в Западной Азии и Северной Африке. Часть из них, живущая в пустыне, считала себя потомками Измаила, сына Авраама и Агари. Жители Йемена считались потомками библейского Иокатана.

С VII по IX вв. арабы завоевали страны Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Юго-Западной

Европы, а также области по нижнему Инду, Согд и Хорезм, Закавказье, заняли Крит, Мальту, Сицилию. Арабская цивилизация охватила Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой Китайской стены. Это время именуется Золотым веком ислама. Возникает огромное государство – Арабский халифат, включавший в себя множество народов, в том числе и арабов-христиан. По замечанию Н. А. Нарочницкой, Арабский халифат продемонстрировал невиданную религиозную и национальную терпимость и взаимодействие культур, показав, что «исламский и православный миры не являются абсолютными антиподами и могут конструктивно существовать в геополитическом равновесии...» [103, с. 403].

Второй этап (X-XV вв.) – в исламском обществе доминирует персидская (иранская) культура. После распада Арабского халифата на ряд отдельных государств в Иране укрепляется шиизм, возглавляемый сектой исмаилитов. Персидская цивилизация начинает поглощать арабскую культуру, происходит раскол ислама на суннитов и шиитов. Арабская часть магометанства остались суннитами, персы – шиитами.

Третий этап (XIV-XX вв.) – османский. Он связан с выдвиганием на первое место в исламском мире Оттоманской империи, т.е. Турции. В середине II тысячелетия произошел захват турками Константинополя и завоевание ими Балкан, большей части Средиземноморья, Северной Африки. Турки, поздно приняв ислам, в меньшей степени усвоили глубину и многогранность

культуры и государственной жизни Арабского халифата. Они поработали не только христиан, но и своих единоверцев – мусульман-арабов, персов. Турецкие государственные идеи носили более этноцентрический и западно-либеральный, секулярный характер.

Четвертый этап (с начала XX вв.) характеризуется возрастанием роли исламской религии в развитии не только этих государств, но и мирового сообщества. Произошло возрождение всех государств мусульманского мира. Оно выразилось в их экономическом подъеме и большой политической активности. В XX веке в ряде исламских государств отмечена либерализация сознания по западному образцу, тогда как в других (Иран) либерально-западническая доктрина потерпела банкротство и активизировала радикальные фундаменталистские силы. Так называемый «демоислам» представлен прозападной Турцией, а фундаменталистский ислам с сильным антизападным и антиамериканским акцентом проявляет себя в Иране, Афганистане.

Более 90 % всех исповедующих ислам – сунниты. Они делают особый акцент на следовании сунне – поступкам и высказываниям пророка, на верности традиции, на участии общины в выборе ее главы – халифа. В отличие от шиитов, они не признают идею о праве Али ибн Абу Талиба и его потомков на имамат. Верховная власть в халифате, по воззрению суннитов, должна принадлежать халифам, избираемым всей общиной. Шииты («шиа» – группа, партия, секта) признают законными лишь указания пророка Мухаммеда на передачу власти его

потомкам по линии его двоюродного брата Али. Существуют также значительные различия между этими ветвями ислама в праздниках, молитвах и других атрибутах веры. В суннитском исламе отсутствуют церковь и священнослужители, аналогичные, например, христианским, а суннитские богословы (улемы), в отличие от шиитских, не пользуются правом выносить собственные решения по наиболее важным вопросам религиозной и общественной жизни. Арабы и турки относятся к суннитам, персы – к шиитам.

Основы мусульманской веры изложены в Коране. Арабское слово «ислам» означает «повиновение» воле Аллаха и несет в себе название религии, которая зародилась в Аравии в VII веке нашей эры. Последователи ислама известны как мусульмане, и религия охватывает каждый аспект их жизни. Они верят, что любому человеку, обществу и правительству следует повиноваться воле Аллаха так, как это установлено Кораном, который они рассматривают как слово Аллаха, открытое его посланнику Мухаммеду. Коран учит, что Бог един и он является создателем всего сущего и хранит абсолютную власть над всем. Всем людям следует готовить себя к жизни великой и праведной, так как после воскрешения они попадут на Божий суд. Тот, кто повиновался Божьему суду, будет жить вечно в раю, но тот, кто грешил вопреки Божьему велению и не покаялся, будет осужден на вечные муки в огненном аду.

В исламе существует пять важных требований. Первое состоит в необходимости твердо верить и

исповедовать, что «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха». Другим важнейшим устоем мусульманской веры выступает обязательная молитва, которая должна совершаться правоверным мусульманином пять раз в сутки. Перед молитвой обязательно должно происходить омовение. Далее на мусульманина возлагается обязанность строгого соблюдения месячного поста, во время которого в течение светлого времени суток запрещено принимать пищу, тогда как с наступлением темноты запреты перестают действовать. Обязанностью мусульманина является также совершение паломничества (хаджа) в Мекку хотя бы один раз в жизни. Пятым ключевым устоем ислама является взнос в пользу нуждающихся мусульман, который трактуется как «очищение», делая пользование богатством безгрешным.

Основным требованием Корана является также «джихад» – борьба за веру. Главное понимание «большого джихада» состоит в том, что верующий борется против зла и искушений в самом себе, путем самодисциплины стремится следовать воле Бога, быть добродетельным, совершенным мусульманином. «Малый джихад» – это борьба за распространение и защиту ислама. В исламе запрещены употребление вина, мошенничество, азартные игры, ростовщичество.

Коран поставил семью под свою защиту. В семейной морали ислама отразился патриархальный уклад. Муж обязан заботиться о содержании жены, обращаясь с ней гуманно и справедливо. Однако, согласно канонам ислама, женщина является человеческим существом

«второго сорта». Она занимает подчиненное положение и создана, чтобы служить и угождать мужчине. Правовые, по Корану, имеют право брать до четырех жен, не считая рабынь-наложниц, количество которых не ограничено. Муж всегда имеет право на развод и тем самым на замену жен. Если женой мусульманина могла стать христианка, еврейка, то женщина-мусульманка могла выходить замуж только за единоверца.

Коран с некоторыми оговорками разрешает месть, в том числе кровную месть, запрещает самоубийство.

Коран запрещает также изображать людей и животных. Последнее было связано с борьбой против идолопоклонничества язычников и оказало влияние на характер исламского искусства, где живопись и особенно скульптура почти всецело оказались вытеснены архитектурой и орнаментом, достигшими высокого уровня развития.

Таким образом, ислам оказал определяющее воздействие на политику, социальную структуру, право, этику, искусство, литературу и, соответственно, менталитет народов мусульманских стран. Он стал духовной и культурной традицией. Принадлежность к мусульманскому сообществу порождает особую солидарность, которая опирается не только на единое вероисповедание, но и на вытекающее из самих устоев ислама мироощущение, отношение к людям, обществу, идеям, вещам и природе, т.е. менталитет. Именно особый менталитет, а не сама по себе религия, позволяет говорить о существовании исламской цивилизации.

И.В. Можайскова выделяет следующие общие особенности менталитета исламской цивилизации:

- 1) эмоциональное принятие человеком основ ислама;
- 2) отсутствие этнических перегородок и интернационализм ислама;
- 3) обращенность к удовлетворению земных потребностей людей и элементы эгалитаризма (уравнительности);
- 4) фатализм, фанатизм мусульманского мировосприятия, безусловное подчинение Богу [101].

Все это рождает особый тип коллективизма, резко противоположный индивидуализму западного фаустовского человека.

В.С. Соловьев писал, что на мусульманском Востоке все подчинено единому началу религии, отрицается всякая индивидуальная свобода. Божество в исламе обладает абсолютным могуществом, человек же бессилён и является слепым орудием в его руках. Все сферы общечеловеческой жизни находятся в состоянии слитности, нет различий между церковью, государством и обществом [143].

От других религий ислам отличается простотой и непротиворечивостью, способностью дать верующим целостную и понятную картину мира.

Главным в системе ценностей этой цивилизации является служение провиденциальному замыслу Всевышнего о творении. Высший идеал для мусульман – рай – воспринимается как блаженство, все доступные воображению наслаждения при полной праздности [150].

Согласно Корану, райское блаженство – это жизнь в тенистых прохладных рощах, журчание воды, обильная изысканная пища, роскошная одежда и всяческие наслаждения, включая любовные [20].

Ислам не призывает к активному переустройству общества, он учит смирению и послушанию, соблюдению социальной иерархии, спокойному принятию имущественного неравенства. Нормы шариата регламентируют почти все детали быта, что формирует конформность поведения мусульман.

Коран призывает трудиться. Человек должен быть скромным и терпеливым, мужественно сносить все невзгоды этого мира и уповать на спасение в загробной жизни. Поскольку жизнь призрачна, это «забава и игра», поэтому не стоит стремиться к счастью в земной жизни, правильной уповать на жизнь небесную.

Из всех религиозных систем современного мира ислам остается одной из наиболее значительных сил. Это объясняется идейной слитностью мусульманской общины [20].

Таким образом, менталитет этой цивилизации полностью обусловлен влиянием мусульманской религии, которая, будучи глобальным, всеобъемлющим началом, детально определяет устройство всех сторон жизни, мировоззрение, отношения, ценности, способы поведения людей во всех жизненных ситуациях. Всеобъемлющая власть ислама практически нивелирует этническую специфику народов, подчиняющихся ему, так что у всех у них можно обнаружить одинаковые установки и ценностные ориентации. Значимой *ценностью* является

идея спасения, стремление попасть в рай. Но эта, казалась бы, сотериологическая ценность в реальности наполнена совершенно эвдемоническим содержанием. Речь идет о наслаждениях, удовольствиях в раю, которые представляются сугубо натуралистически, в ярких земных образах. Призыв к смирению, труду и терпению сочетается с активностью, склонностью к борьбе с неверными, завоеваниями. Таким образом, обращенность к земному и высокая активность роднит мусульманскую цивилизацию с западной. Однако есть и существенные отличия, приближающие ее к истинно восточным культурам, с ведущим значением религии и важностью посмертной участи человека, фатализмом, коллективизмом, традициями. Как и везде на Востоке, здесь также отвергается ценность индивидуальной социальной свободы, не очень большую роль играет успех. Мусульманскую цивилизацию отличают конформность, патриархальные традиции – безграничная власть мужчины в семье.

В *характере* этих народов отмечают неприхотливость, приспособляемость, терпеливость, необязательность, жизнерадостность, гостеприимство, смирение, покорность, повышенную эмоциональность, активность.

III. 8. Особенности познавательного стиля исламской цивилизации

Как отмечает А. Игнатенко [58], для исламской культуры характерно стремление к образности,

очарованность образом при жестком религиозном запрете на ее изображение. По его мнению, «имагинативность» (от франц. image –образ), оперирование образом определяет весь строй мысли, т.е. менталитет и познавательный стиль человека, принадлежащего к исламской культуре. Это отличная от западной логика мышления, близкая к воображению («имагитивность мышления»), при которой картина мира составлена образами конкретных вещей. При таком стремлении к образности и отсутствии возможности ее реализации (запрет изображать живые, обладающие душой существа) человек вынужден был фиксировать образ в слове, дискурсе (текстуальности). Таким образом, в слове конкретное, индивидуальное (свойственное образу) преобладает над общим, абстрактным, универсальным, что более типично для слова. Автор обозначает это свойство как ретроспективность менталитета, т. е. стремление от слова вернуться к обозначаемому им конкретному, единичному, индивидуальному предмету.

Яркая образность мусульманской души свидетельствует о преобладании первой сигнальной системы и вынужденной необходимости обращаться к посредничеству слова.

А. Игнатенко показывает, как Сервантес в «Дон Кихоте» устами одного из героев характеризует стиль мышления мавров: «...они нуждаются в примерах осязательных, доступных, понятных, наглядных, не вызывающих сомнения...». Поскольку объяснить им на

словах не удается, «то приходится показывать руками, подносить к глазам ...» [Цит. по 58].

Особенности мировидения исламской цивилизации проявляются в искусстве. По словам Шпенглера, это – «“магическое” мироощущение, олицетворение чего-то сказочного, неопределенного, полного томления и недосказанности». Если готический стиль «растворяет материальность в пространстве, арабеска сливает и то, и другое в неопределенной видимости....» [177, с.305].

В.С. Соловьев дает иную характеристику мусульманской культуры, говоря, что искусство там слабо развито, ваяние и живопись запрещены Кораном, поэзия представлена только лирикой, а музыка достаточно монотонна. Научные знания носят утилитарный характер [143].

Говоря об арабской образованности, И.В. Киреевский характеризует ее, по аналогии с европейской, как отвлеченно-рассудочную: «...Просвещению магометанскому легче было обратиться в логическую формальность свои основные убеждения ... Систематическая связь отвлеченных понятий была высшею целью, до которой могло достигнуть умственное самосознание магометанина и которая лежала ... в самом основании его веры» [70, с. 176]. По мысли автора, умственная деятельность магометанина отвлеченно логическая, с наружной правильностью. Она заключается в составлении «видимых формул для невидимой деятельности мира духовного: в отыскании талисманической связи между законами мира надзвездного и законами мира подлунного». Так появились астрология, алхимия, хиромантия, –

«отвлеченно-рассудочные и чувственно-духовные науки». И. В. Киреевский выделяет также их страсть к логике [Там же, с. 177].

Итак, с одной стороны, конкретный, чувственный, образный характер мировидения, сдерживаемая, запрещенная имагинативность, яркое воображение, с другой – вынужденная обращенность к слову. Слово же содержит либо исключительно конкретные, натуралистические признаки, либо совсем отрывается от образа, становясь отвлеченно-рассудочным понятием. Все это наталкивает на мысль об интуиции, которая, как уже отмечалось, представляет собой образ без образа, нечто, находящееся между образной и вербальной сферами.

Оценивая познавательный стиль мусульманской цивилизации, отметим преобладание в нем экстравертированной направленности. Наряду с сильной религиозностью это все же обращенность души к земным завоеваниям, удовольствиям и наслаждениям (которые проецируются и на потусторонний мир). Об экстраверсии говорят и такие особенности, как выраженная общительность, конформность, безоговорочное принятие всех предписаний практической и духовной жизни (шариат).

Что же касается имагинативности мусульманской души, склонности ее к воображению, конкретным образам, заключенным в слове, «видимым формулам для невидимого мира», а также магического, талисманического, сказочного мироощущения, то все это есть проявления интуиции. Экстравертная интуиция

обращена к возможностям мира земного, она не улавливает глубинные, сущностные моменты, относящиеся к «сокровищам на небесах». Отсюда отвлеченно-логическая, наружно правильная мысль человека этой культуры.

Тем не менее, мышление может выступать в качестве второй функции в познавательном стиле мусульман. Как известно, эти цивилизации, особенно арабы, явились родоначальниками естественных наук, они раньше, чем европейцы, усвоили идеи греческих философов, индийских математиков и выступили в качестве носителей этой информации для представителей западноевропейской цивилизации. Знания воспринимались ими как жесткие логические системы, которые принимались безоговорочно. Что же касается чувствующей функции, то она у этих народов развита слабее, т.е. менее управляема. Подчиненной функцией в этом познавательном стиле, соответственно, является ощущение, что проявляется в отсутствии точности, дифференцированности в видении фактов, выделении деталей, какой-либо особой наблюдательности и житейской разумности. Еще одним доказательством подавленности ощущения является простота и неприветливость в быту. Ощущающая функция несовместима с развитым воображением, наличием идейных идеалов, которыми отличается мировидение представителей ислама. Возможно, строгие религиозные предписания, согласно которым должна строиться вся практическая жизнь мусульманина, позволяют компенсировать в той или иной степени подавленность этой функции.

III. 9. Специфика менталитета народов ислама

Менталитет арабов

Одной из ветвей данной цивилизации являются арабы. Это народ семитского происхождения, говорящий на арабском языке и населяющий государства Западной Азии и Северной Африки. Арабы, одна из самых многочисленных и постоянно растущих групп населения земного шара, относятся к европеоидной расе. Они пользуются единым общеарабским литературным языком (с сильно развитой флективностью и агглютинацией), хотя наряду с ним существуют и арабские диалекты, на которых говорят жители различных местностей и стран. Эталоном арабского этноса считаются представители Сирии, сохранившие в чистоте арабский язык и культуру. Раньше арабы славились как великолепные врачи и математики. Большинство арабов, около 90 %, исповедуют ислам, однако среди них также есть христиане.

В целом арабо-исламская традиция характеризуется установкой на религиозно-детерминированное социальное поведение, догматизм, конформизм [60, с. 360 – 361].

По словам Н.А. Нарочницкой, ислам был для арабов «не религией в западноевропейском секулярном понимании Нового времени, а их сознанием, картиной мира, образом жизни и в большей степени, чем этноцентризм, явился стержнем становления арабской нации» [103, с. 403].

В статье Ю.О. Сердюка «Менталитет арабов» [138] говорится о том, что структура арабского общества повторяет семейную организацию. Арабская семья обычно большая, она включает главу семьи и его жену, детей, внуков, правнуков, которые часто живут вместе. Муж – «господин семьи». Взаимоотношения старших и младших братьев похожи на отношения между отцом и сыновьями. Очень важны покорность и почитание старших, семейные ценности и традиции. Семья – одна из главных жизненных ценностей арабов. Личность здесь подчинена интересам семьи, рода и всего племени, соплеменники несут ответственность за поведение каждого. Честь женщин – для арабов очень болезненный вопрос.

В.Г. Крысько [78] описывает особенности отношений старших и младших, высших и низших в арабском мире, говоря, что первые допускают высокомерие, грубость, а зачастую и рукоприкладство по отношению ко вторым, тогда как отношение низшего к высшему всегда подбостранно.

В арабском обществе очень выражено стремление быть торговцем, занимать бюрократические должности: это приносит хороший доход и ценится выше, чем профессия учителя или богослова. Таким образом, деньги, богатство являются важными ценностями. Арабы любят праздники, веселье.

В.А. Сухарев и М.В. Сухарев [150] полагают, что арабы боятся одиночества, т.к. в одиночку не имеют общественного веса и престижа. В группе же возникает уверенность в себе и чувство надежности и безопасности,

взаимозависимость, что еще раз подтверждает коллективистский характер арабской культуры.

Говоря о *характере* арабов, отметим следующие особенности. Арабы трудолюбивы. Тяжелый физический труд, низкое развитие производительных сил приучили этот народ спокойно переносить трудности и лишения, воспитали в них неприхотливость, высокую приспособляемость, терпеливость. Однако труд у арабов не сочетается с дисциплинированностью, педантизмом и скрупулезностью в работе. Они делают все по-своему, необязательны в смысле времени. Праздность и лень практически не осуждаются в обществе. По словам Ю. О. Сердюка, в труде арабов нередко встречаются очковтирательство и создание видимости деятельности. «Типичная уличная сценка на арабском Востоке – один работает, семеро дают советы, руководят действиями работающего», – пишет автор [138].

Однако их отличает честность и преданность по отношению к тем, кто нанял их на работу или вообще к тем, от кого они находятся в определенной зависимости. При этом они нетерпимы к любой форме принуждения.

С одной стороны, арабы – жизнерадостные и веселые, гостеприимные, добрые, миролюбивые и незлопамятные (особенно египтяне). Их отличает любовь к шутке, остроумию словцу, анекдоту. Ни у кого из других народов Востока нет такого чувства юмора, как у египтян. Они легко идут на контакты с незнакомыми людьми, не таят своих истинных чувств по отношению к собеседнику, если он им нравится. Египтян отличает огромное терпение,

позволяющее сохранить достоинство. Оно предполагает сдержанность в поведении, в словах. С другой стороны, они весьма эмоциональны, горячи, чувствительны к оскорблению и не расположены к прощению. Им свойственна повышенная реактивность, импульсивность, порывистость, несдержанность в проявлении своих чувств и эмоций. По замечанию ряда авторов [150], они легко возбуждаются и приходят в ярость, которая не знает границ. Они могут дойти до состояния безрассудства и совершить необдуманый поступок. Однако арабы легко отходчивы, вспыхнувшая ссора может тут же затухнуть.

А.П. Садохин [135] упоминает также такие присущие арабам качества, как покорность, смирение, раболепие («Иншалла» – «Все в руках Аллаха»), умеренность. Они склонны к суевериям и предрассудкам, наблюдательны, изобретательны, приветливы.

В общении громкость голоса, повышение высоты тона для арабов означает проявление искренности. Они – большие поклонники ораторского искусства. Эмоциональное воздействие достигается ими с помощью красноречия. Искусный оратор обращается к чувствам, а не к рассудку. Таким способом египетскую толпу легко возбудить.

Ряд авторов [150] отмечает, что арабы скрытны, доверяют только родственникам и близким. В беседе они не высказывают свои убеждения и мысли и желают прежде всего узнать мысли и убеждения другой стороны. Разговор для них – это искусство и способ достижения цели. Нередко говорят обиняками, ходят вокруг да около темы.

«Прощупывание пульса» – важнейшее предисловие к началу разговора. Арабские собеседники всячески избегают определенности, четких ответов «да» или «нет». Взамен следуют туманные обороты («Если Аллаху будет угодно»). В беседе избегают суетливости, поспешности. Межличностная дистанция в общении короткая, при этом собеседники касаются друг друга. Речь араба отличается вежливостью, уважением к собеседнику. Благодаря цветистости и богатству арабского языка речь изобилует любезностями и громоздкими, манерными выражениями. Беседы начинаются с обмена любезностями.

У арабов необычайно выражено гостеприимство, стремление оказать гостю достойный прием, накормить и напоить его.

Как и у дальневосточных народов, для арабов характерны стремление сохранить лицо, боязнь мнения соседей. Арабы не склонны публично признавать свои ошибки, у них обычно отсутствует самокритика. Народ этот отличается повышенной чувствительностью в вопросах личной чести, которая является одной из главных составляющих в системе их духовных ценностей.

В.Г. Крысько называет такие особенности арабов, как беззаботность, беспечность по отношению к будущему. Египтяне – религиозны и законопослушны, привязчивы, медлительны, наивны [78].

Итак, среди *ценностей* арабской ментальности большое место занимают религиозность (ислам полностью формирует сознание людей), иерархия, покорность и почитание старших или вышестоящих, традиции,

коллективизм, социальное «лицо», семья, женская честь, деньги, богатство. Вера полностью определяет законы и правила практической жизни. При наличии столь сильной религиозности все же преобладает обращенность к земным сокровищам.

В *характере* арабов отмечают неприхотливость, приспособляемость, терпеливость. С другой стороны, им присущи такие качества, как недисциплинированность, необязательность, праздность, беззаботность, беспечность и несамокритичность. В общении они жизнерадостны, гостеприимны, добры, с чувством юмора. Сильная религиозность рождает смирение, покорность, а южный темперамент – эмоциональную горячность, легкую возбудимость, безрассудство, склонность не прощать обиды. В характере много и других противоречивых черт: набожность и суеверия, общительность и скрытность, трудолюбие и лень.

Познавательный стиль арабов

Характеризуя арабское искусство, О. Шпенглер описывает образы, созданные арабской душой, как чувственно богатые, игривые, бесформенные, абстрактные, без логики. В них отражается магическая идея судьбы, узоры могут распространяться во все стороны, они очень выразительны. Арабеска отрицает волю, действует внушением. Таким же действием обладают арабская музыка, арабский танец.

Похожую характеристику арабского стиля познания дает А. П. Садохин [135]. Это склонность к преувеличению, афористичности в описаниях окружаю-

щей действительности, не столько ее логическое осмысление, сколько внимание к стилю изложения, красноречию говорящего. А. П. Садохин полагает, что арабы не любят строгой логики, объективных доказательств, а предпочитают афористичность, многообразие впечатлений. Этому способствует и специфика арабского языка, для которого характерны лексические и синтаксические повторы, гиперболы, метафоры. Т. Катрель называет стиль арабоговорящих общин «сладким», склонным приспосабливаться, приноравливаться к обстоятельствам и людям [82]. Н. М. Лебедева отмечает, что этот стиль вычурный, отличается богатым, экспрессивным языком. В нем «фантастические метафоры, образы, длинные цепи эпитетов и модификаций одного и того же слова» [Там же, с. 152].

Приведенные описания свидетельствуют об экстравертной интуиции как ведущей психологической функции арабов. Подтверждением экстраверсии является склонность приноравливаться к внешнему миру, значимость внешних моральных норм, общественных правил (более важных, чем мир внутренний), общительность, любовь к шутке. Об интуитивной функции говорят туманность и афористичность речи, гиперболы, эпитеты, «сладкий» и вычурный стиль, тенденция «прощупывания пульса», изобретательность, и в конечном итоге даже бесформенность узоров в искусстве и т.п. Способности же арабов к естественным наукам, восприятию научных идей (античных философов, индийцев и т.д.) позволяют предположить, что вспомогательной является здесь мыслительная функция.

Менталитет турок

Второе направление исламской цивилизации представлено Турцией. Страна расположена на Ближнем Востоке, большая часть – в Азии, меньшая – в Европе. Эти части разделены проливами и морем, имеющими важное стратегическое значение. Современная Турция, чьим предшественником была 600-летняя Османская империя, появилась на политической карте мира после Первой мировой войны. Кроме турок, в стране проживают также курды, арабы, черкесы, греки, армяне, грузины и др.

Турецкий язык относится к алтайской языковой семье, к которой принадлежит большинство языков Центральной Азии. На него повлияли две реформы языка: в 1928 арабский алфавит был заменен латинским, а в тридцатых годах состоялось упрощение и очищение языка (появился народный язык тюркче).

В этой стране религия отделена от государства, т. е. с 1928 г. ислам не является государственной религией. Однако большая часть населения страны (99%) считают себя верующими мусульманами. В. Г. Крысько говорит о глубокой религиозности турок, у которых каждый час жизни, каждый поступок регламентирован установлениями шариата [78]. И. Экономцев подчеркивает восприимчивость турок к религиозным синкретическим учениям [182].

Турцию называют «перекрестком цивилизаций», здесь можно обнаружить следы таких народов, как греки, персы, римляне, турки-сельджуки, монголы и др. Предками современных турок считаются представители

тюркских племен огузской ветви. Естественно, что турецкий менталитет формировался под влиянием культурных традиций, как Востока, так и Запада. Вот что говорит об этом турецкий писатель Халдун Танер: «...Мы, турки, представляем собой ... узел, средоточие противоречий между восточным мистицизмом и западным рационализмом, часть одного и часть другого» [155]. В Турции жители курортных городов и мегаполисов более европеизированы, тогда как у населения регионов ментальность определяется традиционными религиозно-социальными установками и нормами поведения.

Турки высоко ценят вежливость и этикет. Беседа всегда начинается с религиозных форм приветствия, вопросов о здоровье близких (считается неприличным спрашивать о здоровье жены) и добрых пожеланий. Здесь не приветствуются критика, проявление недоверия, желание спорить. Темп общения, принятия решений низкий, что объясняется восточной созерцательностью.

Как и везде на Востоке, очень ценится семейственность, уважение к родителям и старшим родственникам. В турецкой семье царит строгая иерархия: авторитет мужчины, главы семьи, непререкаем. Мужчина в семье – бог и царь. Мать и дети беспрекословно подчиняются главе семьи, младшие дети – старшим (сестры – братьям).

Как и в других исламских странах, женщины в Турции придерживаются религиозных обычаев. Традиционные правила поведения таковы, что женщина обязана уступить дорогу мужчине, не имеет права обгонять

его, ей не принято уступать место в общественном транспорте. Женщина занимает подчиненное положение. Некоторые мусульманские богословы даже считают, что у женщин нет души. Мальчикам с детства внушается чувство собственного превосходства по отношению к женщине. Любовь между молодыми супругами всегда тщательно скрывается, считается неприличным проявлять нежные чувства на людях. В уме турка-мусульманина не укладывается мысль о том, что между мужчиной и женщиной могут существовать какие-либо иные взаимоотношения, кроме половых. Нравственное поведение и мужчин, и женщин регламентируются строгим кодексом приличий. Случайные знакомства где-либо на улице сурово осуждаются. Да и вряд ли турецкий юноша заговорит с незнакомой девушкой, так как он прекрасно понимает, что может обрести неприятности от мужчин из ее семьи. Сексуальные нормы в Турции, особенно в деревне, предельно строгие. Добрачные связи – это бесчестие, которое бросает тень не только на семью девушки, но на всю деревню. Нарушение норм половой морали влечет за собой самосуд толпы, наказывается смертью. Женщины находятся под постоянной опекой родственников.

В плане *характера* турки, как и арабы, выносливы и терпеливы, неприхотливы в быту. Внешне безмятежны, спокойны, неторопливы, несуетливы, осторожны. Не любят излишнюю болтливость и навязчивость. Жесты медлительны, плавны. Однако они очень эмоциональны, подвержены резким изменениям настроения, при гневе с

трудом могут себя сдерживать. В. Г. Крысько отмечает, что они не держат слова, вводят партнера в заблуждение, отстаивают собственную выгоду. Для них также характерна кровная месть и выраженная неприязнь к представителям немусульманских народов, которых они считают гораздо ниже себя по происхождению.

Итак, у турок ведущими являются следующие *ценности*: благочестие, религиозные нормы, иерархия, уважение старших, коллективизм, этикет, семья, материальные ценности.

Основными чертами *характера* являются выносливость, терпеливость, неприхотливость, осторожность, медлительность. Спокойствие может сменяться резкими эмоциональными вспышками, гневливостью. Им свойственны также необязательность, способность ввести в заблуждение ради выгоды, т.е. нечестность.

В общем, этот народ отличают такие, зачастую противоречивые, качества, как почитание старших, жизнерадостность, незлопамятность, терпение, покорность, смирение, неприхотливость, конформизм и догматизм, выносливость, неторопливость, спокойствие и резкие изменения настроения, импульсивность, несдержанность.

Познавательный стиль турок

Турецкий язык относится к группе агглютинативных языков, менее сложных и дифференцированных, чем флективные.

Князь Н. Трубецкой [154, с. 70 - 71], выделяя особенности туранского менталитета, говорит, что тюрки (к этой группе народов относятся турки) склонны к ясной схематизации материала, не любят «вдаваться в тонкости и в запутанные детали», предпочитают «образы группировать в ясные и простые схемы», не продуманные, а скорее бессознательные, не принимают отвлеченные философские абстракции. О воображении тюрков Трубецкой заключает следующее: «Тюркская фантазия не бедна ..., но ... сила воображения направлена не на детальную проработку, ... а на развитие в ширину и в длину; картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими ... мазками ...». Итак, элементарность материала и простота схем, которые могут расширяться, – вот то, что лежит в основе воображения этих народов.

По словам Н. Трубецкого, тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие в мысли, предпочитает пользоваться готовыми схемами. Н. Трубецкой подчеркивает, что не всякое чужое мировидение приемлемо для тюрка, а только ясное и простое, которое бы объясняло все. «Раз уверовав в определенное мирозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему, и, достигнув, таким образом, состояния устойчивого равновесия на ясном основании, – тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование», – пишет автор [Там же, с. 72]. Н. Трубецкой говорит о

консерватизме этого мирозерцания, которое становится основой душевного равновесия. Вера при таком менталитете «застывает и кристаллизуется».

Если семит находит удовольствие в выискивании тонкостей и противоречий и их преодолении, то тюрк ненавидит чувство противоречия и беспомощен в его преодолении. Тюрк склонен принять от семита готовое непротиворечивое решение, и не развивает, а «мумифицирует его». Так, тюрки приняли ислам как нечто завершенное.

Для тюрка характерно состояние душевной ясности и спокойствия. Причина этого в том, что его мышление, восприятие, поведение укладываются в простые и ясные схемы его «подсознательной философской системы» [Там же, с. 76]. Таким образом, возникает полная согласованность между мышлением и внешней действительностью.

Н. Трубецкой заключает, что туранская психика сообщает нации устойчивость, силу, обеспечивает культурно-историческую преемственность.

Для определения ведущей функции турок важной является такая характеристика, как отражение мира без тонкостей и деталей, «широкими мазками», т.е. выявление главного. Показательно также то, что это – ясные, простые схемы с участием бессознательного, фантазии. Таким образом, как и в отношении арабов, можно отметить ведущую роль экстравертной интуиции, о которой свидетельствуют перечисленные характеристики. Исходя из описаний характера турок, в частности, таких качеств,

как несдержанность и резкие изменения настроения, можно сделать заключение о недостаточной управляемости чувствующей функции. Впрочем, и мышление не является сильной стороной турок, поскольку это простые, застывшие схемы.

Менталитет иранцев

Третья ветвь исламской цивилизации – иранцы. Иран – государство, расположенное в Западной Азии. Оно является одним из древнейших очагов мировой цивилизации. Этническими предками персов были племена ариев, переселившихся на территорию Иранского нагорья в середине II тысячелетия до н. э. В основной массе – это представители индоиранской расы. Территория Ирана неоднократно подвергалась вторжениям и нашествиям разноразличных народов, следы пребывания которых прослеживаются в многонациональном составе населения. Помимо персов, занимающих положение господствующей нации (48–50%), здесь проживают курды (7–9%), гилианцы, таты, талыши и мазендеранцы (8%), луры и бахтияры (2%), белуджи (2%). Ядром тюркской группы являются азербайджанские турки (24–26%). К тюркской группе относятся также туркмены (2%). Численность арабов не превышает 3% населения.

98,8% населения Ирана исповедует ислам. 91% мусульман являются шиитами. Таким образом, в Иране преобладает ислам шиитского толка. Существуют суфийские ордена. Небольшая часть исповедует хрис-

тианство (армяно-григорианской и католической церковей). Представлены также иудаизм и зороастризм.

Шииты, в отличие от суннитов, отвергают религиозное предание – сунны. Возникнув как политическая оппозиция, группа сторонников Али (двоюродного брата пророка Мухаммеда), приобрела характер религиозного движения, противостоящего ортодоксальному направлению суннитов. Шииты представляют собой религиозное меньшинство, составляя примерно 15% общего числа мусульман. В истории они часто подвергались гонениям со стороны суннитов, поэтому для них характерен культ мучеников. Другая их черта – особое почитание имама (первосвященника).

Однако важно отметить, что в Иране проявляются едва ли не самые консервативные стороны ислама в его фундаменталистской форме с ориентацией на жесткие нормы шариата. Здесь отмечается абсолютное господство ислама, его всеобщность, интегральность.

Вместе с тем народы Ирана сохранили многие обряды, обычаи, имеющие явно не мусульманское, а более раннее происхождение. Семейные традиции включают много магической символики, процедуры очистительного характера, идущие еще от зороастризма.

Персидский язык является основным в Иране. По языковому признаку население Ирана делится на три группы: ираноязычная, тюркоязычная и арабоязычная. Из тюркских языков в Иране распространены азербайджанский и туркменский. Семитские языки представляют ассирийский и диалекты арабского [142].

Древнеперсидский язык являлся ярко выраженным флективным языком. Он обладал грамматической категорией рода, тремя числами, семью падежами. Современный персидский язык относится к языкам аналитическим: в нем отсутствуют грамматические категории падежа и рода. Персидский язык богат заимствованной лексикой: более половины лексического состава – слова арабского происхождения. В него вошло также много тюрко-монгольских слов и заимствований из западноевропейских языков, некоторое количество слов из русского, греческого, индийского и других языков. Персидская письменность основана на арабском алфавите [Там же].

В Иране очень развиты различные направления искусства. Г. Лебон полагал, что там «сошлись все искусства великих предшествовавших цивилизаций». Он находит у них смесь египетского и ассирийского искусства – «пилоны Египта, крылатые быки Ассирии и даже некоторые греческие элементы» [84]. Дело в том, что у персов (шиитов), в отличие от арабов (суннитов), не было запрещено изображение живых объектов, людей, животных. Весьма богаты устное народное творчество персов, их театральная поэзия, литература, эпос, легенды, сказки. Ковры поражают удивительной гармонией цветов – сильных, ярких, насыщенных и в то же время мягких, ласкающих глаз изысканностью сочетаний. Славятся также персидская керамика, ремесла, искусство красивого письма [105].

Архитектура также имеет древнюю историю. Персы строили дворцы и культовые сооружения, зороастрийские храмы, квадратные каменные башни. Позже возник мусульманский тип храма – мечеть. В украшениях популярны были сдвоенные полуфигуры животных. Иранские памятники архитектуры, живописи и ремесла всегда будут поражать людей высоким мастерством и богатой фантазией иранского народа. Очень большое развитие получило искусство орнамента, который близок арабскому и турецкому.

Театр также возник в древности: бродячие актёры типа европейских жонглёров, русских скоморохов, пантомима, кукольный и теневой театры.

В последнее время во всех сферах общественной жизни страны произошло заметное повышение роли женщин. Семья в Иране является значимой ценностью. Для Ирана характерны ранние браки с девушками моложе 15 лет и высокая рождаемость. Заключение браков и семейные отношения обычно во многом определяются патриархальными традициями, тесными клановыми связями, охватывающими широкий круг родственников. Браки между сородичами и по сей день считаются предпочтительными. Предварительный сговор родителей и воля отца всегда имели решающее значение при заключении браков. Женатые сыновья часто не отделялись от родителей, образуя семейные группы [142].

В отношении характера иранцев можно сказать следующее. Иран – страна, населенная талантливым и трудолюбивым народом. Иранцы – способные, сообра-

зительные люди, приятные, внимательные собеседники, гостеприимные (порой до навязчивости) хозяева, любознательные путешественники. Английский востоковед Э. Браун отмечал жизнеспособность иранцев, их стремление к правде и мужество [123, с.4]. Для иранцев характерны такие черты, как приветливость, открытость, щедрость, религиозность, справедливость во всех жизненных аспектах, вежливость. Их отличает сдержанный, но наряду с этим и веселый нрав. Иранский народ очень склонен к познанию и образован. Иранцы очень свободолюбивы и готовы на все ради свободы своей страны.

Итак, в отличие от большинства в исламском мире, иранцы – шииты, специфика их проявляется в обрядах и особом почитании своего первосвященника. Это крайне жесткая религиозная установка. Менталитет их формировался под воздействием многих культур как Запада, так и Востока. Среди ведущих *ценностей* этого менталитета – сильная вера, патриархальные традиции, семья, иерархия, независимость своей страны.

Основные черты *характера* – трудолюбие, гостеприимство, любознательность, внимательность, приветливость, вежливость, открытость, щедрость, сообразительность, свободолюбие.

Познавательный стиль иранцев

Хотя Иран представляет собой самостоятельную, чрезвычайно богатую культуру, располагаясь на перекрестке цивилизаций, есть основания полагать, что

стиль познания иранцев аналогичен тому, что и во всем остальном исламском мире, и также определяется мусульманской верой. Таким образом, это экстравертный интуитивный стиль со вспомогательной мыслительной функцией. Богатая фантазия иранцев, проявившаяся в необычайном расцвете искусства разных жанров, есть проявление интуитивной функции. О развитой функции мышления свидетельствует высокий уровень образованности, любознательность и сообразительность иранцев, богатство и сложность их языка.

Подводя итог характеристике исламских цивилизаций, отметим еще раз, что народы эти, хотя и исключительно религиозны, в большей мере обращены к миру реальному. Представляется, что ведущей психологической установкой людей в этих странах является экстраверсия. Не вызывает сомнений и ведущая функция – интуитивная. Об этом свидетельствуют многие моменты, касающиеся большой роли бессознательного в восприятии мира и управлении поведением, «магическое мироощущение», велеречивость, частое использование метафор, аналогий, «туманность» речи, отсутствие интереса к деталям и нелюбовь к точности, пунктуальности, скрупулезности в работе, богатое воображение. Таким образом, это экстравертная интуиция, позволяющая видеть возможности и перспективы в окружающем мире.

Резюме

Итак, среди восточных цивилизаций выделяются народы Дальнего, а также Ближнего и Среднего Востока (в частности, мусульманская цивилизация).

Особенности дальневосточного менталитета (китайского, японского, индийского) определяются во многом необычным синтезом ряда религий, обращенных не к Богу, а к человеку (конфуцианство, даосизм, буддизм, синтоизм, индуизм). В менталитете этих народов преобладает догматическое мировосприятие над критическим, интуитивное над рациональным, духовное над материальным.

Среди основных ценностей, присущих этим народам, выделяются такие, как гармония, спасение души, истина, свобода, отказ от своего «я», аскетизм, традиции, иерархия, этика, мораль (преобладание морального над материальным), уважение к власти, нормативное поведение, духовность, благочестие, смирение, ритуал. Для японцев и китайцев большое значение имеет престиж, сохранение своего социального имиджа («лица»).

В характере отмечаются такие черты, как покорность, терпимость, жизнестойкость, терпеливость, бесконфликтность, сдержанность, спокойствие. Японцев и китайцев отличают также исключительная вежливость и дисциплинированность. В отличие от них для индийцев характерна непунктуальность.

Стилю познания дальневосточных цивилизаций свойственны интуитивность, созерцательность. Этот способ восприятия мира не основан на осознании и

логическом упорядочивании информации, а представляет собой правополушарное мышление, т.е. образное, целостное синтетическое и даже синкретическое отражение. Поскольку это познание-видение, оно носит в основном невербальный характер. А восточная созерцательность не очень совместима с активностью, поэтому принцип недеяния гораздо больше соответствует такому менталитету.

Что же касается особенностей национального языка, то здесь отмечаются различия между рассматриваемыми цивилизациями. Наиболее простой язык – китайский – изолирующий, он соответствует подчиненной мыслительной функции, образно-практическому, конкретному мышлению. Японский язык относится к агглютинативным, он более сложен и дифференцирован, чем китайский. Индии присущи языки индоевропейской группы – флективные и наиболее сложные (вероятно, это связано с появлением наук, в частности, алгебры, системы чисел у древних индийцев).

Ведущей функцией у дальневосточных народов является интровертная интуиция (у китайцев интровертное чувство) и чувствующая функция. Это согласуется с их ценностной сферой. Дальневосточные культуры можно отнести к сотериологическому типу, поскольку в менталитете преобладает ориентация на спасение, хотя и своеобразно понимаемое в рамках каждой из присущих им религий.

Особенности менталитета китайцев определяет конфуцианская этика, мораль, позволяющая искусно

управлять эмоциональной сферой. Хотя у японцев все это тоже имеет место, все же в большей степени их ментальность связана с культом красоты. Такое глубокое и всестороннее видение красоты и мудрости в мире имеет непосредственное отношение к интуиции. На мировидение индийцев в значительной степени влияет неизменность и жесткость кастовой системы, что приучает их к смирению и ненасилию и создает впечатление неисторичности их культуры и мировидения. Для них, в отличие от других дальневосточных народов, менее важна социальная этика.

Мусульманская цивилизация Среднего и Ближнего Востока имеет свою специфику. Она представлена тремя ветвями: арабы, турки, иранцы. Все эти народы объединяет религия совсем другого рода – монотеистическая, устанавливающая связь между человеком и единым Богом и полностью детерминирующая менталитет исламских народов, почти нивелируя их национальное своеобразие. Иранцы (шииты) отличаются от других мусульман более строгими и имеющими свою специфику религиозными воззрениями и предписаниями. Основными ценностями этих народов являются стремление к спасению, сильная религиозность и при этом – обращенность к земному, стремление к удовольствию и наслаждению. Фатализм, коллективизм, верность традициям, конформность, патриархальные традиции (чрезвычайно сильно выраженные) престиж (социальное «лицо») – все это роднит эту цивилизацию с дальневосточной.

В характере этих народов отмечают неприхотливость, приспособляемость, терпеливость, а также недисциплинированность, необязательность, беззаботность, жизнерадостность, гостеприимство, смирение, покорность, эмоциональную горячность.

Языки арабов и иранцев отличаются высокой сложностью, относятся к группе флективных, тогда как языки турок – агглютинативные.

В познавательном стиле преобладает экстравертная интуиция и в меньшей мере – мышление (кроме турок, у которых – только интуиция). Специфика мусульманской души проявляется в ее имажинативности, склонности к воображению, зачарованности образом (при запрете на изображения). Лишь у иранцев эта склонность выразилась в бурном расцвете искусства разных жанров. Подводя итог характеристике исламских цивилизаций, отметим еще раз, что народы эти, хотя и исключительно религиозны, в большей мере обращены к миру внешнему. Представляется, что ведущей психологической установкой людей в этих странах является экстраверсия. Не вызывает сомнений и ведущая функция – интуитивная. Об этом свидетельствуют многие моменты, касающиеся большой роли бессознательного в восприятии мира и управлении поведением, «магическое мироощущение», велеречивость, частое использование метафор, аналогий, «туманность» речи, отсутствие интереса к деталям и нелюбовь к точности, пунктуальности, скрупулезности в работе, богатое воображение. Таким образом, это экстравертная

интуиция, позволяющая видеть возможности и перспективы в окружающем мире.

III. 10. Сравнительная характеристика ментальных и познавательных особенностей Запада и Востока

Подводя итоги всему сказанному, попытаемся наметить основные тенденции, проявившиеся в данном теоретическом обзоре. Как отмечалось в первой главе, особенности менталитета разных этносов определяются идеями, мыслями, верованиями и, прежде всего, спецификой религии, а также ведущими ценностями и традициями. Кроме того, составляющими менталитета являются такие компоненты, как язык, накладывающий отпечаток на образ мысли того или иного народа, национальный характер как проявление стереотипов поведения и, наконец, своеобразие восприятия и мышления, общий стиль отражения мира. Таким образом, весь этот комплекс свойств находится в системе взаимных отношений [66, 67]. При этом первичным фактором образования этноса, объединения народа и формирования его мировидения является религия. Ф. М. Достоевский писал: «При начале всякого народа... идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее.... Как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность, ... чтоб сохранить полученную драгоценность» [42, с. 340 – 341]. Под

влиянием религии оформлялись ценности, определялся и укреплялся национальный характер. Итак, с одной стороны, менталитет формируется под значительным воздействием религии, с другой – принимаемая народом религия также во многом определяется менталитетом, благодаря которому она, нередко заимствованная от других культур, укореняется на новой почве. Что же касается склада ума как совокупности когнитивных и эмоциональных особенностей, образующих общий познавательный стиль, то для всего этого имеются как природные предпосылки, так и социальные детерминанты. Познавательный стиль как способ отражения мира непосредственно связан с языком, от особенностей и структуры которого зависит специфика мышления. Несомненны и взаимосвязи познавательного стиля с основными чертами характера, которые накладывают свой отпечаток на специфику восприятия и переработки информации.

Разделение цивилизаций на западные и восточные имеет в основе своей не географические причины, а особенности менталитета. Христианский Запад значительно отличается от мусульманского и буддистско-конфуцианского Востока. Эти различия проявляются не только в религиозной ориентации, языках и письменности, преобладающих ценностях и чертах характера, но и в стилях познания и отражения мира.

Западная цивилизация – это преимущественно католические и протестантские страны с двухтысячелетней христианской культурой. Основной

смысл этой религии – спасение души. Однако эта цивилизация прошла долгий путь удаления от Бога, обезбоживания, утраты веры, что прежде всего отразилось на структуре ценностной системы. Ведущими ориентирами в менталитете Запада как культуры атеистической, обращенной к миру земному, стали такие ценности, как индивидуальность, благосостояние, успех, первенство, активность, власть, свобода, культ молодости, образование. Западный менталитет отличают рационализм, воля к действию и воля к власти, бездуховность и безверие, распад традиций, возвышение человеческого «я» и самоутверждение. Основными чертами человека этой цивилизации можно считать развитые волевые качества, энергию, активность, стремление к власти и самоутверждению, индивидуализм, рассудочность, манипулятивное мышление, прагматизм, эмоциональную обедненность (усредненность чувств), сверхорганизованность. Соответственно, здесь преобладает экстраверсия – направленность интересов и активности на внешний мир, почти у всех европейских народов ведущей психологической функцией в познавательном стиле является ощущение. Это означает, что мир воспринимается конкретно, практически, точно и детализированно, с учетом реальных фактов, которым придается основное значение. Таким образом, западные люди – реалисты, «отяжеленные миром» (т.е. слишком укорененные в нем), для них существует лишь «осязаемая действительность», которую они склонны логически осмысливать, анализировать, дробить, рационально

объяснять, опираясь на вербальные средства. Этому способствуют и европейские языки, достаточно сложные, флективные, подходящие для логического мышления. В целом это цивилизация с преобладанием «левополушарного мышления», ценностью времени. Для западного познавательного стиля характерно использование мелких, точных оценочных шкал с большим числом делений, позволяющих достичь дробного, детализированного отражения внешнего мира.

Восточные (дальневосточные) цивилизации - это страны с преобладанием буддизма, даосизма, конфуцианства, синтоизма или индуизма - древних языческих синкретических религий, во многих из которых отсутствует Бог как личность. Главное в них - очистить сознание и достичь спасения. Здесь обнаруживается отказ от собственного «я», волевого акта, отсутствие четких нравственных заповедей, данных Богом (как в христианстве), нахождение по ту сторону добра и зла. Ценной представляется гармония с миром, совершенствование души и тела. Важными системами ценностей в восточных культурах являются: материнство, социальная иерархия (уважение к старшим и вышестоящим), мужественность. Большое значение имеет духовность, преобладание морального и духовного над вещественным и материальным, этические ценности, мудрость, благочестие, спасение, бережное отношение к природе, традициям («ценность корней»), коллективизм. Общими чертами характера этих народов можно считать вежливость, терпеливость, фатализм, набожность,

хладнокровие, покорность власти и жесткой социальной иерархии. При этом китайцы энергичны и предприимчивы (и наиболее рациональны), японцы – очень аккуратны, с эстетическим отношением к жизни, индийцы – наиболее религиозны, дружелюбны, наивны, медлительны.

Наиболее сложными языками пользуются индийцы (индоевропейские, флективные языки), менее сложный язык – у японцев (агглютинативный), наиболее простой – у китайцев (изолирующий).

Познавательный стиль этих цивилизаций представлен интровертированной установкой и интуитивной и чувствующей функциями. Восточный ум отличают синтетичность, догматизм, интуитивность, эмоционально-образный тип мышления, субъективность. Это «правополушарное мышление» (визуальный стиль), контекст-зависимость, индуктивный, конкретный тип мышления; синкретичность и нелинейность мыслительного процесса, рефлексивность и невербальность. Таким образом, для восточного познавательного стиля характерны крупные оценочные шкалы с малым числом делений, что дает возможность получить целостную, обобщенную, интуитивную картину мира и – в первую очередь – мира внутреннего, духовного.

Для значительной части цивилизаций Ближнего и Среднего Востока объединяющим началом является религия – ислам. Как уже отмечалось, адептов этой религии характеризует эмоциональное к ней отношение, обращенность к удовлетворению земных потребностей,

фатализм и фанатизм мировосприятия, безусловное подчинение Богу. То есть это глубоко верующие, крайне религиозные народы. При этом преобладает обращенность к земным сокровищам, поскольку религиозные предписания обращены к практической жизни, а райским идеалом являются наслаждения, аналогичные земным.

Ведущими ценностями здесь становятся иерархия, коллективизм, благочестие, семья, удовольствия и наслаждения. Основные черты характера – почитание старших, жизнерадостность, терпение, покорность, смирение, неприхотливость, конформизм и догматизм, выносливость, неторопливость и склонность к резким изменениям настроения, импульсивность, несдержанность.

Три ветви мусульманской цивилизации различаются по характеру национального языка. Наиболее сложные, флективные языки имеются у арабов и иранцев. Туркам, как и всем народам тюркской группы, присущи менее дифференцированные агглютинативные языки. Эти различия сказываются и на познавательных особенностях.

Познавательный стиль характеризуется экстравертированной установкой, интуитивной и, в меньшей степени, мыслительной функциями (последняя не выделяется у турок). Отражение мира – в богатых образах и одновременно – отвлеченной рассудочности. Это медленный тип мышления с преобладанием конкретно-образного стиля, способность видеть возможности и перспективы в освоении внешнего мира.

Итак, западный познавательный стиль представлен экстравертной ощущающей функцией. Он совпадает с ведущими западными ценностями – индивидуализмом и социальными достижениями, успехом, властью и благосостоянием, отказом от «устаревших» традиций, безверием и бездуховностью – и основными чертами: волей, активностью, выделением собственного «я». Для успеха в обществе и достижений в деятельности как нельзя лучше подходят рационализм, реализм, склонность к детальному, точному, аналитическому отражению мира. Такой рационализм и дробление умертвляют веру и не способны привести к гармонии и мудрости.

Полной противоположностью являются восточные цивилизации – с направленностью на внутренний мир и преобладанием интуитивной и чувствующей функций. Эти стили сродни синкретизму восточных религий, восточным ценностям (духовность, гармония, традиции, природа, коллективизм и т.д.) и склонности к терпению, покорности, фатализму. Восточную культуру, без сомнения, можно отнести к сотериологической, в отличие от эвдемонической западной культуры. Итак, это противоположные религии, это безверие и вера, это противостоящие друг другу системы ценностей и абсолютно разные способы отражения мира.

Что же касается мусульманской цивилизации, то по своей основной ориентации (экстравертированной установке) она соответствует Западу, тогда как ведущая функция (интуитивная) аналогична восточной. Экстраверсия роднит эти народы с западными мирскими

ценностными системами, т.е. это, скорее, также эвдемоническая культура. Однако далее следует интуиция (правда, экстравертная, направленная на возможности и перспективы развития во внешнем мире). В результате важными становятся коллективизм и благочестие, сильная фанатичная вера (какой нет у Запада).

Таким образом, познавательные стили как формально-динамические характеристики склада ума играют значительную роль в становлении содержательных компонентов менталитета той или иной культуры. Способ отражения мира, специфика преобразования информации так или иначе оказываются взаимосвязанными с характером, ценностями и верованиями народов, т.е. их ментальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенному теоретическому обзору и отметим основные положения и выводы.

Целью работы было выявление специфики менталитета и стилей познания мира представителей разных цивилизаций и этносов.

Проведено изучение понятия «менталитет», которое неоднозначно истолковывается разными исследователями. Большинство ученых сходятся на том, что менталитет, или ментальность представляет собой систему идей, ценностей, представлений о человеке и мире, т.е. все то, что можно было бы обозначить такими терминами, как

миропонимание или мировидение. С другой стороны, менталитет характеризуется складом ума, образом мыслей, своеобразием восприятия и мышления. Эта грань понятия «менталитет» наиболее близко примыкает по смыслу к определению «познавательного стиля» как индивидуально-своеобразного способа познавательного отношения человека к происходящему, проявляющегося в особенностях индивидуальной «картины мира». Таким образом, познавательный стиль можно рассматривать как часть менталитета. В структуре менталитета функционируют как сознательные, так и бессознательные, иррациональные установки. Национальный менталитет выступает как интегральная характеристика представителей определенной социальной общности – этноса, цивилизации, которая включает когнитивные, аффективные и поведенческие проявления и позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира, объяснить специфику их реагирования на него.

Каналами трансляции менталитета являются ведущие ценности и верования, убеждения, идеалы, стереотипы поведения, зафиксированные в чертах характера, а также национальный язык, специфика восприятия и мышления. На формирование менталитета влияют такие условия, как географические и биологические факторы, культура, религия, социальные, исторические, экономические обстоятельства.

В работе впервые выделены и систематизированы характеристики менталитета и особенности стилей

отражения мира у представителей западной – европейской и американской – и восточной цивилизаций. Последняя представлена дальневосточными и мусульманскими народами. Таким образом, проведен теоретический анализ обширного материала о множестве этносов и двух крупнейших мировых цивилизациях, разработаны критерии для их характеристики. В результате анализа литературных источников выявились ведущие ценности, особенности национального характера, специфика стиля отражения мира. В основе иерархии ценностей и менталитета в целом лежат верования – практически утраченная христианская вера на Западе, синкретичные конфуцианско-буддийские и другие воззрения на Дальнем Востоке, мусульманская религия на Ближнем и Среднем Востоке. Этим во многом объясняется ориентация на земные ценности, совершенное устройство практической жизни, реалистичность, прагматизм у представителей западной цивилизации. Из религий проистекает и сотериологическая (с ориентацией на спасение) направленность дальневосточных народов с их ценностями духовности, гармонии, самосовершенствования, традиций, красоты, этики. Мусульманская цивилизация, сформированная на перекрестке культур, совместила в себе рационализм Запада и мистику Востока. Ее характеризуют глубокая вера, с одной стороны, и устремленность к земному благополучию в практической жизни – с другой. Этому

соответствуют ценности благочестия, иерархии, коллективизма, семьи, а также гедонизма.

Познавательный стиль также указывает на цивилизационные отличия: преобладание экстраверсии (направленности на внешний мир) на Западе и интроверсии (обращенности к миру внутреннему) – на Востоке. Ведущей психологической функцией западной цивилизации является ощущение, затем мышление, на Востоке – интуиция и чувство. Таким образом, Восток и Запад по ментальным и познавательным характеристикам проявляют себя как антиподы. Мусульманский Восток соответствует западной цивилизации по ведущей установке (экстравертированной) и вспомогательной функции (мыслительной). Вместе с тем его объединяет с остальным Востоком ведущая интуитивная функция.

Изучение цивилизационного и этнического своеобразия мировидения в настоящее время является особенно важной, актуальной проблемой, от решения которой зависит успешность межнациональных контактов, взаимопонимание, сотрудничество, а также формирование собственной этнической и культурной идентичности каждого человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абельская, Е.Ф. Типоведческое исследование психического склада личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. Ф. Абельская. – Екатеринбург, 2006.
2. Аксаков, И.С. Федор Иванович Тютчев / И. С. Аксаков // Россия и Запад: книга пророчеств / Ф.И. Тютчев. – М.: Православный Свято – Тихон. богослов. ин-т, 1999. – 206 с.
3. Алексеев, В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В. М. Алексеев. – М., 1996.
4. Ануфриев, Е. А. Российский менталитет как социально-политический феномен / Е. А. Ануфриев, Л. В. Лесная. // Социально-полит. журнал. – 1997 – № 4. – С. 18 – 21.
5. Асмус, В.Ф. Проблемы интуиции в философии и математике / В. Ф. Асмус. – М., 1965.
6. Аутлева, Ф.Т. Ценностно-нормативные ориентиры русской ментальности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук, / Ф. Т. Аутлева. – М., 1996.
7. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989.
8. Белик, А.А. Психологическая антропология / А.А. Белик. – М., 1993.
9. Бердяев, Н. А. Предсмертные мысли Фауста / Н. А. Бердяев // Освальд Шпенглер и закат Европы. – М.: Берег, 1922. – 95 с.
10. Бердяев, Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.

11. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 736 с.
12. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М., 1993.
13. Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю. В. Бромлей. – М., 1987.
14. Будейко, В.Э. Кириллица. Сущность и смысл многозначности букв славянской азбуки / В. Э. Будейко; Челяб. обл. общ. орган. «В защиту российской культуры». – Челябинск, 2003. – 112 с.
15. Вальцев, С.В. Структура, содержание и особенности национального менталитета / С.В. Вальцев. – М.: МГОУ, 2005. – 121 с.
16. Васильев, Л.С. История религий Востока /Л.С. Васильев. – М., 1988.
17. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
18. Веккер, Л.М. Психические процессы / Л.М. Веккер: в 3 т. – Л., 1976, 1981 – Т.2, 3.
19. Воронцова, М.В. Менталитет как проблема коммуникации / М. В. Воронцова. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа:
[/http://www.iaas.msu.ru/res/lomo06/welan/vorontsova.htm](http://www.iaas.msu.ru/res/lomo06/welan/vorontsova.htm)
/. Загл. с экрана.
20. Всеобщая история религий мира / ред. В. Людвинская. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
21. Вундт, В. Психология народов / В. Вундт: В 10 т. – СПб, 1902. – Т.4.
22. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – М.: Космос, 1912.
23. Гачев, Г.Д. Космопсихологос – национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Академ. проект, 2007.

24. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М.: Академия, 1998. – 430 с.
25. Гердер, И.Г. Избранные сочинения / И.Г. Гердер. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
26. Глазами друзей: Русские об Индии: сб. / сост. А. В. Западов, Е.П. Прохоров. – М.: Госполитиздат, 1957. – 408 с.
27. Гнатенко, П.И. Национальный характер / П. И. Гнатенко. – Днепропетровск, 1992.
28. Грановская, Р.М. Интуиция и искусственный интеллект / Р. М. Грановская, И. Я. Березная. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. – 1991. – 272 с.
29. Григорьева, Т.П. Дао и Логос / Т.П. Григорьева. – М.: Наука, 1992. – 424 с.
30. Григорьева, Т.П. Японская литература XX века / Т. П. Григорьева. – М.: Худож. лит., 1983. – 302 с.
31. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации» / Л. И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М.: Академия, 2007. – 336 с.
32. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984.
33. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985.
34. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев. - М.: Рольф, 2000. – 384 с.
35. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2001, – 560 с.
36. Гумилев, Л.Н. Этносфера: История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М., 1993.
37. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М., 1993.
38. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

39. Дашковский, П.К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. – Вып. 2. – Барнаул: ММЦ АлтГУ, 2007.

40. Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель империи. Византийский урок». – Электрон. дан. (файл) – М., 2009. – Режим доступа / <http://www.vizantia.info/docs/1.ttm> / . – Загл. с экрана.

41. Доброхотова, Т.А. Левши / Т.А. Доброхотова, Н.Н. Брагина. – М., 1994.

42. Достоевский, Ф.М. Избранное / Ф.М. Достоевский; Изд. Срет. монастыря. – М., 2000. – 400 с.

43. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И. Г. Дубов // Вопросы психол. – 1993. – № 5. – С. 20-29.

44. Дубов, И.Г. Социальная психология: Словарь / И.Г. Дубов, А. В. Петровский. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/azbuka/article/azbuka/ps7-057.htm> / . – Загл. с экрана.

45. Дугин, А. Крестовый поход против нас / А. Дугин // Завтра. – 1997. – № 42.

46. Дугин, А. Основы геополитики. Политическое будущее России / А. Дугин. – М., 1970.

47. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках / М. М. Дунаев; изд. совет РПЦ. – М., – 2003. – 1056 с.

48. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. / Ж. Дюби; под ред. А. Я. Гуревича. – М.: Наука, 1991.

49. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – М., 1996.

50. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М., Астрель-АСТ, 2006. – Т. 2.
51. Завадская, Е.В. Культура Востока в современном западном мире / Е. В. Завадская. – М., 1977.
52. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII – V вв. до н.э./ А. И. Зайцев; под ред. Э. Д. Фролова. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1985. – 208 с.
53. Захарченко, М.В. Две цивилизации / М.В. Захарченко. – Электрон. дан. (файл). – СПб., 2009. – Режим доступа: <http://www.nravstvennost.info/library/news/>. – Загл. с экрана.
54. Захарченко, М.В. Традиции и современность как установки в самосознании и поведении человека / М.В. Захарченко. – Электрон. дан. (файл). – СПб. – 2009. – Режим доступа: <http://www.nravstvennost.info/library/news/>. – Загл. с экрана.
55. Зеньковский, Василий, протопресвитер. Смысл православной культуры / протопресвитер Василий Зеньковский; сост. В. Л. Шленова. – М.: Изд-во Срет. монастыря, 2007. – 272 с.
56. Зинченко, В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / В. П. Зинченко // Вопросы психол. – 2007. – № 6. – С. 3 – 20.
57. Знаков, В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана / В. В. Знаков // Вопросы психол. – 1995. – № 2. – 1995. – С. 84 – 91.
58. Игнатенко А. Маджнун и Дон Кихот – архетипические сумасшедшие, или чем отличается исламская культура от Западной / А. Игнатенко // Отечеств. записки. – 2003. – № 5. – С. 15 – 19.

59. Ильин, И.А. О России. / И.А. Ильин. – М.: Изд-во Срет. монастыря, 2006. – 224 с.
60. История религий Востока. – М., 1983.
61. Кавасаки, И. Япония без маски / И. Кавасаки. – Токио, 1969.
62. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин // Избр. соч.: в 2 т. – М., 1964. – Т.1.
63. Кирдяшкина, Т.А. Межкультурные различия в познавательных стилях / Т. А. Кирдяшкина // Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – Т. 3. – С. 11 – 16.
64. Кирдяшкина, Т.А. Познавательные стили / Т. А. Кирдяшкина // Психология в меняющемся мире: тез. докл. регион. науч.-практ. конф. (25 – 26 апр.2001 г.) – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – С. 86 – 88.
65. Кирдяшкина, Т.А. Индивидуальный подход в образовании / Т. А. Кирдяшкина // Психологическое сопровождение личностно-ориентированной модели в образовании. – Челябинск, 2002. – С. 23 – 25.
66. Кирдяшкина Т.А. Взаимосвязи когнитивных особенностей с типами характера / Т. А. Кирдяшкина // Ключевые проблемы качества жизни: матер. межд. науч. конф. (25 мая 2006 г.) – М.; Челябинск, 2006. – С. 221 – 223.
67. Кирдяшкина, Т.А. Стили познания и ценностные ориентации студентов / Т. А. Кирдяшкина // Теоретико-методологические основания гармонизации мироотношения. – Челябинск: Образование, 2006. – С. 252 – 253.
68. Кирдяшкина, Т.А. Образование в контексте культуры / Т. А. Кирдяшкина // Вузовское преподавание: проблемы и перспективы: матер. VIII межд. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2007. – С. 276 – 277.

69. Кирдяшкина, Т.А. Об особенностях западного менталитета / Т.А. Кирдяшкина // Ананьевские чтения. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: матер. науч.-практ. конф. (21-23 октября 2008г.) / под ред. Л. А.Цветковой, А. А. Крылова; – СПбГУ. – СПб, 2007. – С. 727.

70. Киреевский, И.В. Россия и Запад. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / И. В. Киреевский // Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002. – 662 с.

71. Кларк, С. Все о Японии / С. Кларк. – Нью-Йорк, 1961.

72. Кондаков, И.В. Интуиция в свете морфологии и культуры / И.В. Кондаков // Мир психологии. – 1996. – № 4. – С. 50 – 58.

73. Конрад, Н.И. Избранные труды. Синология / Н.И. Конрад. – М., 1977.

74. Коростовец, И. Китайцы и их цивилизация / И. Коростовец. – СПб., 1889. – 625 с.

75. Косиков, Г.К. Идеология. Коннотация. / Г.К. Косиков. – М.: Ad Marginem, 1994.

76. Коул, М. Культура и мышление. / М. Коул, С. Скрибнер. – М., 1977.

77. Крашенинников, В.Л. По Декану: Индийские впечатления / В. Л. Крашенинников. – М.: Географгиз, 1963. – 264 с.

78. Крысько, В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2004. – 320 с.

79. Кулинич, М.А. Введение в лингвокультурологию / М.А.Кулинич. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002.

80. Культурология / под ред. Г.В. Драча. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 573 с.

81. Культурология / под ред. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М-ИНФРА, 2006. – 413 с.
82. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
83. Лебедева, Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н. М. Лебедева // Психол. журнал. – 2001. – Т.22. – № 3. – С. 26 – 36.
84. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995.
85. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.
86. Лекции по юнговской типологии / Мария-Луиза фон Франц. Подчиненная функция; Джеймс Хиллман. Чувствующая функция; под ред. В. В Зеленского и А.М. Ельяшевича. – СПб., 1998. – 198 с.
87. Леонтьев, К. Восток, Россия и славянство / К. Леонтьев. – М.: Республика, 1996. – 799 с.
88. Либин, А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А. В. Либин. – М.: Смысл: Per Se, 2000. – 549 с.
89. Ливер, Б. Лу. Обучение всего класса / Б. Лу Ливер. – М.: Новая школа, 1995. – 48 с.
90. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. – М., 1978.
91. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский; изд. совет РПЦ. – М.: ДАРЪ, 2005. – 336 с.
92. Лузин А.Е. Межкультурные различия и способы адаптации к ним / А. Е. Лузин. – Электрон. дан. (файл). – Турин, Италия: Элитариум; центр дистанционного образования, 2008. – Режим доступа:

http://www.elitarium.ru/2008/08/04/mezhkulturnye_razlic_hija.html/. – Загл. с экрана.

93. Лукьянова, Е.Л. Этнические проявления психологической защиты: дис. ... канд психол. наук / Е. Л. Лукьянова. – Хабаровск, 2007.

94. Львов, Д.С. Путь в XXI век / Д.С.Львов // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. – М.: Экономика, 1999. – 793 с.

95. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М.: Астрель, 2000. – 631 с.

96. Мараини, Ф. Встреча с Японией / Ф. Мараини. – Рим, 1959.

97. Матюшкин, А.М. Интуиция и творчество / А. М. Матюшкин // Мир психологии. – 1996. – № 4. – С. 28 – 35.

98. Мацухара, И. Жизнь и природа Японии / И. Мацухара. – Токио, 1964.

99. Менон, М.С.Н. Два потока индийской цивилизации / М. С. Н. Менон. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа: <http://nervana.net.ru/>. – Загл. с экрана.

100. Мейендорф, Иоанн, протопресвитер. Византийское богословие: исторические направления и вероучение / протопресвитер Иоанн Мейендорф. – М.: Когелет, 2001. – 432 с.

101. Можайскова, И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России / И. В. Можайскова: в 4 ч. – М., 2001. – Ч. 1. – 540 с.

102. Можайскова, И.В. Духовный опыт русской цивилизации и судьба России / И. В. Можайскова: в 4 ч. – М., 2001. – Ч. II. – 480 с.

103. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 536 с.

104. Неверов, С.В. Национальная специфика и проблемы общения в современной Японии / С. В. Неверов // Национальная культура и общение. – М., 1977.

105. Ненашев, А.К. На перекрестке веков / А.К. Ненашев. – М.: Наука, 1974. – 128 с.

106. Никольский, Е. Судьба России в творчестве Михаила Лермонтова: духовно-нравственные аспекты / Е. Никольский // Духовно-нравственное, патриотическое образование и воспитание в традиции православия: исторический опыт, актуальность возрождения в культуре современной России: в 3 ч. – Челябинск, 2008. – Ч. 2. – С. 37 – 44.

107. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – СПб, 1911.

108. Нуждин, Н.А. Менталитет человека как объект философского анализа / Н. А. Нуждин. – Электрон. дан. (файл). – Екатеринбург; 2009. – Режим доступа: <http://www.wegpu.ru/lib/elib/Data/Content/128275704792360049/Default.aspx/>. – Загл. с экрана.

109. Огурцов, А.П. Трудности анализа менталитета: Российская ментальность. // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С.50-53.

110. Овчинников, Б.В. Ваш психологический тип / Б. В. Овчинников, К. Б. Павлов, И. М. Владимирова. – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – 235 с.

111. Овчинников, В.В. Ветка сакуры / В.В. Овчинников. – М.: Мол. гвардия, 1971. – 224 с.

112. Овчинников, В.В. Корни дуба / В.В. Овчинников. – М.: Мысль, 1980. – 300 с.

113. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

114. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 119 – 121.

115. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991.
116. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет – М.: Искусство, 1991. – 558с.
117. Осипов, А.И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – СПб: Сатисъ, 2007. – 339 с.
118. Переслегин, С. Послесловие. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира / С. Переслегин // Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, – 2003. – С. 579 –603.
119. Петренко, О.А. Этнический менталитет и язык фольклора / О. А. Петренко. – Курск, 1996. – 118с.
120. Пильняк, Б. Камни и корни / Б. Пильняк. – Л., 1935.
121. Пильняк, Б. Корни японского солнца / Б. Пильняк. – Л., 1927.
122. Платонова, Э.Е. Конспект лекций по культурологии / Э. Е. Платонова. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 304 с.
123. По Ирану. – М.: Наука, 1973.
124. Полещук, А.А. Становление норвежского менталитета / А. А. Полещук. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа: http://student.bestfinds.ru/culturologyes/culturologyes-referat_505.php/. – Загл. с экрана.
125. Пронников, В.А. Японцы / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. – М.: Наука. – 1985. – 348 с.
126. Пушкирев, Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечеств. история. – 1995. – № 3. – С. 158-166.
127. Рогальская Н.П. Понятие «менталитет»: особенности определения / Н. П. Рогальская. – Электрон. дан. (файл). – М.: София // Рукописный журнал Общества ревнителеев русской философии, 2006. – В. 9. – Режим доступа:

<http://virlib.eunnet.net/sofia/09-2006/text/0922.html> / . – Загл. с экрана.

128. Ротенберг, В.С. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский // Вопросы философии. – 1984. – № 4. – С. 78 – 86.

129. Ротенберг, В.С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. – М., 1984.

130. Ротенберг, В.С. Слово и образ – проблемы контекста / В. С. Ротенберг // Вопросы философии. – 1980. – № 4. – с. 32 – 35.

131. Ротенберг, В.С. Психофизиологические аспекты изучения творчества. Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения / В. С. Ротенберг. – Л., 1982.

132. Роуз, Серафим, иеромонах. Приношение православного американца / иеромонах Серафим Роуз. – М.: Рос. отд-ние Валаам. общ-ва Америки, 2001. – 699 с.

133. Рудофски, Б. Мир кимоно / Б. Рудофски. – Лондон, 1966.

134. Рыбин, В.А. Проблема нравственно-гуманистического воспитания в философско-педагогических учениях XVII – XIX вв.: автореф. дис. ... докт. пед. наук / В. А. Рыбин. – М., 2006.

135. Садохин, А.П. Этнология: учеб. пособие / А.П. Садохин. – 3-е изд. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 352 с.

136. Саракуев, Э.А. Введение в этнопсихологию / Э. А. Саракуев, В.Г. Крысько. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 344 с.

137. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сэпир. – Изд. 3-е. М.: Прогресс: Универс, 1993. – 243 с.

138. Сердюк, Ю.О. Менталитет арабов / Ю.О. Сердюк. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа: <http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200301003/>. – Загл. с экрана.
139. Сидорова, В.В. Структурная детерминация образа сознания: автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. В. Сидорова. – М., 2005.
140. Словарь философских терминов / ред. В. Г. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
141. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 1632 с.
142. Современный Иран. – М.: Наука, 1975. – 568 с.
143. Соловьев, В.С. Три силы // Избранное / В.С. Соловьев – М.: Сов. Россия, 1990. – 496 с.
144. Стернберг, Р.Дж., Григоренко Э.Л. Почему мы должны исследовать развитие в культурном контексте./ Р. Дж. Стернберг, Э. Л. Григоренко // Психология обучения: Дайджест российской и зарубежной прессы. – 2006. – № 2.
145. Стефаненко, Т. Этнопсихология / Т. Стефаненко; Ин-т психологии РАН. – М.: Академ. проект, 1999. – 320 с.
146. Стрэттон К.Р. Живописная Япония / К.Р. Стрэттон. – Нью-Йорк, 1910.
147. Сухарев, А.В. Этнофункциональная психотерапия опиоидной наркомании: анализ клинического случая / А. В. Сухарев // Психол. журнал. – 1999. – Т.20. – № 1. – С. 18 - 22.
148. Сухарев, А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности / А. В. Сухарев // Психол. журнал. – 2009. – Т. 30. – № 3. – С. 118 - 127.
149. Сухарев, А.В. Теоретико-методологические следствия введения понятий этнофункциональной психической

архегении и анархегении / А. В. Сухарев // Журнал прикл. психологии. – 2004. – № 1. – С. 26 –31.

150. Сухарев, В.А. Психология народов и наций / В.А. Сухарев, М.В. Сухарев. – Донецк: Сталкер, 1997. – 400 с.

151. Тихомирова, И.В. Преобладающий тип ориентировочной активности и некоторые характеристики индивидуальности: дис. ... канд. психол. наук / И. В. Тихомирова. – М., 1988.

152. Тишков, В.А. Очерки теории этноса и политики этничности в России / В. А. Тишков. – М., 1997.

153. Топоров, В.Н. Эней – человек судьбы / В.Н. Топоров: в 2-х ч.,– М.: Радикс, 1993. – Ч.1.

154. Трубецкой, Н. О туранском элементе в русской культуре / Н. Трубецкой // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2-х т. – М.: Искусство, 1994. – 539 с. – Т. 2.

155. Турция. – Электрон. дан. (файл). – М.: Софокл – бюро переводов, 2009. – Режим доступа: <http://www.sofokl.ru/country/turkish.html/>. – Загл. с экрана.

156. Тюняев, А.А. К вопросу о классификации языков / А.А. Тюняев. – Электрон. дан. (файл). – М., 2009. – Режим доступа:

// <http://www.organizmica.org/archive/408/ky.shtml/>. – Загл. с экрана.

157. Тютчев, Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств / Ф. И. Тютчев. – М.: Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т, 1999. – 206 с.

158. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 135 – 198. – Вып. 1.

159. Уотс, А.В. Путь Дзэн / А.В. Уотс. – Киев: София, 1993. – 320 с.

160. Уфимцева, Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание/ Н. В. Уфимцева // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: мат. науч. конф. (Воронеж – Задонск, 3–6 июля 2000 г.) / ред. кол.: И. А. Стернин (науч. ред.) [и др.]: в 2 т. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. – С. 70 – 77. – Т. 1.

161. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.

162. Философский энциклопедический словарь / ред. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 576 с.

163. Флоренская, Т.А Мир дома твоего / Т.А. Флоренская. – М.: Русский хронограф, 2006. – 480 с.

164. Флоренский, П.А.Христианство и культура / П.А. Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 672 с.

165. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

166. Хасан, И. Постмодернизм и культура / И. Хасан // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 18 – 23.

167. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 304 с.

168. Холодная, М.А. Психология интеллекта / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

169. Хомяков, А.С. О старом и новом / А.С. Хомяков. – М.: Современник, 1988. – 462 с.

170. Хомяков, Д.А. Православие, Самодержавие, Народность/ Д. А. Хомяков. – М.: ДАРЪ, 2005. – 464 с.

171. Чаадаев, П.Я. Апология сумасшедшего // Сочинения и письма / П. .Я. Чаадаев. – М., 1914.

172. Чекалин, А.Н. Темнее всего перед рассветом: Россия (СССР) – Запад: идейные и экономические битвы цивилизации накануне 2000 г. / А.Н.Чекалин. – М.: Наука, 1999. – 816 с.

173. Черносивтов, П.Ю. О зависимости «картины мира» от типа мышления / П. Ю. Черносивтов // Мир психологии. – 1996. – № 4. – С. 80 – 90.
174. Чеснокова, Т.А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета / Т. А. Чеснокова. – Электрон. дан. (файл). – М.: РГГУ, 2008. – Режим доступа: [http://www.norge.ru/svensk_norsk_dansk./](http://www.norge.ru/svensk_norsk_dansk/). – Загл. с экрана.
175. Шестун, Е., протоиерей. Православная педагогика / протоиерей Е. Шестун. – М.: Про-Пресс, 2001. – 559 с.
176. Шмидт, П.Ю. Япония и ее обитатели / П.Ю. Шмидт, В. Л. Ранцов, Д. М Буров, Г. Востоков. – СПб., 1904.
177. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер: в 2-х т. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – Т.1. – 528с.
178. Шпет, Г. Введение в этническую психологию / Г. Шпет. – М., 1927.
179. Штейнталь, Х., Грамматика, логика и психология / Х. Штейнталь // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М.: Учпедгиз, 1960.
180. Штейнталь, Х. Мысли о народной психологии / Г. Штейнталь, М. Лацарус. – СПб., 1865.
181. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М., 1997.
182. Экономцев, Иоанн, игумен. Православие, Византия, Россия / игумен Иоанн Экономцев. – М.: Христ. лит., 1992. – 233с.
183. Юнг, К.Г. Аналитическая психология / пер. и ред. В. В. Зеленского; МЦНК и Т «Кентавр»; Ин-т личности; ИЧП «Палантир». – СПб., 1994. – 132 с.
184. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное / К.Г. Юнг. – СПб; М., 1997.
185. Юнг, К.Г. Психологические типы / под ред. В. В. Зеленского. – Минск: Попурри, 1998. – 656 с.

186. Янушкявичене, О.Л. Духовное воспитание: история и современность / О. Л. Янушкявичене. – М.: ПРО-ПРЕСС, 2008. – 176 с.
187. Bellah, R. Habits of the heart: Individualism and Commitment in American life / R.N. Bellah, R. Madsen, W. M. Sullivan, A. Swidler, S. N. Tipton. – Berkely: University of California Press, 1985.
188. Berry, J.W. Cross-cultural psychology: Research and applications / J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. N. Segall, P. R. Dazen. – N.Y., 1992.
189. Collier, Price. England and the English – from an American Point of View / P. Collier. – London, 1912.
190. Commager, H. S. Britain through American eyes / H.S. Commager. – London, 1974.
191. Condition of Postmodernity. – Oxford: UK, 1990.
192. Curry, L. Integrating Concepts of cognitive and learning style: A review with attention to psychometric standards / L. Curry. – Ottawa: Canadian College of HSE, 1987.
193. Glyn, A. The Blood of a Britishman / A. Glyn. – London, 1970.
194. Heidegger, M. Nietzsche / M. Heidegger. – Pfulligen, 1961.
195. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and Remaking the World Order / S. P. Huntington. – N.Y., 1996. – 367 p.
196. Kikuchi, M. Creativity and Ways of Thinking: Japanese Style / M. Kikuchi // Physics Today. – 1981. – p. 42 – 51.
197. Markovski, R. Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Jrietierungstraining fr amerikanische Studenten, Schüler und Praktikanten / R. Markovski // A. Thomas (prsg.). – Heidelberg, 1995.

198. McGranahan, D.V. German and American traits reflected in popular drama / D. V. McGranahan, J. Wayne // Human relations. – 1948. – № 1. – P.429 – 455.
199. Needham, J. Science and Civilization in China / J. Needham. – Cambridge, 1956. – Vol. 3.
200. Nelson, W.H. The Londoners / W.H. Nelson. – London, 1975.
201. Nietzsche, F. Umwertung aller Werte / F. Nietzsche // Aus dem Nachlass zusammengestellt und herausgegeben von Friedrich Würzbach. 2Aufl. – München, 1977.
202. Royce, J. Cognition and knowledge: Psychological epistemology / J. Royce // E. Carterette, T. Friedman (eds.) Handbook of Perception. – N.Y.: Acad. Press, 1974. – P. 149 – 176. – V. 1.
203. Sapir, E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / ed. D. Mandelbaum. Berkeley: university of California Press, 1949.
204. Schmitz, O. The Land without Music / O. Schmitz. – London, 1918.
205. Sternberg, R.J. Are Cognitive Styles Still in Style? / R. J. Sternberg, E. L. Grigorenko // American Psychologist, 1997. – V. 52. – № 7. – P. 700 – 712.
206. Stewart, E.C. American culture patterns: a cross-cultural perspective / E. C. Stewart. – Yarmout: Intercultural Press. – 1972.
207. Triandis, H.C. Culture and social behaviour / H.C. Triandis. – N.Y., 1994. – P. 176.
208. Zuckerman, M. Sensation Seeking / H. London, J. E. Exner, Jr. Wiley et al. (eds) Dimentions of Personality, N.Y., 1978.